Д. Г. Алексеев,
М. Д. Голубых, В. М. Калмыков

КОМКОР
М. В. КАЛМЫКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В славной плеяде командиров гражданской войны достойное место занимает Михаил Васильевич Калмыков, герой Башкирии и Урала, Сибири и Крыма. Соратник В. К. Блюхера, возглавивший одно из соединений во время легендарного рейда по Уралу, М. В. Калмыков за боевые подвиги был дважды удостоен ордена Красного Знамени.

Документальная повесть издается к 100-летию со дня рождения героя.

- Комкор М. В. Калмыков
  -
  - ГЛАВКОМ КРАСНОУСОЛЬСКОЙ
  - ИДЕМ ЗА БЛЮХЕРОМ!
  - С РОДНЫМИ КРАСНЫМИ ВОЙСКАМИ
  - ФОТОГРАФИИ
  - КОМБРИГ ЧОНГАРСКОЙ
  - ГОДЫ МИРНЫЕ — ДНИ ВОЕННЫЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

Комкор М. В. Калмыков

Вперед, на защиту Урала!

М. В. КАЛМЫКОВ

Д. Г. Алексеев.
М. Д. Голубых, В. М. Калмыков

КОМКОР
М. В. КАЛМЫКОВ

(ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)

Издание третье, дополненное

ГЛАВКОМ КРАСНОУСОЛЬСКОЙ

1.

Три года ничего, кроме немецких фольварков да литовских хуторов, не видел старший унтер-офицер Калмыков. Может, поэтому в вагоне на остановках не сиделось. Хотя апрельское солнце светило щедро, холодный ветер совсем не был весенним. И Михаил на перрон выходил, накинув окопную неразлучницу на плечи так, что три Георгия с двумя медалями свободно вели перезвон в такт шагам.

Призван был Калмыков еще в 1910-ом. Закончил подрывной класс саперной учебной команды, потом сам учил зеленых новобранцев. А там война. В первом же бою вместе со своими саперами взял шесть германских орудий.

Удаль унтера Калмыкова отметили и перевели его в группу разведчиков. Смелости и находчивости ему не занимать. Наградами отмечался не раз. А сербскую медаль солдаты присудили Калмыкову на недавнем полковом собрании: «Пусть носит, — сказали. — Храбр и справедлив по-настоящему». Вместе с последней наградой комитет представил ему отпуск на родину, как-никак — контужен, ноги прострелены, зубы, как у старика, цинга расшатала, и лихорадка бьет — последствие болот мозырских.

Во всех вагонах, на вокзалах и полустанках только и говорили о войне. Толковали разное, и трудно было понять, будет ли мир или станет Россия биться до победного конца. Часто называли имя Ленина. Одни говорили, что он подослан немцами для разложения армии, другие связывали возвращение его на родину с дальнейшей борьбой за социализм.

Михаил Калмыков поддерживал большевиков, призывал солдат не подчиняться бездумно офицерским приказам, ратовал за окончание войны. После февраля 1917 года он был одним из активных членов полкового комитета. И все же хотелось самому до конца разобраться во всем. И решил отпускник, прежде чем ехать к родным, побывать в Питере.

В Петроград Калмыков приехал в апрельские дни, когда заявление министра Милюкова «довести мировую войну до решительной победы», вызвало бурный протест рабочих. Их поддержали воинские части города. Непривычно было Калмыкову видеть солдат и матросов, марширующих в колоннах без единого офицера. Так шли Финляндский и 180-й полки, так шли моряки

Флотского экипажа. Над их головами реяли кумачовые полотнища с призывами: «Долой захватную политику!», «Долой войну!», «Долой Милюкова!».

Михаил ходил по городу, прислушивался к выступающим. В них недостатка не было — то тут, то там возникали импровизированные трибуны. И во всем чувствовалось, что время наступает горячее.

Второй отрезок пути тянулся куда как долго. Под Уфой осела большая калмыковская родня. Надолго ли? Сперва родители колесили в поисках работы по Тверской губернии. Там на стекольном заводе в Рябинино и родился в декабре 1888 года их пятый, младший сын Михаил. В школу проходил всего три зимы. После учился только ремеслу. В тринадцать лет первый раз был рассчитан за участие в стачке стеклодувов. А когда в 1902 году умер отец, пришлось думать, как прокормить мать и сестренку. Работал грузчиком на пристани, в шлиховке на зеркальном заводе и, наконец, постиг сложное искусство мастера-выдувальщика бемского стекла. За эти годы побывал на разных заводах Рязанской и Петербургской губерний. А потом забросила судьба в Донбасс, на Константиновский стекольный завод, принадлежащий бельгийскому акционерному обществу. Как в тисках жили стеклодувы: с одной стороны обирали иностранные капиталисты, с другой — русские десятники и подрядчики. По десять-двенадцать часов не выходили рабочие из цехов. Задыхались от дыма и палящей жары. Из камня и песка нутром своим творили чудеса. А сколько обсчетов при выплате жалования, сколько вычетов за брак, найденный там, где его вовсе не было!

Не выдержали константиновские стеклодувы. В 1905 году объявили они забастовку. К ним присоединились рабочие бутылочного завода и железнодорожники. Следующей весной забастовали вновь. Крепко тогда проучили двуличного десятника Левичева. Вывезли подлеца на тачке из цеха и хотели уже сбросить в горячую золу, да помешали казаки и полицейские.

Уже в то время Михаил с братом Федором и с закадычными дружками — Болотовым, Ковалевым и Дубровым — разделяли взгляды Петра Зудова.

Зудов был лишь на три года старше Михаила, но все стеклодувы считали его вожаком и учителем.

В канун первой революции девятнадцатилетний Петр стал членом РСДРП. Он организовывал забастовки на заводе, был активным дружинником и самым деятельным депутатом первого рабочего Совета. После ареста последовали тюрьмы Донбасса, екатеринославщины и высылка в Сибирь.

…До Уфы отпускник добрался на десятые сутки. Город приглянулся, но предстоящая встреча с родными торопила. Ведь четыре года не видел их. Калмыков, перекинув за плечо тощий солдатский сидор, направился к базару искать попутный транспорт. Среди усольских выбрал возницу постепенней.

— Здравия желаю, отец. До Усолки возьмешь?

— Богоявленские мы, — ответил старик и расправил окладистую бороду.

— Я-то не здешний, но говорили…

— Такие ж, как ты, видать. Креста на вас нет.

— А ну, глянь-ка! — подступил к нему Калмыков, распахивая шинель.

— Ладно уж, — смилостивился дед, косясь на георгиевские кресты.

Выехали до солнца. Городские вещицы, на которые хозяин выменял свои товары, — не груз. Кони бежали резво. Дорожный день коротали разговорами. Возница выпытывал про фронт, про германцев и Питер. Седок любопытствовал, что за завод в такой глуши, почему носит разные названия — Усольский и Богоявленский.

Завод был древним. Старик знал его, когда еще медь на нем плавили, на стекло перешли лет двадцать-двадцать пять назад.

Исстари завод и поселок именовались по реке Усолке. Но однажды какой-то проезжий выловил в Усолке икону. Свез ее табынскому попу. Проходит день. Едет другой путник и видит там же, близ соленых холодных ключей еще икону. Опять к попу ее. Когда и в третий раз на том же месте нашли икону, все усольцы и табынцы под звон колоколов, с церковными хоругвями повалили глянуть на «чудо». Попы отслужили молебен и нарекли икону образом табынской божьей матери, а промышленник Пашков на радостях повелел завод и поселок именовать Богоявленским.

— Как святая икона народилась, х-хорошо зажили, — заключил возница, перекрестясь. — Приметными стали. Вся округа к нам потянулась. Торгуй, не ленись.

— А ты, батя, хоть и богомольный, но жох, видать, порядочный, — поддел Калмыков.

— Но-но! — обиделся старик и надолго примолк.

Первым из Калмыковых в эти места приехал брат Тимофей. За ним двинулся с Донбасса Иван со своим семейством. Думал на башкирском кумысе поправить больные легкие. Мать и сестры (старшие братья и их к себе перетянули) писали Михаилу, что кашель еще больше мучит его.

И вот Михаил дома. Суетятся у печи мать и сестры. Спешат

сообщить, что Дмитрий — в Константиновке, а от Тимофея никаких вестей — пропал солдат. Пришли братья с завода, Федор сам только что с фронта. Иван заметно сдал, постарел. Забот много — семья в девять ртов. Правда, дети Василий, Петр да Колька не в тягость уже — на заводе с отцом и дядьями работают: Василий — гамаем, Петр — начинщиком, Колька — мальчиком[1]. Только нелегко, видать, достается им рабочая наука: руки ребят в кровавых мозолях, лбы — темны от ожогов.

Пришли и старые приятели Фаульгаберы. Леня все с Лизой переглядываются — скоро шуряком придется звать. Пили с речами и молча. Из новостей отпускника особенно обрадовала одна: сюда, в этот уральский поселок после ссылки приехал Петр Зудов и опять, как в Константиновке, руководит рабочими.

Под конец застолья завели песни. Калмыковы любили и умели петь. Особенно Федор, да и Михаил не отставал. Пели больше революционные, пели с душой, всем сердцем откликаясь на слова «Марсельезы» и «Дубинушки». Михаил запевал:

Толстопузый наш поп
Обирает народ,
А дьякон с дьячком
Преусердно ему помогают.

Братья, племянники и друзья вступали в припеве, и рвалась песня из распахнутых окон.

Наутро в квартире Калмыковых никаких торжеств уже не было. Все поднялись по гудку. Засобирался и Михаил.

— Далеко ль? — тревожно спросила Анна Васильевна и провела ладонью по оранжево-черным ленточкам наград сына.

— Осмотреться надо.

Утро было приветливым. Солнце уже выкатилось из-за гор, окутанных легкой сизой дымкой. Вдали, на берегу большого пруда виднелись корпуса завода. В тот час они не казались угрюмыми и приземистыми.

Михаил проводил Ивана и Федора до завода и повернул к Петру Зудову.

С осени четырнадцатого года Усольский завод находился на военном положении, но политическая работа на нем продолжалась. По приезду из Сибири Петр Зудов активизировал работу отдельных членов РСДРП(б), привлекал новых в рабочую организацию.

В марте семнадцатого большевики поселка вышли из подполья. Успешно прошли выборы Совета рабочих депутатов. Большевики сразу же стали в нем решающей силой.

Калмыков быстро отыскал Зудова. Изменились друзья внешне сильно. Пропала у Петра молодая осанка, кряжистым, медлительным стал да еще бороду отпустил.

Зудов с откровенным восхищением смотрел на Калмыкова. Дюжим стал, рослым, косая сажень в плечах. На лицо, правда, усталость, в темно-карих глазах озабоченность, но не потерял былой юной привлекательности. Тонкие черные брови, прямой красивый нос, решительные линии подбородка и усы, большие с бронзовым отливом.

— Садись, Михаил Васильевич, выкладывай, с чем прибыл.

— Что говорить-то. Повоевал, получил кое-что, первый отпуск заслужил. Срок-то небольшой, пора в обратный путь. Вот бумаги. Отметить можете?

— А может, останешься?

— Дезертиром?

— По закону. Иль Совету рабочих не веришь?

— Какой из меня сейчас мастер? — усмехнулся Калмыков.

— Ничего, старый опыт быстро возвращается. Однако сейчас ты нужен нам больше как военный. На днях Совет конфискует всю землю у заводчика и окрестных помещиков. Это около 40 тысяч десятин. Часть получат рабочие, другую — деревенская беднота. Нелегко это дастся. До оружия может дойти. Вот и берись-ка, Михайло, за подготовку боевиков. У нас должна быть своя надежная и крепкая рабочая дружина. С организацией помогу, а все боевые дела тебе решать. Ну, как? По рукам?

— На такое готов! — произнес Калмыков, поднимаясь и принимая привычную стойку.

— Готов, да не совсем, — улыбнулся Зудов.

— Понял, — со вздохом ответил фронтовик.

Кресты и медали отстегивал не спеша. Сняв, вынул из кармана свежевыглаженный платок и бережно завернул награды. С погонами разделался быстрее. Два рывка — и полетели прочь.

С фронта поодиночке и партиями возвращались и возвращались солдаты. Росло число штыков в рабочей дружине.

На выборах начальника боевики единодушно проголосовали за Михаила Калмыкова.

Несколько раньше, 13 июля 1917 года, он был принят в члены партии большевиков.

2.

Осенью все жили вестями из Петрограда, ждали больших, необычных перемен. И вот в ночь на 27 октября в комитет

РСДРП(б) поселка Богоявленского завода пришла весть о том, что в Петрограде низложено Временное правительство и провозглашена Советская власть.

Утром в поселке зареяли красные флаги. В полдень рабочие с семьями пришли в клуб.

— Товарищи, — обратился Петр Иванович Зудов к собравшимся, — мы перестали быть рабами. Да здравствует революция! Долой буржуазию! Долой войну!

Была единогласно принята резолюция, в которой стеклодувы приветствовали и поддерживали Советскую власть.

Революция вначале побеждала почти бескровно. Но в ноябре обстановка обострилась. На юге, в оренбургских степях атаман Дутов поднял мятеж против Советов. Отпетый монархист решил строить свою, казачью федерацию. Он твердил, что казаки-де особая ветвь великорусского племени и должны считаться особой нацией.

Пыл авантюриста можно было сбить только силой. 12 декабря 1917 года Калмыков прибыл в Уфу на губернский съезд боевых организаций народного вооружения (БОНВ). А домой возвращался с 30 винтовками, 75 гранатами, 15 тысячами патронов. На боку Михаила Васильевича покоился в новой кобуре кольт, преподнесенный ему лично Эразмом Самуиловичем Кадомцевым.

Сани катились по ухабистой дороге, переваливаясь с боку на бок. За кучера ехал племянник Петька. Покрикивал на пегую лошадь, взмахивал кнутом и то и дело упоминал в разговоре своего приятеля, который поступил пулеметчиком в один из уфимских отрядов. Калмыков понимал, к чему клонит парнишка, и по приезде в поселок не устоял, записал и племяша в красногвардейцы.

В феврале Богоявленская дружина направила против дутовцев первый большой отряд добровольцев. Командование им принял брат Калмыкова — Федор. С ним отправился в боевые походы и Петька.

В марте снова заухал набатный колокол. Гулко прозвучала и короткая пулеметная очередь — сигнал боевой тревоги.

— Весь пролетарский Урал готовит силы для отпора Дутову, — объявил на очередном сходе Михаил Васильевич Калмыков, только недавно назначенный начальником штаба Богоявленской БОНВ. — Надеюсь, еще добровольцы найдутся?

— Есть! Все пойдем! — раздались голоса.

Костяком нового боевого отряда стала стрелковая рота, разделенная на семь десятков. В кавалерийский полувзвод были зачислены дружинники, имевшие лошадей и опыт службы в

коннице. Полные расчеты получили два отрядных пулемета.

На другой день отряд ушел, и тотчас же в Уфу полетела телеграмма, подписанная П. И. Зудовым.

> «Отряд отправлен 27 марта в 2 часа дня. Головной в 15 человек — на 4 часа раньше. Всего в отряде 107 человек… В заводе настроение бодрое, охотников очень много. Завод работу продолжает правильно… В Табынске образовалась боевая дружина, начинает действовать с нашей помощью».

Уфа направляла отряды тирлянских, катав-ивановских и юрюзанских дружинников на помощь Белорецку. Завод и поселок представляли боевой форпост, находились на переднем, огненном крае борьбы с дутовцами. Подоспевшие вовремя отряды, объединившись с белоречанами, решили, что самая лучшая оборона — наступление. И уже 25 марта выбили дутовцев из Верхнеуральска. Сюда-то транзитом и проследовал Михаил Калмыков со своим отрядом.

Поздним вечером 30 марта прибыл Калмыков в Белорецк. Секретаря партийного комитета и председателя ревкома на рабочем месте уже не было, с докладом пришлось идти к нему на квартиру.

Имя Павла Варфоломеевича Точисского — этого старейшего профессионального революционера — давно было овеяно легендами.

В далеком 1885 году Точисский организовал и возглавил в Петербурге один из первых в России рабочий марксистский кружок, а через двадцать лет уже большевиком дрался на баррикадах Красной Пресни. Он был лично знаком с Лениным, вместе со Свердловым отбывал туруханскую ссылку.

— Боюсь, Михаил Васильевич, не засидитесь вы у нас, — сказал Точисский, прочтя мандат Калмыкова. — Назревают решающие бои. Надо бить и гнать дутовцев изо всех казачьих станиц.

На следующий день было назначено заседание партийного комитета. Сюда пришел и командир вновь прибывшего отряда. Но только Павел Варфоломеевич представил его членом комитета, как влетел запыхавшийся рассыльный и спросил с порога:

— Кто тут из Богоявленска? Срочно вызывают на телеграф.

Вернулся Калмыков скоро и, не присаживаясь, объявил:

— Вот и прощаться пора. Вы как в воду глядели, товарищ Точисский. Мне приказано выступать в Магнитную.

При подходе к станице разведчики сообщили, что дутовцев в Магнитной нет, но как население примет отряд, сказать трудно.

Живут здесь самостийно: Дутову пока не служат, но и власти Советов еще не признали.

Калмыков весь отряд в станицу вводить не стал. Взял с собой лишь конных да три десятка пехотинцев. Остальным приказал расположиться лагерем в степи на расстоянии зрительной связи от окраинных улиц.

В Магнитную въехали беспрепятственно. Дворов в ней, пожалуй, не меньше, чем в Богоявленске, но на улицах — ни души.

— И куда запропастились люди? — насторожился командир.

— В церкви, видать, — высказал догадку ординарец.

— Ах, да, воскресенье ведь, — спохватился командир. — Туда, ребята, на площадь. Только не шуметь, не то всю обедню испортим.

Первой из церкви высыпала детвора. С нею Михаил Васильевич быстро договорился.

— Красный сход собирают, — объявляли ребятишки взрослым у самой паперти. — Тот вон, усатый, говорить будет.

— Я к вам, товарищи, пока с авангардом приехал. Главные силы у нас в пути, — схитрил Калмыков, открывая митинг. — Да не в штыках и саблях суть. Что Дутову не служите, — хорошо, но почему Совета чураетесь?

Говорил Михаил Васильевич не спеша, взвешивая каждое слово, стремился лучше, весомей донести то, чего хотят большевики и что такое Советы. За фактами тоже дело не стало. Сплошной гул прокатился по площади после сообщений о том, что и троицкие, и верхнеуральские казаки не только признали Советы, а и вызвались защищать их. Сами формируют красноказачьи отряды.

— А вы разве не трудовой народ? — последовал прямой вопрос. — Разве вам не по пути с нами, с рабочими? А если так, выбирайте, станичники, свой Совет и правьте жизнью сами.

После недолгих дебатов сход принял это предложение.

При выборах большинство мест в Совете получили солдаты-фронтовики. Вслед за этим станичники постановили послать делегацию в Петроград, к В. И. Ленину с наказом заявить о своем присоединении к Советской власти и выяснить, будут ли они и впредь называться казаками и каких им порядков придерживаться при разделе земли.

Первая неделя апреля выдалась тихой. А в канун нового воскресенья сообщила беднота магнитская, что утром дутовцы совершат налет восемью сотнями со стороны станиц Наваринской и Блохинской.

Калмыков связался с Верхнеуральском. Михаил Кадомцев

обещал направить в помощь красноказачий отряд Николая Каширина, белорецких и юрюзанских дружинников и посоветовал, не теряя времени, послать гонцов за подкреплением в Кирсу.

К ночи Калмыков снарядил нарочных в Кирсу, посовещался с помощником и решил дать белоказакам уличный бой. Бойцы принялись ставить заграждения. Стаскивали все, что попадало под руку и могло задержать продвижение конницы — сеялки, плуги, бороны, косилки. Опорным пунктом отряда был избран дом кулака Починского, где квартировал штаб. Конных и один пулемет командир оставил при себе. Стрелкам велел рассредоточиться и встречать атакующих огнем с разных мест. Второй пулеметный расчет поднял на колокольню, наказав держать под обстрелом прицерковную площадь и прилегающие к ней улицы.

Все приготовления закончили рано. Можно было часок-другой и вздремнуть, но до сна ли? Одолевали беспокойные мысли. А ведь недавно переходили из боя в бой, не терзаясь чем-либо и не страдая бессонницей.

Может, это от того, что уже год ни в кого не стрелял, никого не колол и не смотрел смерти в глаза? Вряд ли. Там с германцами все проще было. А тут враг иной. Столкнись только — и с той, с его стороны услышишь родную речь, увидишь своих земляков.

Да, в таком переделе бывать не приходилось. Классовый бой — особый бой. Другие у него законы и секреты. Надо заново учиться всему: и как ненавидеть, и как побеждать соплеменников, изменивших делу трудового народа.

Едва рассвело, за рекой раздались выстрелы. С шумом, криками дутовцы вступили на лед Урала и через несколько минут ворвались в станицу. Сквозь заграждения кони не прошли. Покрутившись под огнем туда-сюда, белоказаки ретировались.

Минут сорок галдели, спорили в заречной голоствольной роще. Вторично пыталась прорваться конница в станицу — не вышло, и дутовцы двинулись на приступ Магнитной в пеших порядках.

«Дело — швах, — отметил Калмыков. — Эта саранча везде пролезет, все заслоны сомнет. Шестеро на каждого из нас»…

— Всем отходить к штабу! — разнесли связные приказ командира. Группами и поодиночке бойцы начали стягиваться к обширной усадьбе Починского. Собрались не все. Сорока́ не досчитались.

— Занимай круговую оборону! Стрелять только наверняка. Вплотную приблизятся — ударим в штыки.

А казаки рядом, некоторые даже взобрались на крыши

соседних домов. Этих сразу не заметил, спохватился, когда просвистевшая над ухом пуля едва не сбила с головы фуражку.

— Ложись, Ленька! — крикнул ординарцу.

Плюхнулся и сам, но все же успел засечь того, кто охотится за ним. Прицелился. Выстрелил.

— Теперь и других поскидаем! Помогай, Ленька!

Твердая воля командира сделала дело. Оборона наладилась. Здорово выручили и пулеметчики, все еще державшиеся на колокольне. Эх, и сейчас бы секануть им по той вон полусотне пластунов. Почему медлят? Вместо ожидаемой очереди с колокольни донеслось:

— Наши! Наши едут! Подвод уйма. Ура-а!

Отрезвели дутовцы. Драться пеша охота пропала, бросились к покинутым коням. Смекнули: верхами от погони уходить легче.

— Вернемся еще, магнитские! — говорили на бегу станичникам. — Не одумаетесь — спалим, перебьем до единого!

Вскоре станица притихла. Саней, действительно, подкатило немало, да прибыли на них не каширинцы и даже не кирсинцы, а крестьяне с мешками зерна: на мельницу им в самое неподходящее время приспичило. Другой может и не сдержался, при встрече отругал бы возчиков на чем свет стоит, а Калмыков обратился к ним с иными словами:

— Спасибо, мужики, что с самой нужной стороны и в самый ответственный момент заехали. Но теперь не обессудьте: вперед не пущу и обратно тоже. Стойте здесь, действуйте уж до конца своим видом.

…Замерли люди в секретах, напряженно вглядываясь в заснеженную степную даль. Там в любую минуту могли вновь появиться дутовцы. Даже обычно шумливые пулеметчики присмирели. Все понимали серьезность положения. И больше всего, хотя и не признавались друг другу, ждали своих.

…Смеркалось. Шел седьмой час вечера. Неожиданно из ложбинки, прямо под носом белоказачьих разъездов, вымахнули наверх двое конных и, оставляя за собой клубы снежной пыли, понеслись к станице, напрямую к дому Починского.

Богоявленцы молча всматривались, держали наготове оружие и, лишь когда кавалеристы оказались метрах в ста пятидесяти, признали в них тех, кого минувшей ночью проводили за подкреплением в Кирсу.

— Почему одни? — строго спросил Калмыков.

— Плохо в Кирсе было, Михаил Васильевич. До самого полудня уговорить не могли. Только когда Каширин, белоречане и юрюзанцы подошли, решили и они выступать. Минут через двадцать будут. И орудие даже есть!..

…Из боев отряд Калмыкова не выходил почти весь апрель. Былая разобщенность, несогласованность в действиях с соседями были преодолены. Успех проводимых операций принес радость победы.

Начальник Уфимского губернского штаба БОНВ комиссар округа Эразм Кадомцев так характеризовал события тех дней:

> «Доношу об успехах уфимского народного вооружения в борьбе с Дутовым.
>
> Главные силы шли на Верхнеуральск через Вязовую, Запрудовку, Белорецк… Обходное движение — Богоявленский завод, Авзяно-Петровский, Магнитная.
>
> На Верхнеуральск пошли дружины заводов Симского, Катавского и Белорецкого округов с уфимскими отрядами под командованием большевика-каторжанина Михаила Кадомцева. На Магнитную пошли Богоявленский, Авзяно-Петровский отряды под командой Калмыкова.
>
> Первые бои были под Верхнеуральском. Казаки хорошо одеты, вооружены, с большим числом офицерства. В боевые линии меньше тысячи ни разу не высылали, боевого припаса имели всегда в излишке. До решительного перевеса боевых успехов на нашу сторону масса казачества стояла на стороне Дутова. Одиночки-бедняки переходили все время на нашу сторону. Разведка в некоторых станицах была почти невозможна.
>
> Район Магнитной станицы… был под особенным нашим вниманием.
>
> …Последние бои были для нас удачны, благодаря длительной и упорной подготовке, правильно выработанного плана и умелого командования тт. Кадомцевым и Калмыковым. Главный удар нами был нанесен в семичасовом бою под Верхнеуральском, а окончательно надломлены дутовцы в момент их отступления неожиданным нападением богоявленцев из-под Магнитной»[2].

Успешно развивались боевые действия и на других направлениях. Привлекая на свою сторону беднейшее крестьянство и трудовых казаков, красные отряды очищали от мятежников станицу за станицей. Вслед за удачами военными завоевывались и победы в борьбе за советизацию тех, кто десятилетиями были верной опорой и строя, и войска царева. На исходе первой недели широких наступательных действий В. К. Блюхер, возглавивший штаб восточных отрядов,

действующих против Дутова, информировал Екатеринбург:

> «Троицк закреплен за революционными войсками, которые восстановили путь между Троицком и Челябинском. Революционные войска продвигаются вперед с целью разбить остатки дутовских войск…
>
> Революционными отрядами наложены контрибуции на станицы: Кичигинскую — 75000 рублей и Нижне-Увельскую — 50000 рублей, из них большая часть отдана в станичные Советы, а часть взята на содержание отрядов.
>
> При восстановлении пути между Нижне-Увельской и Троицком работали казачьи подводы в количестве около тысячи… Станицы выражают свою покорность революционным войскам.
>
> Троицкий Совет казачьих депутатов слился с Советами крестьянских, рабочих и армейских депутатов и требует от казачества Троицкого уезда выдачи оружия и боевых припасов. Требование выполняется. Фронтовые казаки организуют свои исполнительные комитеты и выражают полное доверие Советской власти».

Это сообщение 19 апреля 1918 года было опубликовано в «Известиях Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов», а неделю спустя в той же газете появилась и оперативная сводка от 22 апреля за подписью В. К. Блюхера об окружении и разгроме советскими войсками дутовских банд. В ней говорилось, что Дутов отступил из главной своей базы станицы Краснинской с отрядом, в рядах которого насчитывалось 250 офицеров. Командиры четырех советских рабочих дружин, установив связь с Верхнеуральскими красноказачьими отрядами братьев Кашириных, преградили пути отхода мятежному атаману.

В конце месяца Калмыков из станицы Полтавской с большим трудом дозвонился до главного штаба и что есть мочи прокричал в трубку:

— Продовольствия нет. Фуража тоже. Передвижение из-за распутицы невозможно. Как быть?

— Тише, оглушите, — донеслось в ответ. — Преследование прекращайте. Оно уже бесполезно. Дутов с горсткой телохранителей позорно бежал в степи Тургая. Екатеринбург посчитал наши задачи выполненными и приказал отрядам возвращаться по местам. Направляйтесь и вы на свой завод…

— Вас понял, — сбавил тон Калмыков и, спохватившись, вновь выкрикнул. — Но с кем я говорил?..

— С Блюхером, — подсказал телефонист.

3.

Возвращение в родные города и поселки боевиков совпало с праздничными торжествами в связи с Первомаем. Шумно было на Главном проспекте Екатеринбурга. Ликовал Челябинск. Алые стяги реяли над красноказачьим Верхнеуральском. На улицах была вся трудовая Уфа.

Радостно встречали земляков и в поселке Богоявленского завода. Веселье выплескивалось из домов на улицу. Но еще острее чувствовали свое горе семьи, в чьи дома не вернулись отцы, мужья или братья. Тяжесть первых потерь не миновала и дом Калмыковых.

Едва отзвучали приветственные речи на митинге, посвященном 1 Мая, Михаил Васильевич Калмыков как-то сразу поник, ссутулился. Так и не найдя слов для утешения сильно сдавшему брату Ивану, Михаил Васильевич без провожатых направился к бывшему директорскому саду. За его оградой поднялся свежий могильный холмик. Под ним теперь покоится любимый братанок командира, шестнадцатилетний Петр Калмыков.

Петр погиб под Верхнеуральском. За станицей Кассельской белоказаки окружили группу Никиты Опарина. «Кольт» на правом фланге строчил долго, а когда смолк, никто из его расчета к своим не пробился. На другой день товарищи отбили позицию пулеметчиков. Отыскали припорошенные снегом тела командира и наводчика. Отыскали и «кольт». Все ленты его пусты, замок снят. Но где же подносчик?

Встретились с Петром Калмыковым лишь после того, как прогнали дутовцев и из самой Кассельской. Встретились уже с мертвым. Все тело в рваных штыковых ранах, глаза выколоты. За молчанье на допросах белоказаки вырезали подростку язык и в довершение всего повесили за ноги, вниз головой…

Дружинники привезли тело героя в родной поселок. Похоронили Петра Калмыкова с революционными почестями. Мать Петра — Дарья Ивановна не вынесла горя — в день похорон сына не стало и ее.

Михаил Васильевич тогда добивал в южных степях последних дутовцев.

В тот же день Михаил Васильевич познакомился в окружкоме с новыми активистами заводской партийной организации. В Богоявленск они прибыли из Петрограда. Их было трое: Леонид

Вейншток, Матля Эйльвовна Шойхет (Дуня — подпольная кличка) и Софья Гончарская. Партийцы опытные, давнишние. Гончарская и Вейншток стали большевиками в 1914, Шойхет — в 1911 году. Февральская революция освободила Вейнштока из петроградских Крестов, а Шойхет вернула из ссылки.

— Освоились на новом месте, товарищи? — поинтересовался Калмыков.

— Когда ехали, думали, глушь, — призналась Шойхет. — Но в первый же день все сомнения рассеялись. На заводе крепкий пролетарский коллектив. Интернационал настоящий: русские, башкиры, латыши, финны и даже французы, кажется, есть.

— Это так, — согласился Калмыков. — Стеклодувы — народ артельный. Всем, кто с душой к нам, рады. Хорошо, значит, приняли?

— Как самых близких друзей, — подчеркнула Гончарская. — А Леониду огромное доверие оказали.

— Ходоком меня избрали рабочие, — пояснил Вейншток. — С Петром Степановичем Опариным к Ленину посылают. Человек ты бывалый, сказали, до Совнаркома быстрей дойдешь. Хотят люди Ильича порадовать своими первыми победами и его слово к ним услышать.

— Задание почетное. Желаю доброго пути.

Не знал еще в тот час Михаил Васильевич, что и его уже ждут новые дальние пути-дороги.

Начались они опять с поездки в Уфу. Вызвал Эразм Кадомцев. Докладывать о минувших боях долго не пришлось. Начальник Уфимского губернского штаба сообщил, что недобитый Дутов оброс новыми приспешниками, вырвался из Тургая и блокировал Оренбург. Гарнизон его малочислен и против четырех тысяч белоказаков долго не продержится.

— Возвращайтесь на завод, — приказал Кадомцев. — Сколачивайте вновь отряд боевиков человек в двести пятьдесят и немедленно выступайте на Стерлитамак. Пароходами туда прибудут златоустовцы, симцы и аша-балашовцы. Подчините их всех себе и — на Оренбург!

Марш этот затянулся. Из Стерлитамака Сводно-Уфимский отряд выступил только 19 мая, а в район боевых действий вступил, когда Уральский отряд В. К. Блюхера, созданный из екатеринбуржцев, челябинцев и копейчан, уже разорвал кольцо белоказачьей блокады и соединился с бойцами оренбургского гарнизона.

На северо-восточной окраине города калмыковцев остановили часовые сторожевой заставы. Старший ее, осведомленный о подходе свежих сил со стороны Уфы, без

проволочек дал разрешение следовать далее, в Оренбург.

— А где там Блюхера отыскать? — спросил Калмыков.

— На станции. Его эшелоны там каждый покажет.

Оставив боевиков на привокзальной площади, Михаил Васильевич направился на поиски. Только вышел на перрон, из-за спины окликнули:

— Постой, товарищ. Давай знакомиться.

Калмыков обернулся. К нему подходил крепко сбитый военный в выцветшем добела обмундировании. Остановившись, снял фуражку, обтер платком чисто выбритую голову, прищурился от яркого солнца.

— Ну и жарища! В мае никогда еще не знавал такой, — и в упор спросил: — Калмыков? Не ошибся?..

— Он самый. А как угадали? — пробасил Михаил Васильевич.

— Сперва по усам, а теперь и по голосу. Не раз ведь глушил своим громобоем.

— Василий Константинович!..

— Я, а кто же еще?

— Ну! Считал, куда старше должны быть.

— А сам-то с какого? — полюбопытствовал Блюхер.

— С восемьдесят восьмого, но с конца самого…

— Все равно — старик. Мне до тебя еще два года тянуться. А мандат не покажешь?

— Вот, пожалуйста…

Блюхер бегло взглянул на протянутый документ и не сдержал улыбки:

— Значит, тоже командующий!.. Еще один. Коли так, прочти уж и мой.

Калмыков взял плотный листок с машинописным текстом, скрепленным печатью:

> «…предъявитель сего Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначен главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом».

— Выходит, мне снова быть под вашим началом. Рад.

— Не спеши. Таких здесь хоть пруд пруди, — отмахнулся Блюхер. — В каждом отряде свой, и каждый, как мы с тобой, при мандате.

— Н-да, — покрутил ус Калмыков. — Не ладно это. Нужно кого-то одного…

— Нужно, — согласился Блюхер. — Да это успеется. А сейчас полк Жлобы требуется из беды вызволять. У меня под руками сил нет. Один батальон в районе Пречистенской развивает удар в

сторону Орска, другие — на Бузулукской линии. Снимать их нельзя. А как твои, не сумеют ли прямо с ходу?..

— Если надо, то готовы и с ходу, — твердо ответил Калмыков.

— Тогда слушай. Положение таково. Эшелоны Жлобы на станции Донгузская. Белоказаки окружили их.

— И далеко до них?

— Верст сорок. Но не бойся, подвижного состава хватает.

— Когда на погрузку? — загорелся Калмыков. — Где вагоны?..

На первое боевое задание в новом районе борьбы Михаил Васильевич снарядил две сотни боевиков во главе с Никитой Опариным. Формируя состав, решил для пущей безопасности впереди паровоза поставить порожнюю платформу.

— А если не порожнюю? — вслух подумал Опарин. — Тюки вон, видите, с хлопком лежат? Их можно по бортам разместить — не хуже брони от пуль да осколков защитят. А на саму платформу пушку-горняшку закатим и два пулемета установим. Силища будет!

— Ишь, головастый! — отметил Калмыков.

Поездка в Донгузское много времени не заняла. Отогнали белоказаков от полка Жлобы, даже не выгружаясь. Все решили меткие выстрелы орудия, установленного на импровизированной бронеплощадке.

Блюхер перенял опыт Калмыкова, и он теперь готовил составы, паровозы которых находились в середине, а спереди и сзади следовали платформы, «бронированные» все теми же тюками хлопка. Обнаружив появление дутовцев вблизи какого-либо пункта охраняемого сектора, командиры обоих отрядов оперативно посылали туда ближайший «бронеэшелон». Действуя таким образом, их бойцы наносили ощутимые удары противнику на всех трех железнодорожных направлениях.

В свою очередь Калмыков всегда с вниманием относился к политическим выступлениям Василия Константиновича, который, как и в Троицке, убеждал товарищей в том, что, наряду с борьбой против явных врагов, необходимо не менее активно вести борьбу за беднейшее казачество, за иногородцев, сплачивая их в революционные отряды и утверждая при содействии этих отрядов Советскую власть на местах.

— Только так, — подчеркивал Блюхер, — можно оставить дутовцев без опорных баз и лишить их всех питательных сил и средств.

Еще 27 мая 1918 года посланец Уральского областного военного комиссариата доложил его руководителям:

> «Положение Оренбурга прочное и безопасное… Подготавливаем широкую и глубокую операцию против казачьих сил. Приготовления идут спешным порядком и вероятно скорое выступление наших отрядов широким фронтом против восставших станиц».

Однако сбыться этому было не суждено. Вспыхнул мятеж чехословацкого армейского корпуса. Части его были сформированы из бывших военнопленных чешской и словацкой национальности еще до Октябрьской революции. Численность корпуса составляла около 50 тысяч отлично вооруженных и экипированных солдат и офицеров. Всем им Керенским был обещан свободный проезд через всю страну до Владивостока с тем, чтобы они смогли морем добраться до Франции и принять участие в войне с Германией на стороне сил Антанты. Советское правительство решило этому не препятствовать. Агенты же англо-французского империализма развернули в частях корпуса, эшелоны которого растянулись уже от берегов Волги до Амура, подрывную работу и спровоцировали их личный состав на вооруженную борьбу против Советской власти в отдаленных, глубинных районах молодой Рабоче-Крестьянской Республики.

31 мая 1918 года В. К. Блюхер известил по телеграфу из Оренбурга председателя Совета Народных Комиссаров о занятии белочешскими отрядами Челябинска и других станций в сторону Омска, о боях, развернувшихся на Троицком направлении, и запросил помощи районам, подвергшимся нападению мятежников. Ознакомившись с телеграммой, Владимир Ильич Ленин наложил на ней резолюцию: «Сообщить об этом тотчас в Наркомвоен»[3]. На Южный Урал выехал председатель Высшей военной инспекции РККА Н. И. Подвойский.

Падение Челябинска, неясность положения Уфы, Екатеринбурга, Троицка, Верхнеуральска вызвали серьезную обеспокоенность в советских отрядах, направленных под Оренбург из других мест Урала. Их бойцы требовали от своих командиров немедленного выступления для борьбы с чехословаками и их приспешниками близ родных городов и поселков. Следом за Блюхером телеграмму в Москву послал и профессиональный революционер, бывший политкаторжанин, а в то время комиссар уральских войск Соломон Яковлевич Елькин.

> «Уральские войска, — депешировал он, — страшно волнуются в связи с событиями в Челябинске, Троицке и на Урале. Каждый день выносят постановления, чтобы их вели на помощь осажденным троичанам, верхнеуральцам и побежденным челябинцам… Здесь нас могут заменить

без особых осложнений другими войсками. Мы надеемся перетянуть чашу весов на Советскую сторону оказанием помощи всем советским войскам. Я, товарищи, все время молчал. Это первая телеграмма, посылаемая мною за восемь месяцев беспрерывной борьбы с казачеством. Если немые заговорили, то глухие должны услышать»[4].

Телеграмма была адресована председателю ВЦИК Я. М. Свердлову, но попала она почему-то в руки Троцкого, возглавлявшего тогда Высший военный совет Республики, который оказался именно глух и никакого ответа в Оренбург не дал. Но к тому времени В. К. Блюхер узнал уже о прибытии в Уфу Н. И. Подвойского и 18 июня 1918 года дозвонился до него. В телефонном разговоре он подтвердил доводы С. Я. Елькина и заявил, что также считает

> «своим нравственным долгом перед родиной и революцией направить часть уральских войск на помощь Троицку и Челябинску, чем будет облегчено и положение самого Екатеринбурга»[5].

Председатель Высшей военной инспекции РККА распорядился заменить части уральских отрядов красноармейскими подразделениями местного формирования. Но время было упущено. Белочехи вместе с дутовцами, захватив Самару, повели наступление и на юг, в сторону Оренбурга. Блюхер принял решение спешно организовать отпор врагам. Ударную группу уральцев возглавил комиссар С. Я. Елькин. Дружной атакой противник был выбит из Бузулука, но удержать его за собой удалось только сутки. На следующий день, обеспечив четырехкратный перевес в силах, белочехи и дутовцы вновь овладели городом.

За Бузулуком горстка красных бойцов вместе с С. Я. Елькиным была окружена. Погиб пулеметчик. Комиссар сам лег за «максим», крикнув товарищам:

— Пробивайтесь! Я не отступлю и надежно прикрою вас…

День 26 июня 1918 года был последним днем героической жизни тридцатилетнего челябинского большевика Соломона Яковлевича Елькина…

А натиск объединившихся контрреволюционных сил все нарастал. 28 июня состоялось совещание командующих советскими отрядами фронта. Все согласились, что Оренбург уже не удержать. Надо отходить. Но куда?.. Большинство высказалось за то, чтобы следовать но еще не занятой противником линии железной дороги, идущей на юг, к Ташкенту. Блюхер назвал это

решение линией наименьшего сопротивления.

— Все сейчас решается в крупных рабочих городах, на железнодорожных узлах Республики. Кто владеет ими, тот и определяет быть или не быть в России власти Советов, власти рабочих и крестьян, — подчеркнул он и твердо заявил, что пойдет с вверенными ему областным военным комиссариатом силами по тылам врагов, пойдет в заводские районы Урала, чтобы именно там помогать Красной Армии в ее борьбе с белогвардейщиной.

Василия Константиновича поддержали лишь двое его старых товарищей по мартовско-апрельским боям с дутовцами — командующие Верхнеуральским красноказачьим и Сводно-Уфимским отрядами Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков. Приняв без каких-либо колебаний сторону Блюхера, Михаил Васильевич узнал и о том, что только-только каким-то чудом по аппарату Юза проскочила из Уфы на его имя телеграмма. Белочехи грозили уже башкирской столице и с востока, и с запада. Губревком приказывал Калмыкову немедля выступить с отрядом на защиту Уфы.

— А ведь мог и опростоволоситься, — напрямую сказал Михаил Васильевич, — если б против вас проголосовал…

— Такого и быть не могло, — успокоил его Блюхер, — кому ж, как не нам, Урал у врагов отвоевывать. Выступай уж первым…

На рассвете 29 июня Калмыков вытянул все силы отряда в походную колонну. На проводах Блюхер сказал:

— Не волнуйся, Михаил Васильевич, в одиночестве не оставим. Вот обеспечим эвакуацию, и тоже двинемся на север. До встречи, дружище!

4.

В Стерлитамак вступили 3 июля. Весь день Калмыков пытался связаться с Уфой. Закатилось уже позднее летнее солнце, а телеграф молчал. Застучал только глубокой ночью.

Михаил Васильевич попросил вызвать к аппарату Эразма Кадомцева или Петра Зудова[6]. Ни того, ни другого на месте не оказалось, а в переговоры вступили неизвестные Харченко и Махин. Первый представился членом ревкома, второй — преемником заболевшего Эразма Кадомцева. Они категорически потребовали идти в Уфу, причем левым берегом Белой. Это насторожило Калмыкова: не ловушка ли? Он знал, что белочехи уже захватили Чишму, Алкино, Юматово. Выйдя к Уфе с западной стороны, отряд мог попасть под удары противника, который наверняка постарается разгромить до переправы через реку.

Михаил Васильевич вызвал Ковшова, Озимина, Опарина. Все они единодушно высказались за движение по правому берегу с заходом в Богоявленский завод и окрестные поселки, где имелась возможность пополнить свои отряды новыми боевиками, но командир Стерлитамакского отряда воспротивился.

— Погибнем при защите родного города, — заявил он, — но дальше не пойдем.

Убеждения, уговоры не подействовали, и Калмыков с горечью отметил:

— Будем считать, что мы понесли преждевременные потери, но не от белочехов, а от проявленного вами местничества.

Вечером 5 июля богоявленцы встречали бойцов Сводно-Уфимского отряда. Все население поселка высыпало на улицы. После митинга в заводском саду лихо отплясывали в кругу танцы, долго звенели песий.

Михаил Васильевич на торжествах пробыл лишь несколько минут и сразу направился в районный штаб боевых организаций народного вооружения. Теперь он размещался в доме бывшего управляющего заводом меньшевика Пунги.

На телеграфные запросы никакого ответа из Уфы не последовало. Калмыков решил выслать разведку. Той же ночью начальник штаба Венедикт Ковшов в сопровождении пулеметчика Шарова выехал в северном направлении.

Вернулись разведчики неожиданно скоро. Доехать смогли только до деревни Чесновка, где и узнали мрачную новость. Уфа пала в ночь с 4 на 5 июля. Части гарнизона и советские учреждения эвакуировались по Белой в район Камы. Эсер Харченко еще до сдачи города перебежал к белочехам. Следом за ним предложил свои услуги неприятелю и бывший полковник царской армии Махин.

— Правильно, что не послушались этих сволочей, — процедил Калмыков.

— Теперь ясно, почему они затягивали отправку к нам барж с боеприпасами и обмундированием, — проговорил районный военный комиссар Василий Зудов, брат Петра Ивановича Зудова.

О благополучном прибытии барж в Табынское Михаилу Васильевичу уже сообщили. Успешно прошла и перевалка столь ценного груза на гужевой транспорт. Поселковый арсенал получил два горных орудия с 96 снарядами, 43 пулемета системы «люис», 850 снарядов для трехдюймовых полевых пушек и 200 тысяч патронов, а на складские полки легло три тысячи комплектов обмундирования.

Весть о падении Уфы тяжело переживали боевики и жители поселка. По-своему восприняли ее командиры Симского и Аша-

Балашовского отряда Фролов и Борщев. Они стали настаивать на немедленном уходе.

— Поймите, товарищи, нельзя нам в эти дни распылять силы. Они, как никогда, должны быть сжаты в крепкий кулак, — убеждал Калмыков. — Действуя сообща, мы будем сильнее в обороне, а понадобится — и на прорыв пойдем гораздо уверенней.

Фролов и Борщев упрямились, вели шумные споры.

— Идите, — согласился в конце концов Калмыков, — но попомните мое слово: не удастся вам пройти через чешские кордоны, а тем более в одиночку отстоять свои заводы.

Симцы и ашинцы ушли из Богоявленска. Оба отряда, наткнувшись на крупные группы противника, не выдержали боя — все бойцы были пленены и обезоружены, а командиры расстреляны.

Узнав об этом, Калмыков собрал всех боевиков и объявил, что надо объединяться с рабочими и крестьянско-бедняцкими отрядами, которые действуют вблизи Богоявленска, и бороться на месте. Михаил Васильевич глубоко вздохнул и медленно продолжил:

— А теперь вот какое дело, товарищи. Платить вам за службу в отряде больше нечем. Деньги кончились. Где и когда достанем их, неизвестно. Все вы добровольцы и по доброй своей воле решайте, готовы ли защищать свою рабоче-крестьянскую власть бесплатно. Запись в отряд начинаю заново.

Лишь двенадцать фамилий внес в свою тетрадь начальник штаба Ковшов.

— Что ж, — подытожил Калмыков, — силком тянуть не будем. Записавшихся прошу остаться, а остальные идите по домам. Только, если начистоту, не верю я, что боитесь без денег остаться. К чему бороться, все проиграно. Так считаете? Помозгуйте над этим. Помозгуйте, к лицу ли красным боевикам после такой славной борьбы сдаваться в лапы буржуйским наемникам. Все. Свободны.

В ту ночь едва-едва удалось обеспечить надежность охраны отрядных припасов и имущества. До утра простоял часовым у орудий и сам Михаил Васильевич.

А как рассвело, потянулись к штабу добровольцы. После десяти часов в помещении стало уже тесно, запись продолжалась под открытым небом сразу в нескольких местах. К исходу дня в отряде, созданном на новых началах, насчитывалось уже 300 человек. Коммунисты и командиры на этом не успокоились, не прекращали агитационную работу и в последующие дни. Наиболее активными агитаторами показали себя петроградские

товарищи Дуня Шойхет и Леонид Вейншток.

Авторитет последнего был особенно высок. Вейншток с честью выполнил недавний наказ посельчан побывать у Ленина. Рассказ о московской поездке ему приходилось повторять чуть ли не в каждом доме. И хотя рабочий день Владимира Ильича был уплотнен до предела, все же он нашел время поговорить с ходоками завода из далекой Башкирии. Ленин остался доволен сообщениями о положении дел у стеклодувов, их решимостью всеми силами защищать молодую Советскую республику и передал в дар заводскому клубу небольшую библиотеку.

Рассказывая о беседе с Лениным, Вейншток вселял веру в упавших было духом людей, побуждал их оставаться в строю борцов за идеалы пролетарской революции.

В скором времени число вставших под ружье достигло тысячи. В Богоявленский боевой отряд влились все златоустовцы, а также находившиеся на заводе бывшие военнопленные мадьяры и поляки. Они составили отдельную полуроту.

Теперь можно было заняться и главным — сплочением всех революционных сил района, оставшегося непокоренным советским островом в бушующем море кровавого разгула белогвардейщины.

Окружном собрал в Богоявленске совещание партийного актива и командиров крупных отрядов. На нем Калмыков установил тесные контакты с Владимиром Данбергом, Лаврентием Барышевым, Матвеем Лантухом и Григорием Слободиным — представителями боевых дружин Архангельского завода, Зилима, Ахметкино и Красного Яра.

Бойцы этих дружин были людьми обстрелянными. Боевое крещение они получили в борьбе с кулацкими повстанцами, поднявшими в июне, когда главные силы защитников Советов были под Оренбургом, мятежи чуть ли не во всех окрестных поселках и деревнях.

Бои были тяжелыми, численный перевес почти всюду имели мятежники, но советские активисты дрались отважно, проявляли настоящую воинскую находчивость, дерзость и значительно меньшими силами одерживали победу.

После подавления выступления повстанцев рабочие и крестьяне острее почувствовали опасность утраты Советской власти и сами потянулись в ряды ее защитников. Особенно радовала своей крепостью, внушительностью боевая рабочая дружина Архангельского завода во главе с Владимиром Данбергом.

Командир красных зилимцев Лаврентий Барышев доложил:

— В отряде 650 человек. Состав интернациональный:

пятьдесят пять процентов составляют русские и латыши, сорок пять — башкиры и татары. Вместе с красноярцами Григория Слободина держим под контролем все переправы через Белую в районе наших сел.

Пружинисто поднявшись из-за стола, Калмыков направился к стене, где висела карта. Постоял возле нее, всматриваясь в верхний левый угол. Первые фразы произнес тихо, не спеша.

— Д-да. Многое, конечно, не ясно. Линии фронта советских войск не знаем. Центр молчит. Не дает знать о себе и наш Уфимский ревком.

Но вот Михаил Васильевич опустил взор ниже, даже чуть пригнулся и заговорил, все более оживляясь:

— А теперь глянем сюда, товарищи, на свои родные места. Картина-то в общем вырисовывается неплохая. Берег вниз по Белой контролируют богоявленцы. Выше — зилимцы, ахметкинцы, красноярцы. На Симе архангельцы поставили заслон. Переправы у Инзелги, Табынска, Ахметкина и Михайловки в наших руках. Это настоящий фронт! Верст сто, не меньше. Удержать его в силах?

— Пока держим, — пробасил Матвей Лантух.

— И будем держать, — рубанул рукой Калмыков. — А территория в наших руках какая?

— Республика целая, — бросил кто-то новую реплику.

— А что? Верно! — поддержал Калмыков. — Пусть малая, но наша, с нашей Советской властью. Наш Усольск давно красным называют, вот и пусть будет Красноусольская республика.

Совещание проходило активно. Все согласились, что до полного выяснения обстановки и установления связи с Уфимским руководством, отступившим на север, необходимо оставаться на местах, ведя решительную борьбу с белогвардейцами партизанскими методами.

Для вовлечения в отряды новых групп добровольцев сочли нужным направить в села и деревни наиболее опытных коммунистов-агитаторов.

Исключительно важным было решение о создании кроме Богоявленского двух других крупных штабов боевых дружин — Архангельского и Ахметкинского. Архангельский, Березовский, Зилимский, Ирныкшинский и Красноярский отряды вошли в состав первого штаба, начальником которого был назначен В. Г. Данберг, а его заместителем — Л. В. Барышев. Ахметкинский штаб возглавил М. Е. Лантух.

Районным комиссаром и командующим всеми силами по реке Белой совещание единодушно утвердило М. В. Калмыкова, возложив на него и на членов Богоявленского штаба

ответственность за координацию действий всех объединившихся отрядов.

Рождение Красноусольской республики и ее вооруженных сил стало свершившимся фактом.

5.

Вскоре в Богоявленск проникли сведения о том, что и в рабочем Белорецке устояла Советская власть, что туда из Верхнеуральска и Троицка уже пробились красноказачьи отряды Ивана Каширина и Николая Томина. Следом докатилась молва и о движении к Белорецку из-под Оренбурга отрядов Блюхера и Николая Каширина.

Калмыков воспрянул духом.

— Держит Василий Константинович свое слово. Не покинул Урал, идет по нему. Надо срочно налаживать связь.

Провести эту нелегкую разведку было поручено пятнадцати боевикам. Старшим был назначен Федор Калмыков. Особое задание имел и Василий Зудов. Под подкладкой его пиджака было зашито написанное на холсте письмо с просьбой о выдаче для боевых нужд отрядов 250 тысяч рублей.

Только проводили связных к Блюхеру, как дали знать о себе и члены Уфимского губревкома.

— Вот уж не ждали! Мечтать даже боялись, — признался Калмыков при виде посланцев.

Пробились оттуда трое — Федор Ландграф, Иван Кременчук и Константин Жеребов, не побоялись дважды пересечь линию фронта. Они пришли сказать товарищам по борьбе, что по берегам Камы и Волги держится красный фронт, а главное — живы Советы в Москве и Питере, жива и наращивает день ото дня силы для отпора врагам Рабоче-Крестьянская Армия. Передали они и указание губкома партии и губревкома пробиваться на соединение с армией в районе Сарапула.

Добрые вести привезли Федор Калмыков с Василием Зудовым. Дополняя рассказ друг друга, они поведали о партизанской столице — Белорецке, о слиянии всех собравшихся там советских отрядов и полков в единую армию.

— А кто командует ею? — нетерпеливо перебил Михаил Васильевич.

— Главкомом избран Николай Каширин, его заместителями — Василий Блюхер и Иван Каширин, — ответил Федор. — Наступление уже повели, к Екатеринбургу через Верхнеуральск — Миасс. В случае удачи и нам дадут сигнал

двигаться следом.

— А как узнаем об этом?

— Телеграф выручить должен, — загадочно улыбнулся Зудов.

— С божьей помощью, что ли?

— Нет, с нашей, — уточнил Федор и протянул руки. На них мозоль на мозоли. — Всю линию подняли, от самого Белорецка.

— Ну?! Молодцы! А деньгами разжились?

— Без казначея тут не обойтись, — ответил Зудов, кладя на стол тугую кожаную суму.

В тот же вечер Калмыков связался с Белорецком, но ни Блюхера, ни Кашириных на месте не оказалось. «Под Извозом за Верхнеуральск бьются, — пояснил дежурный по связи. — Как вырвут победу, позовут за собой, не сомневайтесь».

Прождали день, другой, слетели с календаря и последние июльские листки, а партизанская столица молчала. «Забыть не могли, — успокаивал Калмыков и себя, и помощников. — Видать, что-то застопорилось на Извозе. И нам нужно ухо востро держать».

Причин для опасений было немало. Противник уже принялся прощупывать крепость фронта Красноусольской республики на всем протяжении от Зигана до Сима. На юге неожиданным ударом выбил богоявленцев из Петровского, на севере нацелился на Охлебинино, а в центре белогвардейцы подняли подозрительную возню в районе Русского Саскуля.

«Заманчиво им здесь скакнуть за Белую. Если закрепятся, — рассуждал Михаил Васильевич, оценивая по карте возможные изменения обстановки, — то путь до Богоявленска станет коротким, затрещит фронт и — пиши пропало. Нет, такое позволить нельзя. Но выход? А что если упредить, да так, чтобы и духа их в Саскуле не стало. Когда и как это лучше сделать?»

Окончательное решение созрело тут же. Первым по вызову явился в штаб Николай Беляков. В оренбургском походе он не участвовал, но твердую волю и командирский талант показать успел.

Как только вспыхнуло кулацкое восстание, поднял заводчан и кружил с ними по окрестным деревням и селам, пока не выжег все до единого осиные гнезда мятежников.

— Слышал я, Николай, что ты мастер по быстрым наскокам, — объявил командующий. — Думаю, не промедлишь и нынче. Бери сейчас же две роты пехоты, пулеметчиков, оба расчета горных орудий и выходи с ними в ночь к берегу против парома на Саскуль. Скрытно выставь на полверсты ниже наблюдателей. Я подам им сигнал с той стороны. Как примешь, открывай огонь из всех средств и под «ура» бросайся с пехотой к

парому.

— А переправа?

— Прежде огонь и шум обеспечь, да такой, чтобы там у них все поджилки затряслись. Понял?

Отпустив все еще недоумевающего Белякова, Михаил Васильевич удивил неожиданным предложением и начштаба Ковшова с адъютантом Озиминым:

— А теперь, други, давайте формировать мои вооруженные силы. Отряд должен быть предельно подвижным. Полсотни боевиков, четыре пулеметчика, десяток кавалеристов, и чтоб все сорвиголова!

Недостатка в отчаянно-храбрых не было. Спорили, доказывали, отбирали лучших из лучших. Потом в три руки строчили предписания: «В 4 утра в полной боевой явиться в штаб». Вызвали мальчишек, и полетели они с повестками по всему поселку.

Рассвет только-только занимался. Ровно в назначенный час Михаил Васильевич вышел на штабное крыльцо.

— Ста-ановись!.. Смирно-о!

Все вызванные налицо, все экипированы по-боевому.

— Товарищи! — обратился командующий. — Мы идем на очень ответственное и опасное дело. Отряд поведу я. Кто трусит или нездоров, пусть выйдет из строя.

Строй не шелохнулся. Михаил Васильевич прошел его из конца в конец, испытующе всматриваясь в лица боевиков. На левом фланге стояли пулеметчики с «максимами» и «кольтами».

— Это лишнее, — сказал Калмыков.

— Кто лишний? — испуганно спросил Михаил Дублистов.

— Не вы. Пулеметы оставить на месте. Умаетесь только с ними. В путь!

Из поселка доехали на подводах до Табынска. Паром на Белой оставался в руках богоявленцев. Когда переправились на левый берег, Калмыков распорядился:

— Красные банты всем снять, будем выдавать себя за белых. При проезде через деревни в разговоры никому не встревать. С кем надо — сам потолкую. Конечная наша цель выбить противника из Саскуля. На правом берегу отряд Белякова. Надеюсь, огнем поможет, как надо.

Во второй деревне, как и в первой, Михаил Васильевич представился жителям:

— Мы из Уфы. Идем помогать нашим.

Башкиры, обступившие командирскую подводу, заговорили о чем-то по-своему. Боец-переводчик пояснил, что два дня назад сюда приезжал представитель Уфимской власти и пообещал

народу, что скоро будут взяты Москва, Петроград, а потом и Усолка. Верно ли это, хотели узнать башкиры.

«Ишь ты, как высоко нас подняли», — ухмыльнулся Калмыков и проговорил:

— Коль обещали, ждите. А где наши?

— Там, в Русском Саскуле, — отозвался по-русски молодой башкир.

— Много?

— Двести будет. Да на Ак-Идели сто будет.

— На Белой, что ли? Веди к переправе.

В версте от реки Михаил Васильевич отослал провожатого назад и остановил отряд. Группу конных укрыл в засаде, а с пешими пошел через лес к Белой. Выйдя, Калмыков развернул бойцов цепью в направлении переправы и приказал залечь. Подорвав гранату, подал условный сигнал наблюдателям Белякова. Через несколько минут на правом берегу заухали орудия, затрещали пулеметы. Белые ответили тем же. Из-за реки донеслось многоголосое дружное «ура».

— За мной, вперед! — прокричал Калмыков.

Белогвардейцы ждали появления красных на реке, а те неожиданно обрушились на них с фланга и с тыла. Где уж тут о стойкости обороны думать — дай бог ноги унести. Покинув окопчики на переправе, неприятельские солдаты понеслись к Саскулю, но поздно — туда уже влетели конники Никиты Опарина.

У переправы бойцы Дублистова разжились первым пулеметом, в деревне с помощью опаринцев — и вторым. Их сразу же пустили в дело и давай поливать огнем растерявшегося врага. Белые мелкими группами и поодиночке бежали из Русского Саскуля в сторону Стерлитамака. Преследовать их не входило в планы Калмыкова. Угроза вторжения на Красноусольский берег была отведена. Погрузив на подводы трофейное оружие и патроны и прихватив с собой богатый обоз с овсом, пшеницей, печеным хлебом, отряд вернулся на главную базу.

В Богоявленск прибыли на утро следующего дня. У штаба Калмыков намеревался сразу же сделать обстоятельный разбор, поблагодарить бойцов за удаль. Однако планы нарушил Венедикт Ковшов. Он доложил, что вчера разговаривал с работником главного штаба краснопартизанской армии Михаилом Голубых. Тот от имени Блюхера сообщил, что все их части вернулись обратно в Белорецк, вырабатывается новый план действий, для принятия которого командованию нужно знать, существует ли реальная возможность прорыва из окружения через их заводские районы.

— Сменить решили курс. Это хорошо, — довольно проговорил Калмыков, входя в аппаратную. — Что ж, можем доложить: путь через наши заводы самый верный, готовы помочь боеприпасами, снаряжением. Да и пробиваться вместе навстречу Красной Армии будет легче.

Белорецк снова на проводе. Телеграфист включился в работу. Застучал аппарат, и казалось, что из множества слов он уловил всего лишь одно: «Ждем. Ждем. Ждем…»

ИДЕМ ЗА БЛЮХЕРОМ!

1.

Уже пять суток кряду вели бои рабочие-дружинники и крестьянские отряды Красноусольской республики с наседавшим неприятелем. На ночь коней не расседлывали, винтовки из рук не выпускали.

После удачного рейда на Саскуль отвели угрозу и с севера. Через Сим и Инзер к Ирныкшам и Архангельскому беляки тоже не скоро сунутся. А вот на юге дела обстояли неважно. Белочехи и белогвардейцы владели Петровским. А после него как раз и поворачивает дорога с Белорецкого тракта на Богоявленск. Опасно такое, когда вот-вот должна подойти партизанская армия.

И вновь показал себя Николай Беляков. На рассвете 10 августа его немногочисленный отряд начисто вымел врага из Петровского. По прибытии в село Михаил Васильевич на ходу поблагодарил командира ударной группы, махнул рукой ординарцам и помчал дальше, влево от развилки, навстречу идущим от Белорецка.

Миновав Каменные утесы — эту последнюю скалистую заставу сурового Алатау, — красные партизаны уже начали спускаться с гор к первому равнинному селу Макарово. Туда и летел сейчас Калмыков на широком галопе.

Вместе с авангардом в Макарово въехал и главный штаб. Партизаны указали Михаилу Васильевичу, где он остановился. Блюхер встретил Калмыкова на крыльце:

— Вот и свиделись, дружище!

Обнялись, расцеловались по-братски. Блюхер, как всегда, был чисто выбрит. В Оренбурге он и голову брил каждое утро. Походная жизнь изменила привычку, — на голове торчал непокорный ежик.

— Мне бы главкома увидеть, — приступил к делу Калмыков.

— Он перед тобой.

— А где Николай Дмитриевич?

— Каширина на Извоз-горе тяжело ранило. Конь стреноженный он сейчас — без костылей ни шагу. Когда отошли от Верхнеуральска в Белорецк, главкомом избрали меня. Так что можешь обращаться напрямую.

— Надо немедля и прочно закрепить за собой Петровское. Вчера в нем были чехи. Поутру мы выбили их, но там у меня всего две роты и сотня конных.

— А у противника?

— На подходе 700 штыков, четыре казачьих сотни.

Главком тотчас вызвал Ивана Павлищева и приказал ему срочно выступить с 1-м Уральским полком[7] в Петровское. После ухода Павлищева Калмыков спросил:

— Скажите, Василий Константинович, а почему вы сразу к нам не повернули?

— В Белорецке поначалу обстановка была сложная, — ответил Блюхер. — Мы с Томиным стояли за движение к нашему Центру, то есть — к Екатеринбургу. Каширины сперва ограничивали цели похода лишь борьбой за Верхнеуральск и Троицк, а про вас Иван Дмитриевич заявил так: «точно известно, что отряд Калмыкова расформирован, винтовки спрятаны, обмундирование продано…»

— Ишь, как загнул, казачина! — не сдержался Калмыков. — И все с того, видать, чтобы с братцем старшим близ станиц своих погулять, а?

— Не скажи, — возразил Блюхер. — Назавтра же всю правду о вас узнали. И объявил ее в первом же боевом приказе сам Николай Дмитриевич Каширин.

Василий Константинович взял полевую сумку, расстегнул ее, быстро отыскал нужный документ и указал Калмыкову:

— Вот они, строки эти. Прочти уж, Васильич, их для полной ясности вслух.

— «Сведения о наших войсках, — неспешно начал Калмыков. — Пункт первый. Получена живая связь от Богоявленского отряда, который в настоящее время группируется в районе Архангельского и Богоявленского заводов при достаточном количестве артиллерии и огнестрельных припасов и готовится действовать в направлении на Уфу и Бирск, в последнем расположена наша группа, отошедшая из Уфы»[8].

— Ничего не напутано?

— Нет. Все слово в слово сказано, как и диктовал своим связным… Вот и надо было тогда же к нам двигать, а вас аж на Извоз-гору занесло, под родной город Кашириных…

— И опять ты не прав, — остановил Блюхер. — Вступив на пост главкома, Николай Дмитриевич определял боевые задачи уже не по личной воле, а сообразуясь с мнением большинства, с нашим мнением — его помощников: перейти железную дорогу на участке Златоуст — Челябинск и, двигаясь дальше в северном направлении соединиться с нашим Центром. Вы целились от Уфы на Бирск, мы — через Миасс к Екатеринбургу. Тогда это был для нас самый краткий и верный путь… Только после взятия Извоза мы узнали о падении Екатеринбурга и поняли, что пробиваться к

нему уже бессмысленно. Наша ли вина в этом?

— Выходит, и за Извоз-то уже напрасно бились? — пробовал не сдаваться Калмыков.

— Нет и нет. В тех боях, как на оселке, была испытана наша истинная общая прочность. Там и от измены полностью очистились[9]. Наши силы теперь не только тремя рабочими и тремя красноказачьими полками исчисляются, но и их настоящим братским единением. Это — огромнейший политико-моральный выигрыш, его уже никаким врагам не отобрать, не преуменьшить, — с горячностью произнес Блюхер и, помедлив, уже спокойно спросил: — Ну, а вы-то чем богаты, какие приобретения сделали?

— На полки счет пока не вели, — смутился Калмыков. — Но если сформироваться как следует, то сумеем, пожалуй, не менее двух выставить. Есть еще три конных сотни, орудия горные, пулеметы, конечно…

— А о боевых припасах умалчиваешь?

— Уже все тайники приказал очистить. Трехдюймовые снаряды все до единого вашими будут.

— Понятно, для горняшек они ни к чему. А патроны?

— Тысяч сто дадим.

— Сто! Не ожидал, спасибо. А то у нас бойцы берут патроны в долг друг у друга.

Блюхер попросил Калмыкова доложить в деталях обстановку, сложившуюся на берегах Белой, Сима и Инзера.

Прощались весело, с шутками.

12 августа Блюхер приказал Павлищеву, используя поддержку красных казаков во главе с Иваном Кашириным, предпринять энергичный бросок от Петровского на Стерлитамак.

Враг не устоял. Преследуя бегущих, каширинцы влетели на мост через Белую и прошлись на рысях по окраинным улицам Стерлитамака. Посеяв панику, тотчас отскочили обратно, на правый берег.

Появление красной конницы в непосредственной близости от города неприятель посчитал за прелюдию общего наступления партизан на Стерлитамак. Забыли белогвардейские командиры о том, что еще вчера замышляли сокрушить на марше прорывающихся с гор. Теперь взялись в лихорадочном ознобе за оборону.

А Блюхер только того и ждал. Убедившись, что враг окончательно растерял свою атакующую спесь, он отдал приказ о резкой смене курса движения армии. К бойцам Павлищева и Ивана Каширина подкрепления не спешили. Полк за полком, обоз за обозом сворачивали еще до Петровского со Стерлитамакского

тракта круто вправо, на Богоявленский проселок. Этот неожиданный маневр позволил главным партизанским силам почти на целую педелю оторваться от противника и выйти из-под его ударов.

13 августа радушно встречал заводской поселок партизан армии Блюхера. Над зданием ревкома билось на ветру алое полотнище. Кумачовые стяги пылали и на домах, пламенели над головами рабочих. Командиры и бойцы отвечали на дружеские пожатия, крепкие объятия. Как старых знакомых, ласково и приветливо зазывали беженок с малыми детьми в каждый дом.

На столах появлялись неприхотливые кушанья, приготовленные из собственных запасов. За огородами уже вовсю дымились бани. Ранее никогда по встречавшиеся люди быстро сближались, по-семейному толковали обо всем наболевшем.

Днем 14 августа Блюхер созвал военный совет, на который были приглашены и командиры отрядов Богоявленско-Архангельского района. Калмыков заявил о готовности всех боевиков влиться в ряды Сводно-Уральского отряда и идти с ним на соединение с Красной Армией. Совет, однако, от окончательного решения воздержался, счел необходимым послушать, что скажут по этому поводу сами боевики и члены их семей.

При обсуждении маршрута дальнейшего движения Калмыков высказался так:

— Сил теперь много. Бойцы обстреляны. Надо ударить на Уфу.

Иван Каширин поддержал его:

— Правильно! Я пойду с конницей в авангарде.

Сказанные слова не были бравадой. Гарнизон Уфы в то время состоял из наспех сколоченных частей, которые вобрали в себя насильно мобилизованных молодых крестьян губернии, и своей численностью особенно не пугал. Успех в проведении Уфимской операции был возможен, но Блюхер иначе оценил такой ход.

— Допустим, возьмем Уфу. Это хорошо. А удержим ее одни? Нет. В чем мы проигрываем? Во-первых, мы потеряем силы, во-вторых, упустим время, да и к своим не теми уже войдем. Нет, товарищи, не можем, не должны мы прельщаться захватом Уфы. И в военно-тактическом, и в политическом отношении для нас наиболее выгоден путь движения от этих заводов к станции Иглино и далее на север.

Совет принял аргументацию главкома.

А в девятом часу вечера застучала по древней чугунной доске бита — ревком созывал общий сход. Со всех концов поселка потянулись люди к саду бывшего директорского дома. Меж

картузов пожилых рабочих и кудлатых голов парней мелькали веселые девичьи полушалки, степенно плыли белые бабьи платки.

В назначенный срок на крыльцо особняка вышли Блюхер, Калмыков, Каширин, Томин. Разговоры смолкли.

— Темновато что-то, — оглядевшись, заметил Калмыков и кликнул молодым. — Тащите сюда, ребята, факелы и бочку вон ту катите… Так, переворачивай. Трибуна ладная. С нее далеко слышно будет. Решать будем, боевики, оставаться нам или уходить с отрядами Блюхера.

— Сам-то как считаешь? — выкрикнули из темноты.

— Кто в силах держать оружие, должен идти. Объединимся — победим, нет — пропадем ни за грош.

— А куда идти-то?

— Об этом вам скажет товарищ Блюхер. Слово ему.

Блюхер говорил негромко, но внятно, чеканя каждое слово. Обрисовал обстановку, сложившуюся в молодой Советской республике и на Урале, разъяснил, во имя чего решили его отряды продолжать борьбу против белогвардейцев в одних рядах с Красной Армией.

— Только где и когда именно встретимся с нашими, — признался Блюхер, — указать пока не могу. Но мы пробьемся, чего бы это ни стоило. Пробьемся, потому что нам дороги интересы рабочих и крестьян всей России, дорога Советская власть. Верю, и вы, друзья, не уйдете от борьбы в эти суровые дни.

Выступил с горячей речью молодой боевик Костя Калашников. За немедленное присоединение к отрядам Блюхера высказались и другие ораторы.

— А теперь полчаса на обговоры, — объявил Калмыков. — Уходить будем без семей, не спасаться пойдем — воевать. Я лично оставлю на месте мать, жену и двух сестер с ребятишками. Лихо им, знаю, придется, но иначе нельзя… Так что советуйтесь, товарищи, решайте.

Помявшись, люди начали расходиться. Михаил Васильевич спрыгнул с бочки и присел рядом с Блюхером на ступеньку крыльца.

Для тех, кто вел в глубине сада торопливые речи, эти полчаса показались мигом. Снова вспыхнули факелы, и опять выросла на трибуне могучая фигура председателя.

— Будем или нет обсуждать дальше?

— Что время тянуть! Все пойдем за Советы!

…Сад быстро пустел. Бойцы до утра шестнадцатого были отпущены по домам. А командиры с рассвета засели в штабе утрясать списки, создавать роты и батальоны. Лишь много позже

Николай Ильич Подвойский и члены Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии узнали о рождении вечером 15 августа 1918 года в глубоком вражеском тылу нового советского полка.

Состоял он из двух батальонов, семи рот, двух конных сотен, двух пулеметных команд и батареи горных орудий. В руководящее звено вошли: Михаил Калмыков — командир полка, Федор Ландграф — его помощник, Венедикт Ковшов — начальник штаба. Ответственность за всю политическую работу возложили на бывших членов заводского партийного комитета Дуню Шойхет, Владимира Колобаева и Леонида Вейнштока.

Должности комбатов заняли Николай Беляков и Матвей Лантух, на роты были поставлены Федор Калмыков, Максим Чугунов, Василий Горбунов, Евстигней Бусыгин, Петр Кадочников, Григорий Хрипунов и Михаил Воронцов. Виктор Комлев и Федор Булатов возглавили конные сотни, а Константин Жеребов и Павел Маслов — пулеметные команды.

Командиром батареи стал Костя Калашников. Дела разведки поручили Карлу Матузу, заведовать оружием — Александру Первухину, а все лечебно-госпитальные заботы легли на плечи фельдшера Ламкина.

Всего в полку насчитывалось штыков — 1774, сабель — 180, пулеметов — 13 и 2 горных орудия при 80-ти снарядах.

Почти одновременно с Богоявленским полком был сформирован и Архангельский рабочий полк. Командование им принял Владимир Данберг. Архангельцы дали армии Блюхера 650 бойцов пехоты, 250 кавалеристов и 6 пулеметных расчетов и вместе с передовыми ее частями утром 16 августа покинули родной поселок, взяв курс к берегам Инзера и Сима.

2.

Пора в путь и арьергарду. Калмыков построил полк в ротные колонны. Выровнял, привел в порядок, как на смотру, но едва тронулись, в ряды вклинились матери и жены, там и тут засновала босоногая ребятня.

— Ладно уж, — отмахнулся командир от придирчивого начштаба, — пусть до околицы так идут.

Вдруг позади неожиданно захлопали выстрелы. Из конца колонны на карьере подлетел комбат Беляков.

— Казаки в поселке!

— Партизаны, кру-гом! — тотчас скомандовал Калмыков. — Не паниковать! Слушай мои приказы!

Рядом оказался Федор.

— Бери роту, — указал брату, — и следуй в обход завода для удара слева. Остальные за мной!

Михаил Васильевич поскакал к плотине. Там было сподручнее отражать лобовые наскоки белоказаков.

Часа полтора ушло на выкуривание из поселка залетевших белоказаков. После этого Калмыков принял решение задержаться с полком на заводе: пагубно было бы с первых шагов повести за собой преследователей.

Оборону продержали до глубокой ночи, затем начали сниматься с позиции и скрытно отходить в заданном направлении. В группу прикрытия Михаил Васильевич выделил кавалеристов и пулеметчиков, включив в нее и приданные сотни Верхнеуральского красноказачьего полка Семена Галунова.

Покидая Усолку, Михаил Васильевич заехал проститься с матерью, сестрой, малюткой дочерью и племянниками. Жена провожала несколько километров. Тревожно было за семью, но оценить глубину опасности все же не удалось. Правда, жену после многочисленных допросов от верной гибели спас неожиданно прилипший к ней тиф, но длительной разлуки Клавдия Петровна выдержать уже не смогла…

19 августа командир 3-й Оренбургской дивизии полковник Колесников, убедившись, что налеты конных разъездов на группу прикрытия калмыковцев малоэффективны, ввел в действие главные силы. Им была поставлена задача с ходу переправиться на правый берег реки Зилим, где только-только развернулись для обороны стрелковые роты Богоявленского полка.

Спасли партизан пулеметчики. Зилим — речушка, но берега ее круты, труднодоступны. Учтя это, Константин Жеребов, Павел Маслов и Михаил Дублистов расчетливо расположили на более высоком правом берегу свои пулеметы и заранее пристреляли все левобережные спуски к воде.

Неудача озлобила белогвардейцев. Колесников, придержав на месте пехоту и конницу, пустил в ход орудия и бомбометы. Более часа на линии окопов богоявленцев рвались тяжелые фугасы. Зажигательные снаряды пролетали над головами, падали на дома мирных жителей. Деревня Зилим запылала. За время боев (а они не стихали здесь до 22 августа) все пятьсот ее дворов сгорели дотла.

Донесение с тыла от Калмыкова встревожило Блюхера. Район, куда втянулась армия, представлялся ему огромным мешком. Случись что — влево не кинешься. Там широченная Белая. И вправо не сделаешь маневра — подступили вплотную крутые горные отроги. Впереди — бурный многоводный Сим с

сожженными, разрушенными мостами. Части Павлищева и Ивана Каширина ни вплавь, ни вброд переправиться пока не могут, всюду натыкаются на ураганный огонь.

Прочтя записку Калмыкова, Блюхер схватил фуражку, затянул ремнями кожанку и зло проговорил:

— Получили два фронта. Жди теперь и третьего… Я к Томину, — пояснил он начальнику штаба Леонтьеву. — А Калмыкову пошлите такое приказание: «Богоявленскому полку с приданными сотнями, оставаясь на занятой позиции, упорно задерживать дальнейшее продвижение противника».

Как ни тяжело было авангардным и арьергардным частям, но Блюхер понимал, что самая главная опасность теперь может возникнуть в центре. Так и случилось. Прибыв в Ирныкши, главком в штабе Томина не застал. Он уже руководил боем, разгоревшимся на западной окраине села. Противник, переправив через Белую несколько сотен пехоты и артиллерию, повел наступление на Ирныкши, стремясь этим ударом разрубить фронт партизан и расчленить их силы.

Блюхер оставался в боевых порядках группы Томина до тех пор, пока не наметился решительный перелом. Красные троичане не только отбили у белых охоту брать Ирныкши, но и вышвырнули их восвояси, обратно за реку.

Допоздна в тот день не стихали орудийные раскаты и винтовочная пальба на всем протяжении громадного фронта, раскинувшегося по берегам трех рек: Сима, Белой и Зилима. К исходу суток Блюхер вернулся в штаб, в поселок Архангельского завода. Новые донесения были обнадеживающими. Павлищев пробился за Сим на несколько десятков очень важных метров. Калмыков, хотя и оставил спаленную деревню, но нашел более выгодные позиции и не пустил врага через реку Зилим ни в нижнем, ни в верхнем ее течении. На этом участке противник не имел успеха и во все последующие дни боев. Белые полагали, что имеют здесь дело не с одним, а по крайней мере с двумя, тремя полками.

26 августа основные силы партизан завершили переправу через Сим. Калмыков по вызову главкома прибыл в Бердину Поляну. Десять дней находились они в одном боевом строю, ни на час не теряя связи, но видеться лично возможности не имели.

— Здравствуй, Михаил Васильевич. Спасибо тебе. За твоим полком мы, как за щитом, — не поскупился на похвалу главком. — Я только из-под Слутки. Атака поначалу не ладилась. Пришлось тряхнуть стариной. Был в цепи. Ударили крепко. Затрясутся, поди, теперь и за Уфу.

— Василий Константинович! — попрекнул Калмыков. — Ведь

и нам не велите, а сами…

— Надо было, — скороговоркой оправдывался Блюхер. — Надо. Понимаешь, этот удар спутал карты неприятеля. Он будет ждать нас под Уфой, а мы резким рывком бросимся на север. Кулак теперь разожмем, наотмашь станем бить всей пятерней. Штаб заканчивает писать приказ на прорыв через железную дорогу. Наступление поведем на максимально широком фронте, будем перерезать полотно одновременно в нескольких местах. В прорыв пускаю Каширина, Павлищева и Данберга. Томина придержу в резерве, ну а твоя задача, Михаил Васильевич, прежняя.

— Снова пятиться?

— Придет время, находишься и впереди. Кстати, пехоту с переправы двигай сразу на Кольтовку, а конницу придержи. Левый берег минимум сутки должен быть в наших руках.

— Понял.

В ночь Калмыков переправил через Сим все стрелковые роты. Мост, наспех наведенный партизанскими саперами, ходил уже ходуном, держался «на честном слове».

На рассвете 27 августа противник неожиданно повел наступление на деревню Александровскую и Благовещенскую. Конные сотни, занимавшие их, не выдержали натиска и беспорядочно стали отходить к переправе.

Это грозило не только невыполнением приказа главкома о задержании противника на левом берегу, но и потерями в живой силе. В сумятице недолго было разнести мост вдребезги, тогда оставшимся на том берегу придется брать реку вплавь и быть для врага беззащитными мишенями.

Долго не раздумывая, Калмыков развернул замыкавший батальон и повел его обратно к мосту. Там на командира полка налетели конники приданной Оренбургской сотни:

— Пускай, иначе сбросим!

Двое обнажили шашки. Выхватил кольт и Калмыков.

— А ну, наземь! — гневно крикнул на замахнувшегося для удара всадника, поймал за руку, рывком вытряхнул из седла и тут же сам взлетел на коня. — Назад! Все назад! За мной, в атаку!

Мост заполнила пехота. Бойцы с винтовками наперевес бежали навстречу конным. Те пятились, уступая дорогу. Но вот уже один, другой, вздыбив коней, круто развернулись и пустились за Калмыковым.

В следующую минуту уже вся полковая конница дружной лавой неслась в контратаку. Пехота старалась не отстать. Противник, только что рассчитывавший на легкую победу, показал спину и, теряя убитых и раненых, бежал от Бердиной

Поляны. Не приложил он никаких усилий и к тому, чтобы задержаться в недавно отбитых Александровской и Благовещенской.

Восстановив положение на левом берегу, Калмыков организованно переправил по мосту за Сим и всю конную группу. Чтобы мостом не воспользовался противник, его разрушили. Поздним вечером того же дня партизанская переправа прекратила свое существование.

Пути назад не стало. Теперь только вперед.

Форсировав Сим, партизаны Блюхера, как могучий поток, размывший плотину, разлились по башкирской равнине и устремились неудержимой волною к стальному полотну Самаро-Златоустовской дороги. Прорыв через нее должен быть одновременным на участке протяженностью в сорок с лишним верст. Так замыслил главком.

Пять мощных отрядов вел за собой Блюхер, но для решающего штурма выбрал ударную тройку. Верхнеуральцы Ивана Каширина должны нанести главный удар, нацеливая его из деревни Алаторка на станцию Иглино. Уральцам Ивана Павлищева наступать правее, брать разъезд Чуваши и деревню Кубово-Чувашскую. Архангельцам Владимира Данберга занимать село Ново-Троицкое, разъезд Кудеевку и разрушать линию к востоку от него.

Резерв левофланговой группы — троичане Николая Томина. Калмыкову предстояло обеспечить надежность тыла Павлищева и Данберга.

За ночь богоявленцы отмерили верст тридцать. Переход от Бердиной Поляны в Кольтовку протекал в обстановке свободного марша. Впервые за все время похода не гремела пальба.

К вечеру 28 августа все партизанские части сосредоточились в исходных районах. На стоянках задымились костры. Повара потчевали бойцов мясными щами, круто сваренной, приправленной салом кашей, хлеба дали по полкраюхи на брата, а к чаю даже и липового меда.

Михаил Васильевич, как всегда, сел за поздний обед вместе со всеми, кто был в тот момент в штабе. Когда посредине появился большой чугунок щей, командир довольно расправил усы и проговорил:

— Сегодня, видать, незваный разливальщик не пожалует.

Шутка вызвала общий смех. Вчера ж было не до смеха. Едва сели вот так же за стол, невесть откуда плюхнулась шрапнель и разорвалась во щах. Чугунок, разумеется, на части, щи напрочь. Хорошо еще осколками никого не задело.

На общем построении командир довел очередной приказ

главкома.

— Боевикам и командному составу приложить все усилия для выполнения задачи по прорыву, — торжественно громко читал Калмыков. — Помните, товарищи, неудача поставит нас в безвыходное положение. Успех и только успех сулит нам выход из окружения и возможность скорого соединения с Красной Армией.

Сопоставив все данные разведки, главный штаб вполне точно определил, где проходит линия красного фронта, и объявил бойцам, что конечным пунктом их похода по вражеским тылам, по всей вероятности, окажется район между городами Красноуфимском и Кунгуром, где сейчас держат упорную оборону регулярные части Красной Армии.

Беседы перед сном надолго не затянулись. Надо было хорошо выспаться. Как знать, когда еще выпадет такая большая передышка. Калмыков по привычке поднялся на рассвете. В душе он завидовал командирам ударных отрядов. Они, конечно, уже привели свои полки в движение. Связался с главным штабом. Пока ничего утешительного. С трудом пробиваются вперед архангельцы. Далеко еще до главного рубежа атаки и уральцам Павлищева, а у Ивана Каширина начало вообще получилось никудышным. Из-за недисциплинированности одного из батальонов нарушились все планы. Белочехи, стоявшие в Алаторке, завладели инициативой и погнали каширинцев вспять.

3.

Опустив с тяжелым сердцем трубку на деревянную коробку полевого телефона, Михаил Васильевич тут же приказал Ковшову привести полк в полную боевую готовность.

Однако идти на выручку верхнеуральцам не пришлось. При очередном разговоре Блюхер сообщил, что Каширин перешел в наступление, первым вырвался к стальному полотну, перерезал его и занял станцию Иглино. Конная группа Федора Вандышева сразу же помчалась на запад, к станции Шакша.

— Я поддерживаю этот удар, — сообщил главком, — Томин высылает для усиления батальон 17-го Уральского полка и две сотни разинцев.

— Может и мне чем помочь? От Шакши ведь до Уфы рукой подать.

— Общий замысел не меняется. На Уфу никто не пойдет, ограничимся лишь демонстрацией.

К полудню добрые вести пришли от Павлищева и Данберга. Уральцы выбили противника из Ново-Кубово и полностью

очистили железнодорожную линию от будки № 253 до разъезда Чуваши.

Веским был и доклад командира архангельцев: «Село Ново-Троицкое и разъезд Кудеевка взяты. К востоку от разъезда разрушено два моста. Подход вражеских эшелонов со стороны Златоуста невозможен».

— А как у вас? — обратился к Калмыкову главком.

— Прочесали дозорами весь берег Сима и опять никого.

— И что, не рады? — спросил Блюхер и уведомил, — отсюда, из Михайловки, больше ничего не ждите. Даю приказ на перемещение штаба в Иглино.

Но не прошло и получаса, как вновь зазуммерил телефон.

— Выехать пока не сумели, — взволнованно проговорил начальник оперативного отдела Голубых. — Обстановка изменилась. Белые сбили заслоны троичан в Калтыманово, приближаются к Михайловке. Блюхер лично организует отпор. Вам приказано срочно передвинуться в починок Блохинский.

Полк Калмыкова без промедлений перешел на новое место и был готов с ходу ударить по тылам западной группировки противника, но надобность в этом уже отпала. Пока Блюхер с пехотинцами 17-го Уральского полка налаживал оборону на юго-западной окраине Михайловки, командир Троицкого отряда Томин сам слетал в полк имени Степана Разина, поднял красных казаков и повел их в стремительную контратаку.

Около сотни белогвардейцев пало под клинками разинцев, остальные разбежались. Схоронившихся в перелесках да в суслонах сжатого хлеба переловили. Уйти смогли лишь самые прыткие. Главком приказал не преследовать их: пусть бегут себе до Уфы — больше паники будет в ней.

Из всех дней похода 29 августа был самым боевым и самым результативным. Партизаны взломали неприятельский фронт на многоверстном участке Самаро-Златоустовской дороги от Шакши до Кудеевки. Белогвардейская Уфа лишилась всякой связи со своими восточными гарнизонами и пребывала в шоковом состоянии. Этот успех открывал армии Блюхера ворота к дальнейшим победам. Бойцы Михаила Калмыкова вместе со всеми радовались крупной боевой удаче. Правда, в тот день они не провели ни одной атаки, не сделали даже ни единого выстрела по врагам. Но не все ведь дается в открытом бою.

Белоказаки Колесникова устрашились самого присутствия красноусольцев на правом берегу Сима и не рискнули, несмотря на все грозные приказы высшего командования, переправиться через реку следом за ними, под их огонь и штыки. Это дало партизанам лишь один фронт борьбы, что и ускорило решение

труднейшей задачи прорыва через железную дорогу.

За стальным полотном партизанская армия разделилась на две группы. Двигались они разными дорогами, но в одном направлении — к деревням, расположенным на восточном берегу реки Уфы. Из района Тавтиманово-Чуваши через Сейт-Баево и Старо-Кулево спешили к Красной Горке Уральский отряд и Архангельский полк. Сюда же из Иглино через Немисляpово следовали Троицкий, Верхнеуральский отряды и Богоявленский полк.

Главком требовал предельной скорости маршей, торопил и торопил командиров, но вскоре и сам понял — все усилия тщетны. Налетела с севера свинцовая хмурь, и пошел хлестать ледяной дождь. Поползла земля — глина, навесила на ноги пудовые гири, навязала свои черепашьи темпы.

Враг, в страхе ждавший осады Уфы, пришел в себя, пустился в преследование, нагнал армию и обложил ее со всех четырех сторон. На крохотном Красногорском плацдарме партизаны оказались в кольце тринадцати белогвардейских полков и отдельных отрядов. С юга и юго-востока тремя колоннами наступали части полковника Моисеева и войскового старшины Старикова. С запада наседали «все свободные силы уфимского гарнизона». На севере ощетинилась штыками бирская, самая сильная белогвардейская группировка, противостоять которой пока мог лишь Уральский отряд Ивана Павлищева. Он один успел переправиться через быструю и широкую реку Уфу. Все остальные полки партизан заняли круговую оборону на восточном берегу.

Бои шли тяжелые. Командующий Уральским белогвардейским корпусом признался после в том, что арьергарды красных проявили особое упорство. Враг теснил части Троицкого отряда, Богоявленский и Архангельский полки ближе и ближе к Красной Горке. По всему чувствовалось, что белые генералы решили повторить неудавшийся симский вариант: сбросить партизан на воду и добить их на плаву.

И опять Блюхер принял их вызов. Главком понимал: форсирование вплавь породит беспорядок, панику, что гибельно. Спасти армию может только железная дисциплина и организованность. А для этого нужен хотя бы плохонький, шаткий, но мост. Мост…

Троичане сдали Немисляpово, вот-вот дрогнут и богоявленцы на рубеже Салдыбаша, а в Красной Горке, где квартировал главный партизанский штаб, тем временем творились сугубо мирные дела. Ординарцы Блюхера созывали крестьян-башкир на общий сход.

Народ собрался. Комиссар финансов партизанской армии

Сандырев вскинул вверх руку. В ней была зажата кипа каких-то бумаг.

— Переводчик, — обратился Сандырев, — говори за мной. Видите это? Тут все ваши расписки, весь хлеб, фураж и другие продукты, которые вы задолжали кулаку-мироеду.

Башкиры притихли, цепенея, подумали, неужели большевик востребует все их долги. Но комиссар потребовал огня.

— Нет, — остановил он того, который зажег спичку, — не прикуривать хочу. Распали-ка лучину. А теперь смотрите, как будет гореть это старье.

Сандырев поджег одну, другую расписку, бросил маленький костерчик себе под ноги и не забивал пламени до тех пор, пока от всей кипы бумаг не осталась горсточка пепла.

— Вот и рассчитались с кулаком-лавочником. С этой минуты никто из вас ничего ему больше не должен. А теперь вашей помощи просим. Мост нам позарез нужен, но леса нет. Может, дадите что? Тут же заплатим и деньгами, и ситцем.

Башкиры торговаться не стали. Одни уступили заготовленные на зиму дрова, другие не пожалели срубов новых домов, третьи принялись разбирать старые сараи, бани, навесы. Закипела работа у саперов. Им помогали крестьяне, добровольно решившие помочь в скорейшем наведении моста.

К утру 3 сентября новая партизанская переправа вступила в строй. К тому времени уральцы Павлищева, смяв противника на участке между деревнями Бедеево и Старые Бирючи, в едином прорыве пробились к Казанке. Плацдарм на северном берегу реки Уфы сразу же увеличился в глубину на целых пятнадцать верст.

Твердой ногой стали на той стороне и красные казаки из полка Семена Галунова. Под покровом темноты они одолели реку вплавь и, разогревая коней, быстрой рысью устремились к Быково, чтобы неожиданно ударить во фланг частей западной, уфимской группы.

С получением этих известий Блюхер отдал приказ о переправе по мосту партизанского лазарета и всего обозного табора. А бойцы Калмыкова бились уже в непосредственной близости от Красной Горки. Противник через их головы швырял фугасы и шрапнель по главной базе партизан. Отбросить его возможности не было — силы на исходе да и патронов раз-два и обчелся.

Но вот командир богоявленцев принял нового связного от главкома. Мигом вскочил на коня и пролетел, не пригибаясь, вдоль передней линии бойцов.

— Слушайте, товарищи! Слушайте все! — перекрывая снарядное уханье, громобойно кричал Калмыков. — Победа!

Победа, товарищи!

В следующую минуту уже все знали, что Павлищев откинул беляков от Казанки, гонит их к Бирску, а главное, какой трофей захватил — пятьдесят тысяч штук патронов! Каширин разбил наголову противника под Быково, взял двести пленных, три орудия с передками, много снарядов и патронов тоже.

Воспрянул арьергард, словно влились свежие силы, и голод патронный отошел, позабылся.

…Поздним вечером Калмыков привел свой полк в Красную Горку. Зная, что на том берегу его ожидает главком, Михаил Васильевич пришпорил коня и выскочил к мосту. Пролететь его одним махом не удалось — мост то горбился, то спадал вниз ухабами, кренился где вправо, где влево.

Блюхера Калмыков отыскал невдалеке от переправы.

— Ноги больше не держат, — устало сказал главком, поднимаясь с груды соломы. — У вас все в порядке?

— Да, без хвостов пришли.

— Хорошо. Надо, чтоб и впредь никто не висел. Как переправится полк, проследите за точностью исполнения приказа о полной ликвидации моста.

— Повоевать придется, — со вздохом ответил Калмыков. — Башкиры и сейчас уже наседают: у нас не было моста, ты построил его. Оставь, зачем хочешь жечь?

— Понимаю, но оставлять нельзя. Растолкуй им: скоро вернемся и построим новый, не мост — мостище!

Калмыков ускакал обратно, а главком остался на месте до тех пор, пока не забилось во всю ширь Уфы яркое пламя.

К утру на берегах реки установилась тишина. Не грохотали больше орудия, ие тарахтели пулеметы, словно и не было тут никакой войны.

4.

Повернув резко на север, партизаны вышагивали за день, как на мирных солдатских учениях, верст по тридцать-сорок. Главком вел свои полки по ничейной полосе через уральские деревни, затерявшиеся среди топких болот и глухих лесов.

Михаил Васильевич Калмыков с адъютантом Озиминым раскатывал теперь на тарантасе, но рядом с упряжкой всегда трусила оседланная верховая лошадь.

Где только ни видали командира на дню. От головной походной заставы мчался в конец колонны, к конникам. По пути задерживался у артиллеристов, две-три версты неизменно

сопровождал повозки госпитального обоза.

Здесь сейчас было всего труднее. Привалы объявлялись редко. Порой и на ночь не делали остановок. Раненых везли на тряских крестьянских телегах. На каждом ухабе, кочке бередились раны.

Забытье не приходило, то и дело слышались стоны, просьбы: «Пить, пить! Потише». Утешителем Михаил Васильевич никогда не был, а тут пришлось:

— Крепитесь, братцы. Теперь уж скоро…

И пришел долгожданный день. 12 сентября 1918 года коммунистическая рота 1-го Оренбургского социалистического казачьего полка имени Степана Разина, возглавляемая юным Виктором Русяевым, первой близ деревни Тюйно-Озеро обнялась с красноармейцами роты 1-й Бирской бригады 5-й Уральской дивизии РККА 3-й советской армии Восточного фронта Республики.

Богоявленцы же, по-прежнему следовавшие в арьергарде, лишь двое суток спустя вступили в башкирское село Аскино, где получили приказ главкома без задержек идти далее, к деревне Першино и до получения новых указаний оставаться там на отдыхе.

Десять последних суток полк Калмыкова, как и весь Сводный Уральский отряд, ни в какие бои не ввязывался и одно это каждый из красных партизан, почти беспрестанно, начиная с июля, участвовавший в жарких схватках с врагами, считал за верх блаженства. Но когда прозвучало наконец-то давно забытое слово «отдых», все вдруг почувствовали, что до самой крайности они физически измучены, нечеловечески измотаны вечными недоедами, недосыпами.

С сыновним участием все это время следил Михаил Васильевич и за бойцами батальона Матвея Лантуха. Его батальон наполовину состоял из партизан-башкир, среди которых немало было людей пожилого, а то и совсем преклонного возраста. Не раз еще до Красной Горки предлагал им Калмыков уйти в обоз — наотрез отказывались: «Нет, наша здесь лучше…» Пробовал комполка и в эти завершающие, самые тяжкие часы, пешего перехода уговорить их пересесть на подводы, но те, не тратя сил на словесные отказы, только упрямо покачивали головами.

— Ну, коли так, аксакалы, — громобойно выпалил Михаил Васильевич, — то закачу вам в Першино большой-пребольшой курбан-байрам!

Тут уж не промолчали старики:

— Зачем шутит начальник?

— Какой курбан без барашки?..

— Какой байрам без мулла?..

Нашелся что ответить Калмыков:

— Без муллы обойдемся. А барашки будут. Разобьюсь, но достану. И на славу сыграем курбан-байрам!

Теперь-то пронял, заулыбались аксакалы. Приосанились по-молодому, пошагали действительно, как на праздник.

В Першино комполка лично выторговал у местных крестьян дюжину самых упитанных барашков, не скупясь, расплатился, добавив к деньгам из общей кассы целиком свое жалование, полагавшееся ему за месяц боевой работы. И пир получился, точно, на весь мир. Молодые бойцы-башкиры даже раздобыли где-то несколько фляг добрейшего кумыса. Когда же все сытно отобедали, Калмыков распорядился о построении полка.

— Товарищи! — обратился в полную силу могучего голоса. — То, что вы сейчас услышите, безмерно обрадует всех вас. — И отдельно к старикам: — А вам, аксакалы, эти новости станут куда весомей самых пышных мулловских проповедей. Итак, полк, слушай приказ главкома Василия Константиновича Блюхера.

Приказ этот за № 55 был необычным от первой же его строки:

> «Объявляю копии телеграмм, полученных мною за последние дни, и телеграмм, отправленных мною. Мною 14 сего сентября отправлена телеграмма следующего содержания:
>
> «Москва. Совнарком. Пермь. Областком. Командующим армиями и всем, всем.
>
> Приветствую вас от имени южноуральских поиск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых полков, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхнеуральского казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полуторатысячеверстный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом».

15 сентября получены следующие приветственные телеграммы:

I. «Областная конференция профессиональных союзов металлистов, горнорабочих и железнодорожников Урала, узнав о вашем прорыве через стан врагов, приветствует вас как смелого солдата, героя революции и в вашем лице также приветствует верные революционные войска, которые твердой поступью следуют за своим вождем. От имени конференции — президиум: Андреев, Кузьмин».

II. «Военный совет приветствует вас и ваши доблестные части с прибытием в район наших войск. Мы твердо верим, что дружным совместным ударом мы сокрушим дрогнувшего уже врага. Передайте вашим храбрецам наше восхищение и товарищескую благодарность за исторический переход, за славные бои. Военный совет III армии Берзин»[10].

И после шли и шли восторженные депеши в адрес краснопартизанского главкома.

Секретарь Уралобкома РКП(б) и окружной Уральский военный комиссар Ф. И. Голощекин обратился к Василию Константиновичу с особо теплой телеграммой:

«Приветствую вас, родной. Весь пролетарский Урал сердечно радуется вашему появлению. Искренне говорю вам, что все время мы все думали, гадали, где вы, и ждали чуда вашего появления»[11].

Большое, взволнованное поздравление прислал Реввоенсовет Республики:

«…Смерть витала над вами, и ожесточенный враг готовился поглотить… храбрецов, но ваша стойкость и храбрость сохранили вас для новых побед над врагом…

Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной. Высший Военно-революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах»[12].

19 сентября и Владимир Ильич, выздоравливающий после

злодейского покушения, узнал о первых героях Страны Советов:

> «…Ленин беседует с членом Уральского областного Совета и обкома РКП(б) А. П. Спундэ о главнокомандующем южноуральскими партизанскими отрядами В. К. Блюхере…; просит Спундэ в тот же день прислать ему письмо с биографическими сведениями о Блюхере.
>
> Ленин знакомится с письмом Спундэ о Блюхере, в котором сообщалось, что Блюхер участвовал в ликвидации дутовщины, вышел из вражеского кольца, значительно увеличив свои войска, во всех случаях его стратегические планы оказывались удачными. Уральский обком РКП(б) и областной Совет просили в письме, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой»[13].

Десять тысяч уральских красных партизан, пройдя свыше 1500 километров труднейших дорог, одержав в сплошном окружении врагов более двадцати побед и разгромив до десятка отборных частей противника, дезорганизовали тыл белых войск и оказали непосредственное содействие развертыванию в начале осени 1918 года первого наступления Восточного фронта, в результате которого от контрреволюционеров и интервентов были освобождены Казань, Симбирск, Самара и другие города.

С РОДНЫМИ КРАСНЫМИ ВОЙСКАМИ

1.

> «Цель похода была достигнута… Настроение было приподнятое, — вспоминал в тридцатые годы Михаил Васильевич Калмыков. — Мы не предполагали тогда, что нас отделяют от полной победы над врагом еще два с лишним года тяжелой гражданской войны. Но могли ли мы тогда все это предвидеть!.. Богоявленский полк по существу только начинал еще свой путь борьбы против белогвардейцев и интервентов»[14].

…В двадцатых числах сентября почти все части партизанской армии сосредоточились в Кунгуре. Лишь Богоявленский полк остался на постое в Першино. Бойцы чинили обувь, одежду, седла, телеги. Все требовало ремонта, обновления.

Каждый день проходили митинги. Красные партизаны, почти четыре месяца ничего не ведавшие о жизни республики, хотели узнать сразу все. Время было суровое и тревожное. С большим опозданием богоявленцы, как и бойцы других частей, вырвавшихся из вражеских тисков, услышали о трагедии, случившейся в Москве 30 августа 1918 года. Доложил им об этом сам командир полка.

— Эсеркой Каплан совершено подлое покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина, — говорил он с дрожью в голосе. — Прихвостни буржуазии — меньшевики и эсеры — предали пролетарскую революцию, обманули трудовой народ. Они пытались лишить нас вождя, обезглавить партию и республику Советов. Ленин страшен русской и мировой буржуазии тем, что за ним и по его учению идут рабочие и крестьяне-бедняки не только России, а и всех других стран.

Богоявленцы напряженно выслушали Михаила Васильевича и в своих выступлениях заверили, что не сложат оружия до полной победы над эксплуататорами и их военными слугами.

Последним взял слово известный всему полку своей храбростью пулеметчик Михаил Дублистов.

— Наш полк, — заявил он, — рвался сюда из окружения для совместной борьбы с регулярными частями Красной Армии. И что же? Вышли и стоим на мосте. Надо сполна заплатить за раны Ильича. Требую передать товарищу Блюхеру, чтобы нас сегодня же отправили на фронт. Наше место в бою!

— Даешь фронт! — дружно поддержали бойцы.

Через два дня на общеполковом сходе зачитали приказ о том, что все полки партизан вливаются в 4-ю Уральскую дивизию 3-й армии. Блюхер назначен командовать этой дивизией. Каждые три полка образуют бригаду. Богоявленский полк входит в третью, командиром которой утвержден И. С. Павлищев.

Затем слушали обращение Блюхера.

— Кунгуру стала угрожать опасность захвата противником, — писал новый начдив, — а с падением этого пункта противник приложит все усилия для захвата Перми… Со взятием Перми противник может нанести смертельный удар нашим войскам, действующим на Северном Урале. Вот почему, не считаясь с усталостью, во имя спасения завоеваний революции нам приходится выступать на позиции…

После митинга Калмыков отправился в штаб бригады. Там встретился с Иваном Степановичем Павлищевым. Они не раз бывали соседями боевых участков, помогали и выручали друг друга. Павлищев был храбр, никогда не терялся в трудной обстановке.

— Ну вот, Михаил Васильевич, — сказал при встрече комбриг, — теперь в нашей жизни начинаются новые страницы. Мы в регулярной Красной Армии. Нам нужен образцовый порядок и дисциплина.

— Понимаю, приложу все силы к этому.

Следом за Калмыковым командиру бригады представились Венедикт Ковшов, назначенный начальником штаба Богоявленского полка, и Дуня Шойхет, утвержденная председателем бюро полковой парторганизации.

В полк вернулись с приказом о переходе в наступление.

Через несколько часов Михаил Васильевич с группой конных разведчиков выскочил к деревне Гари. Навстречу из проулка вылетели шесть верховых. Не разобравшись, выпалили на скаку:

— Бегите скорее — большевики подходят!

— Стой! — приказал им Калмыков.

Всадники осадили коней. «Кулачье — не иначе», — определил комполка и решил пойти на хитрость.

— Полноте, братцы, не опасайтесь. Я командир 1-го казачьего полка, прибыл вас защищать. Кто-нибудь из наших в селе остался? — спросил Калмыков.

— Только прапорщик один, — первым в себя пришел рыжебровый. — Семья у него здесь.

— Ведите к нему.

На ходу Калмыков шепнул Ковшову: «Меня называйте полковником, Озимина — поручиком, ты — капитан».

Подъехали к дому прапорщика. Калмыков выставил у ворот своих часовых, а сам с комиссаром и адъютантом вошел в горницу.

— Здравствуйте, прапорщик! Я полковник Иванов. Почему не отошли с нашими?

— Я оставлен здесь для разведки, о всех изменениях докладываю через сына штабу отступившего чешского полка.

— Ладно, о делах после. Согреться чем найдется?

— Это сейчас, пожалуйста.

На столе появилась закуска, вино. «Гости» не заставили долго упрашивать, с удовольствием пропустили по чарке и дружно навалились на закуски. Жена прапорщика, закончив подношения, поманила мужа пальцем на кухню. Прапорщик пошептался там с женой и вернулся, смеясь.

— Баба говорит, что вы красные!..

— Женского вранья и на свиньях не объедешь, — в тон отозвался Калмыков и, посерьезнев, спросил. — А сын ваш скоро вернется?

— Через час-полтора, не раньше.

— Жалко, хотелось бы раньше узнать, что чехи намерены предпринять. У моего полка связи с ними пока не было.

— Так это просто, господин полковник. Я могу проводить вас до их сторожевой заставы.

— Хорошо. Едем, время не терпит.

Прапорщик тут же собрался и повел группу Калмыкова к позиции белочехов.

— Вот и доехали, — удовлетворенно произнес вожатый, заметив впереди маячащую фигуру часового.

Дальше таиться было незачем. Комполка приказал Ковшову и Озимину заняться часовым сторожевой заставы, а сам притянул к себе одной рукой прапорщика, другой подал нужный знак ординарцу. Тот стремглав соскочил с лошади и ловким движением связал веревкой ноги прапорщика. Обе операции были совершены моментально.

— Итак, будем считать связь с белочехами установленной, — подытожил Калмыков, довольно покручивая ус и, обратившись к плененному прапорщику, спросил: — А что жене позволите передать?

— Умнее меня, дурака, оказалась.

Оба «языка» дали ценные показания и позволили полку с успехом решить свои задачи в общих действиях дивизии, развернувшей наступление в направлении Красноуфимск — Бисертский завод. 2 октября бойцы Калмыкова вместе со всеми товарищами по партизанским боям удостоились первой

благодарности за отличия уже в составе регулярного соединения Красной Армии. Командующий 3-й армией Р. И. Берзин в присланной на имя В. К. Блюхера телеграмме сообщал:

> «Приветствую в лице Вашем ваши доблестные войска за новую победу, за взятие Красноуфимска. Результаты этой победы наш заклятый враг скоро почувствует. Вперед без страха и сомнения, славные герои революции! От лица службы благодарю!»[15]

В тот же победный день дивизию облетела и еще одна радостная весть, пришедшая из самой Москвы. 30 сентября 1918 года члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов обсуждали необычный вопрос: кого первым наградить только что учрежденным орденом Красного Знамени. Председательствующий Яков Михайлович Свердлов огласил ходатайство РВС 3-й армии Восточного фронта. В нем говорилось, что переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии, а посему русская революция должна выразить вождю героев, вписавших новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение. Члены ВЦИК единогласно постановили:

> «Первый по времени знак отличия присудить товарищу Блюхеру»[16].

Высшей революционной наградой Республики в лице главкома В. К. Блюхера были отмечены все десять тысяч его геройских партизан, был отмечен весь Красный Урал, в числе первых поднявшийся на вооруженную защиту завоеваний Великой пролетарской революции.

Но… после взятия Красноуфимска начальник 4-й Уральской дивизии отдал неожиданный для многих приказ — остановить дальнейшее наступление, которое уже растянуло фронт соединения почти на 200 верст, и, закрепившись на достигнутых рубежах по линии рек Сылва — Бисерть — Уфа, заняться в первую очередь очищением от белокулацких банд района, ограниченного Уфимским трактом и рекой Шуртан.

В. К. Блюхер, вступив в руководство регулярными частями РККА, не побоялся сразу же взять всю ответственность на себя и принять решение, противоречащее ранее полученной директиве армейского командования. Сперва военные комиссары дивизии А. Л. Борчанинов, А. К. Калнин, а затем и члены РВС, работники штаба армии посчитали эти действия чуть ли не самоуправством,

граничащим с чистейшей воды партизанщиной.

Однако командарм Рейнгольд Иосифович Берзин, член партии с 1905-года, бывший до приезда на Урал главнокомандующим Западным революционным фронтом, войска которого сорвали продвижение германских захватчиков на Петроград и Москву, все расценил по-иному:

— Нет и нет, товарищи, — решительно заявил он после тщательного анализа сложившейся обстановки. — Новый начальник 4-й Уральской абсолютно прав. Оставив Нижний Тагил, 1-я и 2-я дивизии уже не помощники ему. Теперь генерал Гайда сосредоточивает все силы своей Екатеринбургской группы войск на Кунгурском направлении, а там у нас только части Блюхера. И он поступил в высшей степени предусмотрительно, приказав дивизии от наступления перейти к обороне. Я утверждаю его решение.

…И действительно, уже во второй половине октября генерал Гайда обрушил удары и своей, 2-й чешской дивизии, и ряда частей 1-го Среднесибирского корпуса русских белогвардейцев именно на войска Блюхера, рассчитывая самым коротким путем — через Кунгур — выйти к Перми и захватить ее.

17 октября противник предпринял ночную атаку позиций правофланговой 3-й бригады дивизии.

> «Произошел бой, в котором с нашей стороны было введено до 20 пулеметов, — сообщал штадив в очередной оперативной сводке. — Наши части разбили противника. На месте осталось не менее 100 убитых».

Калмыкова еще в первых числах месяца свалил сыпняк. Богоявленцами командовал его помощник — Федор Ландграф. После того ночного боя он повел полк на деревни Давыдово — Карша. Поначалу все складывалось вроде бы удачно. Две офицерские роты Уфимского пехотного полка белых были смяты и обращены в бегство. Но командир — полковник — оказался не из простаков. Без промедлений бросил в бой свой резервный батальон, который сбил Богоявленскую кавалерийскую сотню и стал быстро продвигаться к деревне Тисы, в тылы красного полка.

В Тисах находились все обозы и лазарет, охраняемые лишь ротой стрелков и конным взводом. Ординарец, прослышав о бое за околицей, влетел в избу, где лежал больной Калмыков и поднял ого с постели:

— Бежать надо, Михаил Васильевич. Беляков много. Вот-вот и сюда нагрянут.

— Нет, Игренька, спину им и хворый не покажу. Айда к нашим!

Калмыков вытащил дареный Кадомцевым еще в Уфе кольт и, поддерживаемый ординарцем, через силу побежал к окраинной улице, где рота стрелков заняла оборону.

— Снимайте всех обозников, вооружайте чем сможете и ведите сюда, — приказал ротному. — Я за вас пока побуду.

Обозников привалило немало, в руках у многих трехлинейки с примкнутыми штыками.

— Молодцы, ребята, — похвалил комполка и надсадно подал общую команду: — Вперед! В атаку! Даешь рукопашную!..

До околицы бежал наравне со всеми, а там опустился на жердь поскотины, сказав приостановившемуся ротному: — Ведите дальше сами. Я уж больше не могу…

Игренька на себе внес Калмыкова обратно в горенку лазаретной избы. Фельдшер Ламкин накинулся с укорами:

— Эх, Васильич, Васильич!.. Да будь у меня власть на то, засадил бы тебя под арест до полного выздоровления.

— Не ворчи, Ламкин, а лечи. Мне в строй позарез надо!

Вечером навестить больного командира пришел Матвей Лантух, прибывший с батальоном в Тисы на усиление. Старше его в полку ни комбатов, ни ротных не было — под пятьдесят, седовласый, усы, как у Тараса Бульбы. Справился: легчает, нет ли и тоже принялся выговаривать.

— Донесли уж, не утерпели, — процедил Калмыков.

— Плохо, когда командир за все сам берется, — гнул свое Лантух. — Может, и мне, старику, перестал верить? А я-то, дурень, так спешил, так подгонял своих…

— Брось, старина. Иначе нельзя было. Сейчас-то, видишь, никуда не рвусь. Будет отчитывать, скажи лучше, как сам воевал наднясь?

— Было дело, — признался комбат, — оконфузился малость.

А вышло такое. У деревни Патым Лантух с батальоном ждал обещанную в приданные силы Оренбургскую сотню 1-го Уральского стрелкового полка. Темнело, а конников нет и нет… Наконец замельтешили, и числом вроде бы именно сотня, но с чего это стороной норовят пройти?..

— Стой! — зычно крикнул Лантух. — Вы — оренбуржцы?

— Оренбуржцы, — донеслось в ответ.

— Так куда ж вас черти несут? Мы же здесь. Вертайте к нам!

Конные послушались. Комбат пошагал им навстречу. Двое всадников приблизились ранее других, одни из них спросил:

— Как дела?

— Нормально. Под утро так им морду набили, что без сапог готовы были драпать!

— Без сапог?.. Да они ж, говорят, сплошь лапотники…

Эта фраза насторожила Лантуха. Пригляделся позорче к подъехавшим, а у них на папахах — трехцветные ленточки.

— Ребята, по белякам огонь! — прокричал что было мочи, выстрелил из нагана в упор и тут же сам плюхнулся на землю.

— Зацепило или трухнул? — не утерпел с вопросом Калмыков.

— Нет, Васильич, — отозвался Лантух, — пал сам, с умыслом, чтобы ребятам цели видать было лучше. И все обошлось, человек двадцать уложили, остальные утекли…

— Хор-р-рошо, — весело проговорил командир. — Выходит, ждал ты оренбуржцев красных, а заявились оренбуржцы белые? Такие истории лучше всяких лекарств…

Дня через четыре Михаил Васильевич был уже на ногах и вернулся к исполнению своих командирских обязанностей. Напряженность боев возрастала и возрастала. Как-то около полуночи в штаб полка дозвонился командир 1-го батальона и огорошил жуткой вестью:

— Убили вашего брата, Михаил Васильевич.

— Не верю, не может быть, — разгневанно запротестовал Калмыков. — Какой ни есть, несите сюда, ко мне.

Что-то подсказывало, что брат еще жив. Во втором часу ночи Федора внесли в штаб на носилках. Он глубоко и тяжело дышал, его сильные руки сжимали окровавленную голову. Фельдшер Александр Ламкин с трудом отвел их и приступил к осмотру. Пуля, войдя в лоб, на выходе разворотила затылок. После вспрыскиваний раненый задышал легче, открыл глаза, но, как видно, не узнал ни брата, ни Ламкина.

— Везите в Кунгур, в госпиталь, — распорядился Калмыков.

Утром следующего дня три тяжелых ранения получил и комбат Федора — Николай Беляков. Первая рота брата и весь его батальон, оставшись без командиров, впали в замешательство, не выдержали, стали пятиться. «Твое место там», — приказал себе Михаил Васильевич. Только вскочил на копя, подбежал связист с телеграммой. В ней была лишь одна строка:

«Калмыков скончался от ран».

До глубокой ночи не покидал тогда командир полка боевых порядков 1-го батальона. Подбадривал бойцов брата, несколько раз сам поднимал и роту, и весь батальон в контратаки. В горячке схваток с врагами забывалось на время тяжкое личное горе…

Иссякали силы богоявленцев и первоуральцев. Еще сложнее складывалась обстановка в центре и на левом фланге. 1-я бригада Ивана Грязнова, представлявшая своими двумя стрелковыми и кавалерийскими полками по существу всю былую 4-ю Уральскую

до вступления в нее партизанских частей, была вынуждена оставить Красноуфимск. Ценой невероятных усилий вернула затем город обратно, но… только на сутки. Не шли на лад дела и во 2-й, 4-й бригадах Ивана Каширина и Николая Томина. Каширинцы сдали поселок Молебского завода. Несколько раз на самом крайнем левом фланге переходила из рук в руки станция Шамары, которую томинцы в конце концов так и не удержали за собой.

Начдив Блюхер настойчиво просил командарма «усилить дивизию хотя бы двумя свежими полками, так как, учитывая большое превосходство неприятеля, невозможно ему оказывать противодействие». Но у штаба армии вновь никаких резервов не было и службы комиссариата Уральского военного округа, ведающие вопросами мобилизации в РККА местного населения, ничего существенного наскрести уже не могли.

28 октября и Р. И. Берзин телеграфировал прямо, минуя штаб фронта, Высшему Революционному Военному Совету Республики:

> «За последнее время на Кунгурском направлении идут отчаянные бои. Блюхер со своими частями истекают кровью. При наступлении противника обнаруживаются новые части… Противник ведет главный удар с Молебского завода и Красноуфимска… Не увеличивая, могу сказать, что положение создается серьезное, если не больше…»[17]

Через двое суток в Москву была передана новая, еще более тревожная телеграмма:

> «Положение III армии становится все опаснее, ввиду громадного сосредоточения сил противника. Мы бросили все, что имели для создания противовеса превосходящим в три раза силам противника. Все обещанные резервы из центра остаются на бумаге. Учитывая создавшееся положение, которое может погубить все, мы обречены на верную гибель, что и довожу до сведения. Командарм III Берзин».

Все местные возможности штаб армии исчерпал. Им были слиты 1-я и 2-я Уральские дивизии, образовавшие одно Сводное соединение под общим командованием М. В. Васильева, а дивизии Блюхера переданы вконец обескровленные части 3-й Уральской, кроме бригады Рейхарда, оставшейся в прямом подчинении штарма. Эти реорганизации мощи армии не добавили, позволили только более оперативно и четко

руководить ее частями.

Но в последний день октября пришли наконец-то давно обещанные подкрепления центра. Красный Питер, взявший шефство над 3-й армией Восточного фронта, послал ей полк революционных матросов с трехорудийной батареей из крепости Кронштадт, тысячный батальон Особого формирования и роту интернационалистов из 250 финских красногвардейцев.

РВС армии немедля определил все эти силы на главное тогда — Кунгурское — направление. Приняв их, Василий Константинович Блюхер выделил моряков в отдельную боевую единицу — 1-й Морской Кронштадтский полк, а батальон Особого формирования и роту финских красногвардейцев направил во 2-й Горный стрелковый полк, который при формировании на заводах Южного и Среднего Урала собрал под свое знамя более 1200 рабочих-добровольцев, а после участия в обороне Нижнего Тагила пробился к своим у станции Лая, вынеся тяжело раненных комполка Григорьева, военкома Васильева и имея в своих рядах всего-навсего 260 активных штыков.

Эти распоряжения Блюхер отдавал устно, а письменным приказом их оформлял уже Н. Д. Каширин, вступивший во временное исполнение должности начальника 4-й Уральской дивизии. У Василия Константиновича открылись старые раны, полученные еще на германской, в начале пятнадцатого года. Они оказались настолько тяжелыми, что после ряда операций и длительного лечения медики старой армии списали его «по чистой» с воинской службы.

Но когда грянул Февраль, председатель Самарского городского комитета РСДРП(б) В. В. Куйбышев уговорил большевика с июня 1916-го, фронтового младшего унтер-офицера, кавалера двух Георгиевских крестов и медали, не взирая на свое «белобилетное» состояние, поступить добровольно в местный запасной полк для ведения революционной агитации и пропаганды среди его солдат.

Дальше — больше. Став солдатским депутатом городского Совета, Блюхер возглавил в нем военную секцию, а в дни Октября был избран членом ВРК и назначен начальником губернской охраны революционного порядка. Затем, исполняя задание ЦК партии и лично В. И. Ленина, Самарский ревком командировал Василия Константиновича в качество комиссара красногвардейского отряда для восстановления Советской власти в окруженный дутовцами Челябинск…

Спустя много лет, в ноябре 1935 года, на второй день после присвоения ему высшего воинского звания «Маршал Советского Союза» В. К. Блюхер, лечившийся тогда в подмосковном

санатории «Барвиха» все от тех же старых ран, скажет приехавшим к нему писателям, которые начинали работу над историей 30-й (бывшей 4-й Уральской) стрелковой дивизии, такие слова:

> «Мог ли я думать тогда, что это поручение партии… навсегда свяжет меня с родной Красной Армией»[18].

Да, в строю советских воинов тяжело раненный фронтовик первой мировой, списанный еще в шестнадцатом году с воинского учета, оставался до конца дней своих. Служил социалистической Родине, честно, самоотверженно, с полной отдачей всех способностей и сил. Только вот они, эти давние раны, нет-нет да и выбивали его время от времени из седла.

Так было при завершении разгрома дутовцев в Троицком и Верхнеуральском уездах. Приехал с докладом в Екатеринбург и сразу в железнодорожную больницу угодил. Однако уже через десять дней вновь был на ногах и с мандатом Уральского областного военного комиссариата выехал на Оренбургский фронт.

Старший Каширин, Павлищев, Калмыков и все другие бойцы и командиры, начинавшие еще с Оренбурга свой легендарный прорыв сюда, на север, вместе с Блюхером, только теперь узнав, как был изранен, искалечен их главком, прямо диву давались, что с самого мая он никому из них ни разу не пожаловался на свои болячки и даже по выходе из стольких боев в сплошном вражеском окружении не запросил лечения или отдыха. И лишь новое, сверхчеловеческое напряжение здесь, под Кунгуром, свалило Василия Константиновича окончательно и не позволило больше таить в себе свои тяжкие боли.

Однако от госпитализации начдив наотрез отказался, упросил командарма и членов РВС армии взамен этого предоставить ему отпуск для поездки на Ярославщину, в родную Барщинку, в которой не был столько лет.

Нелегко было Василию Константиновичу и на короткий срок расставаться с людьми, ставшими ему бесконечно близкими, родными, печалился, что не может из-за непрерывных боев собрать хотя бы представителей частей дивизии и выступить перед ними с горячей, сердечной благодарностью. Подумал, подумал и решил выложить все, что на душе скопилось, в письме ко всему личному составу.

> «Уезжая в краткосрочный отпуск для поправки своего здоровья, расстроенного давним тяжелым раненном, — обращался Блюхер, — я с грустью

расстаюсь с вами, дорогие товарищи. Воспоминания недавнего прошлого ярко встают передо мной… Это лучшие страницы в истории нашей революционной армии, это тяжелые по переживаниям за вас, но лучшие минуты в моей жизни. Здесь, на этих полях, ваша доблесть в неравной борьбе превзошла похвалы, здесь Красное Знамя социализма еще выше взвилось. Здесь враг лишний раз убедился в бесплодности вырвать его из мозолистых рук пролетариата, и эти тревожные и радостные минуты, пережитые вместе, тончайшими нитями связывают меня с вами.

Уезжая, я душой остаюсь с вами. Дни боевого счастья будут моими днями, и уверен, что по возвращении встречу в вас тот же бодрый дух, ту же тесную семью, которые не поколеблют никакие испытания суровой борьбы за счастье пролетариата. От всей души желаю вам боевого счастья и славы»[19].

2.

Роты и батальоны, полки и бригады 4-й Уральской бесстрашно дрались с врагами за власть Советов в своем трудовом, рабоче-крестьянском крае и с каждым днем все четче билось большевистское сердце дивизии, каковым не только бойцы-коммунисты, а и все беспартийные красноармейцы и командиры называли ее политический отдел. Подив упорно сплачивал, воспитывал в духе железной революционной дисциплины личный состав недавних красногвардейских и краснопартизанских отрядов. В своей первой директиве дивизионной партийной организации он потребовал от коммунистов «повышения политической сознательности и ответственности перед революцией».

«Необходимо, — подчеркивалось в директиве, — развернуть среди бойцов и командиров инициативу в бою, а этого можно достигнуть только широким развертыванием партийно-политической работы. Каждый коммунист должен быть агитатором и в то же время примером в бою». В обязанности партячеек вменялось «использовать все наличные силы коммунистов для постоянного разъяснения красноармейцам политической обстановки Республики, мобилизуя их на выполнение поставленных перед дивизией боевых задач»[20].

В октябре у политотдела появился верный и надежный помощник, коллективный агитатор, пропагандист и организатор воинских масс — дивизионная газета «Красноармеец», на страницах которой наряду с оперативной боевой информацией, с рассказами о подвигах сразу стали публиковаться и статьи, корреспонденции, посвященные подготовке к 1-й конференции коммунистов дивизии.

Прямо в окопах, в краткие минуты затишья избирались делегаты, давались наказы им, шло горячее обсуждение новых декретов Советской власти, ибо каждый боец хотел знать, за что он борется, какая жизнь будет после победы над всеми эксплуататорами и контрреволюционерами.

Красноармейцы 5-й роты 2-го батальона 17-го Уральского стрелкового полка просили своего посланца приветствовать конференцию такими словами:

> «Мы верные, передовые защитники Советов. Мы не отступим от начатого дела. Пускай история отметит всех и каждого из нас в борьбе с угнетателями. Смерть или победа!»[21]

Коммунисты Богоявленского полка, партийная организация которого была одной из многочисленных в дивизии и наиболее сплоченной, проявили особый интерес к принятому 2 октября 1918 года Советом Народных Комиссаров декрету об увеличении жалования красноармейцам, комсоставу и специалистам и обязали председателя партячейки М. Э. Шойхет сделать по данному вопросу особое заявление:

> «Нашей Рабоче-Крестьянской Республике необходимы средства для вооружения армии, восстановления хозяйства, помощи голодающим… Многие трудящиеся еще получают за свой труд меньше прожиточного минимума. Поэтому допустимо платить разное жалование только тем лицам, тому комсоставу, который нам приходится покупать. Мы же, коммунисты, должны получать столько, сколько нам необходимо для существования. Все остальное мы будем отдавать в пользу каких-либо организаций»[22].

Первая коммунистическая конференция 4-й Уральской дивизии проходила в начале ноября в городе Кунгуре при наличии 35 делегатов от всех полковых и ротных партийных коллективов. В ее почетный президиум единодушно были избраны Владимир Ильич Ленин и Карл Либкнехт. Горячей

овацией встретили делегаты зачитанную председательствующим, членом РКП(б) с 1914 года, начподивом А. К. Леппой телеграмму, сообщавшую о том, что в Чехии, как и ранее в Австрии, произошла революция, образован Чехословацкий Совет рабочих и крестьянских депутатов, который приветствует Российскую Советскую Республику и осуждает своих соплеменников, находившихся в русском плену, за вооруженное выступление против нее.

Основной доклад на конференции сделал один из руководителей Уральского военного округа и главный политический комиссар 3-й армии Филипп Исаевич Голощекин. После обсуждения текущего момента делегаты приняли краткую, но вескую резолюцию:

> «Год гигантской революционной борьбы воочию убеждает нас, что на карту поставлено: или снова капитализм и рабство, или социализм и полное освобождение человечества — только Мировой Революции по плечу решить этот вопрос.
>
> Исходя из этого, мы, коммунисты-красноармейцы 4-й сд. III-й армии, ставим себе задачу и обязуемся перед нашей партией и Мировой Революцией направить все свои дела к созданию из частей нашей дивизии передового отряда Мировой Революции и быть готовыми бороться на любом фронте Революции под лозунгом: «Победа или смерть!»[23].

Конференция рассмотрела вопросы о дальнейшем росте и укреплении партийных ячеек, об усилении партийно-политической работы среди личного состава и населения прифронтовой полосы. Серьезный разговор шел о том, как лучше воспитывать в революционном духе бойцов нерусской национальности, во имя чего делегаты внесли предложение об учреждении при политическом отделе дивизии мусульманского подотдела.

Товарищ председателя конференции, председатель партийного бюро при политическом отделе, недавний коммунист Богоявленского полка Л. И. Вейншток доложил о работе дивизионного суда и следственной комиссии. Их состав был переизбран.

Выступая в «разном», товарищ Дуня (подпольная кличка М. Э. Шойхет), выполняя наказ коммунистов своего полка, доложила об их отношении к декрету об увеличении жалования личному составу РККА. И сразу разгорелись страсти.

— У нас в полку, — решительно заявил делегат Белорецкого

стрелкового полка Федор Алексеев, — все красноармейцы-рабочие отказываются от каких-либо добавок. Категорически мы против и того, чтобы комсоставу представлялись особые привилегии. Да и вообще покупать командный состав за деньги — глубокая ошибка. Такие при первой же трудности прячутся в кусты. У нас был горький опыт. При организации Красной Гвардии приглашали бывших офицеров, обещали платить им на 150 рублей больше. И что же?.. Едва выступили на фронт, этих командиров и след простыл. Испарились куда-то.

— Выходит, не тех, кого следовало, приглашали, — подал с места реплику Калмыков.

— Да они все одного поля ягода! — не сдавался Алексеев.

— Обобщать-то и вовсе ни к чему, — вновь возразил Калмыков. — Или сами не знаете, какими показали себя и в партизанских, и в нынешних боях бывшие офицеры 1-го Уральского стрелкового полка? Может, скажете, и комбриг Павлищев тоже не тот, не наш советский командир?.. Позвольте, товарищи делегаты, привести лишь один, самый свежий факт?

Делегаты возражать не стали, и командир Богоявленского полка поведал им о том, чему недавно сам был свидетелем.

..Первоуральцы держали оборону в полосе железной дороги. Два белочешских полка при сильнейшей огневой поддержке повели наступление. Пулеметы строчили так, что красноармейцы не могли и голов поднять. Иван Степанович оказался в тот момент среди бойцов 8-й стрелковой роты. Кто-то из них сквозь трескотню крикнул: «Беда, товарищи, если в траншеях останемся. Надо контратаковать. Уж помирать, так с музыкой!»

Павлищев поразмыслил немного и вдруг вымахнул на бруствер, громко скомандовав: «За мной, вперед! За власть рабочих! Разобьем белую сволочь!..»

Восьмую роту поддержал весь полк. За первоуральцами поднялись и богоявленцы. Тоже в рост пошли на сближение с белочехами. Вот-вот и рукопашная, а беляки до нее не больно-то охочи. Развернулись к нашим ранцами на спинах и кинулись к своим пулеметчикам. То, сообразив, что дело неладно, на гашетки жать перестали, подхватили свои «льюисы» и по ходам сообщения кинулись в тылы.

Наступление противника захлебнулось, хотя он имел более чем двойное превосходство в силах. После боя красноармейцы 8-й роты — недавние билимбаевские рабочие — окружили былого штабс-капитана, подняли на руки и под дружное «ура» принялись качать его. Павлищев всегда воевал умело, храбро, но лозунги-то пролетарские перед атакой впервые произнес!

— Такими вот становятся наши военспецы, когда мы,

коммунисты, по-настоящему работаем с ними, — заключил Михаил Васильевич и добавил: — Что же касается жалования, то и я, как и все партийцы Богоявленского полка, готов получать столько, сколько необходимо для существования…

— В вопрос о бывших офицерах, считаю, — подытожил военный комиссар Калнин, — товарищ Калмыков внес полную ясность, а насчет повышения ставок жалования дискутировать не будем. Декрет принят и призван повысить боеспособность Красной Армии. Кто полагает, что получаемых денег ему будет много, пускай перечисляет их в фонды инвалидов или голодающих. Дело это похвальное, но добровольное.

Последующие ораторы против декрета Совнаркома уже не выступали, наоборот, подчеркивали, что без знающих военспецов нельзя победить сильного, хорошо обученного врага. Однако, говорили делегаты, необходимы и точные указания, кого конкретно следует считать таковыми, а то сейчас даже некоторые взводные телефонисты, артиллерийские и ружейные мастера причисляют себя к ним и требуют себе назначения комсоставского жалования.

> «Конференция, — гласила резолюция по данному вопросу, — признает, что декрет Совета Народных Комиссаров не является ошибочным, но конференция высказывается за пересмотр этого декрета в смысле категории ставок, строго разграничивая специалистов и неспециалистов»[24].
>
> «Конференция в дивизии прошла хорошо, — отметил по возвращении из Кунгура начальник политического отдела 3-й армии Николай Гурьевич Толмачев. — Блюхеровцы — особая порода, первобытно коммунистическая…»

В приветствии, посланном Владимиру Ильичу Ленину, делегаты писали:

> «Нами, рабочими, крестьянами и трудовым казачеством, непрерывно находящимися в боях с врагами мирового социалистического строя, руководит общая с Вами воля к победе рабочего класса, воля к всемирной социалистической революции»[25].

Итоги конференции обсуждались в полковых и ротных коллективах. Резолюции, принимаемые на этих собраниях сразу же направлялись в подив и в дивизионный «Красноармеец».

> «Мы, коммунисты и нам сочувствующие 1-го Красноуфимского полка, — говорилось в одной их них, — обсудив вопрос о текущем моменте борьбы с контрреволюцией, клянемся с оружием в руках, что до тех пор не сложим оружия, пока ни одной белогвардейской сволочи не останется на территории Российской Социалистической Республики. Пусть знает вся эта стая черных воронов, что мы умеем защищать интересы пролетариата, трудового крестьянства и власть Советов, а также будем поддерживать всеми силами и средствами пролетариат всего мира»[26].

В Богоявленском полку М. Э. Шойхет отчитывалась перед своими партийцами, когда уже было известно о первых победах революционных моряков, солдат и рабочих Германии, что и придало особую направленность принятой резолюции:

> «Мы, окопники, защищающие интересы всемирного пролетариата, слышим топот проснувшихся рабочих и крестьян Западной Европы. Мы слышим, как разрушаются дворцы западно-европейской буржуазии, как с треском и шумом летят короны под ударами рабочих и крестьянских штыков. Мы чувствует приближение наших братьев. Приветствуя их первые шаги, мы говорим: «Сделайте и последние шаги. Сбросьте своих Шейдеманов, этих прихвостней буржуазии, как это сделали мы с Керенским. Возьмите власть в свои мозолистые руки! Мы с вами. Идите же к социализму!»[27]

И вновь стали победно развиваться дела на фронте.

Поздно вечером 6 ноября в штаб Рабочего имени И. М. Малышева полка, только что влившегося в 4-ю Уральскую из расформированной 3-й дивизии, поступил приказ командира бригады о достойном проведении пролетарского праздника:

> «В ознаменование дня Октябрьской революции вам предлагается занять станцию Кордон, зайдя к ней с тыла лесом и болотом… Остальные части бригады поведут наступление с фронта по железной дороге. Вам в помощь будет придана рота соседнего Средне-Уральского полка».

Выполнением этой боевой задачи руководил старейший большевик Екатеринбурга, участник революции пятого года и двух кампаний против дутовцев Петр Захарович Ермаков.

Малышевцы скрытно вышли к станции и застигли противника врасплох. Белочехи дрались на путях в нательных рубахах, без сапог. До полутора рот потеряли убитыми, шестьдесят солдат и два офицера сдались в плен. Под откос был пущен бронепоезд, спешивший на выручку со станции Шамары, взорваны платформы с боевой техникой, среди которой оказался даже заморский аэроплан…

Успех 4-й Уральской под Кордоном развили бойцы Сводной дивизии Макара Васильевича Васильева. Три ее полка совершили обходный маневр от Кушвы к Кыновскому заводу, при занятии которого также захватили немало пленных и трофеев.

Отвлекая на себя значительные силы врага, изматывая и обескровливая их своей активной обороной, части 4-й Уральской дивизии в значительной мере облегчили действия дивизий 2-й армии по завершению разгрома ижевско-воткинской группировки эсеро-белогвардейских войск, оставшейся в глубоком тылу Восточного фронта. Наибольшего успеха в тех боях добилась тогда Железная дивизия под командованием В. М. Азина, в состав которой входил Сводный полк бывших уфимских красных партизан под командованием Александра Чеверева.

5 ноября 1918 года ударная группа дивизии В. М. Азина атаковала укрепленные позиции белых под Ижевском и к исходу следующего дня прорвала две из них. Бойцы Чеверева обошли укрепления через болота и атакой во фланг и тыл противника обратили его в бегство. Утром 7 ноября азинцы, отразив «психическую атаку» белых, при поддержке бронепоезда преодолели и третью позицию укреплений. К исходу дня Ижевск был освобожден.

Вечером на торжественном заседании Чрезвычайного IV Всесоюзного съезда Советов Я. М. Свердлов огласил телеграмму, полученную на имя Владимира Ильича Ленина:

> «Доблестные войска 2-й армии шлют горячее поздравление с Великим праздником и подносят город Ижевск».

Ильич направил воинам-освободителям ответную телеграмму:

> «Приветствую доблестные красноармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия!»[28]

Ленинское приветствие умножило и наступательный порыв частей 4-й Уральской, получившей к тому времени, согласно

директиве РВС республики о единой нумерации соединений РККА, наименование 30-й стрелковой дивизии. 14 ноября 1918 года ее 3-я бригада заняла село Урминское и вплотную подошла к Молебскому заводу. На штурм его поселка пошли 1-й Уральский и Богоявленский стрелковые полки. Двое суток сражались они под Молебским и отчаянно сопротивлявшийся противник не выдержал. Здесь были частично разгромлены и отброшены вспять 6-й Чешский, 25-й Екатеринбургский, 27-й Камышловский пехотные полки белых.

По случаю одержанной победы РВС 3-й армии направил поздравление, специально адресованное двум лучшим частям дивизии:

«Передаем доблестным уральцам и богоявленцам наше чувство восхищения и преклонения перед их мужеством. С затаенной тревогой мы следили за их ударами на Молебский завод. Мы знали, что враг сильно укрепился и разбить его будет трудно. С радостью мы узнали, что соединенными усилиями 1-го Уральского и Богоявленского полков противник раздавлен и Молебский завод взят. Орлы Урала! Вы с гордостью можете сказать, что исполнили свой долг перед Революцией. Ваши мужество и стойкость послужат примером для других частей армии»[29].

> «Товарищу Берзину, — обратился в те же ноябрьские дни с новыми пламенными строками вождь партии и Советского государства. — Пользуюсь оказией, чтобы передать через Вас привет войскам 3 армии и пожелание всяческих успехов»[30].

Однако и эти победные бои не привели к решительному перелому.

3.

В ночь на 18 ноября 1918 года очередной ставленник Антанты — адмирал Колчак, совершив в Омске государственный переворот, установил жесточайшую военную диктатуру и провозгласил себя «верховным правителем России». Еще будучи военным министром Омской эсеро-меньшевистской Директории, он облюбовал Пермское направление и решил, что путь от Перми через Вятку и Котлас навстречу американо-английским интервентам самый быстрый и верный для объединенного наступательного похода всех белых сил на Москву. Придя к власти, Колчак приложил все усилия к тому, чтобы в кратчайший

срок обеспечить на избранном им направлении двойное, а то и тройное численное превосходство.

Советские войска 3-й армии, чтобы сорвать далеко идущие замыслы сухопутного адмирала, готовились сами к наступлению на Екатеринбург, но колчаковцы опередили их. Опередили всего на один день и ввергли красных в катастрофически страшный декабрь.

29 ноября 1918 года генерал Гайда, получив в свое подчинение и войска Прикамской группы, обрушил внезапный и сокрушающий удар по крайнему левому флангу 3-й армии. Части Особой бригады и 29-й (бывшей Сводной) стрелковой дивизии дрогнули и начали отступать со все нарастающей быстротой.

30 ноября была сдана станция Выя, 1 декабря — Крутой Лог. 3-го колчаковцы были в Кувше, 7-го — в Бисере, а 9-го — уже и в Лысьве. Особая бригада прекратила существование. Ее остатки влились в 29-ю дивизию, руководство которой само уже мало верило в то, что после потери железнодорожного узла Калино ее полкам удастся удержать Чусовскую, Селянку, а затем быть может и Пермь.

30-я дивизия, как и предписывалось ей ранее, в последний день ноября предприняла попытку перейти в наступление. На ее боевых участках колчаковцы пока особой активности не проявляли, но и продвинуться вперед не позволили. Поняв, в каком опаснейшем положении оказалась соседка слева — Особая бригада, — врид начдива Н. Д. Каширин решил оказать ей незамедлительную помощь ударом через Матвеево к станции Кормовище во фланг наступающему противнику. Но пока шла перегруппировка, велись согласования со штармом, колчаковцы вновь опередили наших и атаковали группу С. Г. Фандеева, нацеленную для удара на Кормовище.

В середине декабря в дивизию из лечебного отпуска вернулся В. К. Блюхер. К тому времени генерал Гайда, добившись желаемых целей в северной полосе наступления, с еще большей силой, чем в октябре, развернул свои атаки на Кунгурском направлении.

Через неделю противник на северо-западе начал выход к пригородным селениям Перми и грозил через все ширящийся разрыв с 29-й дивизией уже не просто отсечь, а и полностью изолировать 30-ю от остальных частей армии и фронта. В предвидении этого завязать надолго в Кунгуре было бы полнейшей бессмыслицей. К исходу 20 декабря Блюхер доложил командарму:

«Несмотря на стойкость частей, сосредоточение в

> Кунгуре одной из лучших бригад дивизии (3-ей), обстановка на фронте ее сложилась настолько серьезно, что забрать в свои руки инициативу при настоящем положении невероятно трудно и даже невозможно, а посему решаю вывести части дивизии из-под ударов противника»[31].

Ночью начдив 30-й сообщил штабу армии о полной эвакуации из Кунгура советских учреждений и командующий утвердил отход частей дивизии из города.

С утра 21-го за Кунгур еще дрались бригады Н. Д. Томина и В. Г. Данберга, а к полудню на его улицах остались только бойцы 1-го Уральского и Богоявленского полков. Они и покинули поздно вечером последними город, оборону которого вместе с другими краснопартизанскими частями, влившимися в состав былой 4-й Уральской, стойко и мужественно держали ровно день в день три месяца.

…24 декабря Пермь пала, 29-я дивизия поспешно отступила за Каму. Части 30-й с утра 26-го еще удерживали за собой значительные отрезки тракта и линии железной дороги между Кунгуром и Пермью, но к вечеру колчаковцы бросили против них две сильные группы войск. Одна наступала на левом фланге по Оханскому тракту, другая повела атаки в сторону Осы. Требовалось вновь выводить полки, бригады из-под ударов превосходящего противника и, выиграв любой ценой время, закрепляться на более выгодной линии обороны. Строжайшим приказом Блюхер потребовал:

> «Отступать медленно, задерживаясь на каждом рубеже и в каждом селении».

Приближался Новый, 1919-й год. О какой-то особой его встрече никто и не загадывал. Люди изнемогали от каждодневных жестоких боев и изнурительных ночных переходов, от жуткого холода и глубоких снегов. Все голодали. Приобрести что-либо из питания даже за деньги в этом сплошь лесном районе удавалось с большим трудом. О подвозе продовольствия из тылов и думать было нечего.

Лишь в Архангельском, Белорецком да Богоявленском полках, несмотря ни на что, царил почти праздничный настрой. Сердца, души красноармейцев, командиров, партийных работников этих частей согревали победные сводки с юга, из родной Уфимской губернии. Дивизии 1-й и 5-й советских армий громили там колчаковцев напропалую, без устали. 27 декабря вновь советской стала станция Чишма, 29-го был освобожден

Стерлитамак, а в ночь с 30 на 31 декабря наши передовые отряды ворвались и на улицы башкирской столицы Уфы. Рабочие же Богоявленского и Архангельского заводов сами взялись за оружие и, не дожидаясь подхода регулярных красных войск, выбили собственными силами врагов из своих поселков.

Но не знали земляки ни дома, ни на фронте, что в то же самые дни, а точнее — 24 декабря 1918 года председатель Совета Обороны Республики В. И. Ленин познакомился с пересланным ему из приемной ВЦИК заявлением бывшего председателя Богоявленского комитета РКП(б), члена Уфимского исполкома П. И. Зудова. В его заявлении содержалась просьба оказать помощь семьям красноармейцев и командиров Богоявленского и Архангельского полков дивизии В. К. Блюхера, пострадавшим от белогвардейцев при отступлении Красной Армии и оставшимся без средств к существованию.

На препроводительной записке из канцелярии ВЦИК Владимир Ильич пометил: «На завтра, 25/XII, в Совет Обороны»[32]. В тот день Ленин председательствовал на заседании Совета. Среди других был обсужден и доклад Петра Ивановича Зудова. Только о том, какую конкретно помощь семьям красноармейцев Богоявленского и Архангельского полков решили оказать члены Совета Обороны, в 30-й стрелковой станет известно много позже, и вместе с былыми боевиками-партизанами Красной Усольской республики порадуется тогда ленинской заботе о родных, близких его героев их боевой командир Василий Константинович Блюхер.

Ну, а пока… Пока всю первую неделю января полки 30-й одни продолжали удерживать плацдарм на левом берегу Камы. К Оханску рвались отборные части 4-й Сибирской пехотной дивизии белых. На Осу наседали головорезы 7-й Уральской князя Голицына, шефом одного из полков которой был сам Колчак. Но именно в ту неимоверно тяжкую неделю В. К. Блюхер сумел на ходу, в боевой обстановке произвести серьезную реорганизацию. Он расформировал маломощные 5-ю, 6-ю, Архангельскую бригады, направив их части и подразделения на усиление бригад, существовавших в дивизии до ее слияния с 3-й Уральской. Это позволило сократить число боевых единиц и улучшить управление ими. За счет ликвидации ряда штабных служб, тыловых команд удалось значительно повысить количество активных штыков безо всякого получения пополнений извне.

7 января 1919 года противник выбил части 2-й бригады 29-й стрелковой дивизии из Усть-Сана и создал угрозу распространения своих войск вниз по правому берегу Камы. Дабы не иметь неприятелей и за спинами полков, бригад, начдив 30-й

приступил, невзирая на все сложности обстановки, к переброске соединения на другую сторону реки — в районы Очерского, Павловского заводов и города Оханска.

…С невеселыми думами ехал в тот день Михаил Васильевич Калмыков на очередной доклад в штаб бригады. Ими сразу и поделился с Иваном Степановичем Павлищевым:

— Мерзнут бойцы, товарищ комбриг, голодают. Да и батальоны уже, что роты…

— А раненых и обмороженных где оставляете? Не в деревнях?

— Что вы, Иван Степанович! Такого не допускаем. Нет крестьянских подвод, приказываю с обозных саней сбрасывать любую кладь и эвакуировать пострадавших товарищей только в госпитали.

— И очень правильно поступаете. Это никем не забудется — ни ранеными, обмороженными, ни здоровыми бойцами! — отметил командир бригады и сразу порадовал доброй новостью: — Как вы знаете, приказом Блюхера ликвидированы все бригады, появившиеся у нас в ноябре-декабре. К нам на усиление поступает бригада старого вашего товарища Владимира Григорьевича Данберга. Сам он командируется в распоряжение штаба армии, а его стрелковым и сводным кавалерийским полками мне предложено распорядиться по собственному усмотрению. Так вот питерских и уфимских кавалеристов усиливаю вашей конной сотней, а всех стрелков — ваших земляков, архангельцев — отдаю вам.

— Это очень верное решение, — не скрывая радости, отозвался Калмыков.

— Начальник дивизии тоже одобрил его и подсказал: пусть полк именуется отныне Богоявленско-Архангельским. Покажите, на что способны красноусольцы! И дело есть кстати. Разведчики перехватили приказ генерала Пепеляева. Части его корпуса завтра с рассветом пойдут на Павловский и Очерский заводы. Главный удар будут наносить штурмовые батальоны. Их Колчак своей гвардией называет.

— Слыхал, головорезы отпетые.

— Так вот, — продолжал Павлищев, — Блюхер задумал упредить Пепеляева, 1-я бригада Грязнова ударит по Дворецкому, наша задача обезопасить ее правый фланг. А чтобы все вернее было, ставлю задачу 1-му Уральскому и вашему полкам вернуть обратно Нытвенский завод.

— Наступать мы готовы, — тотчас отозвался Калмыков.

Павлищев рассказал, что еще 5 января в Вятку прибыли члены специальной комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин и уже многое сделали для

возрождения боеспособности частей 3-й армии.

— Разрешите выполнять приказ, — поднимаясь, произнес командир полка.

— Подождите минутку, — задержал комбриг.

Выйдя в соседнюю комнату, он вернулся обратно с ношей в руках и, подавая ее, сказал:

— Хотя я не Гринев, а вы не Пугачев, но… вот вам моя шуба. Носите на здоровье.

Калмыков, растроганный вниманием, с благодарностью принял дар, хотя это и была простенькая бортчанка на стеганной подкладке, сшитая из дешевого злоказовского сукна, с плохо разделанным воротником из овчины.

21 января богоявленцы приняли в свою семью старых боевых товарищей. Приходу земляков-архангельцев все были рады. Теперь полк получил три полнокровных батальона, каждый из которых состоял уже не из трех, а четырех стрелковых рот.

Вскоре пришла весть о победе, которую только что одержали под селом Дворецким полки 1-й Красноуфимской бригады Ивана Грязнова. Там они столкнулись со штурмовиками, которые до этого не знали поражений. У них была особая тактика: в атаке не ложиться, наступать, шагая в полный рост, расстреливать и опрокидывать противника. Но при первой же встрече с блюхеровцами штурмовики изменили своим правилам, залегли, да так, что после боя назад бежали лишь жалкие остатки.

— Мы были вместе с первоуральцами под Молебским заводом, — напомнил Калмыков командирам батальонов и рот перед отдачей боевого приказа. — Орлами Урала называл нас тогда командарм. Верю, товарищи, и нынче мы с честью исполним свой долг перед революцией. Республика вновь зовет нас идти вперед без страха и сомнений!

Весь день 22 января батальоны Богоявленско-Архангельского полка вели тяжелые бои на Нытвенском направлении. Но вот противник потерял деревню Конино, а за ней Чудиново. Это надломило сопротивление колчаковцев. Они откатились к Нытвенскому заводу. Однако и в нем задержались ненадолго. Бойцы Калмыкова, несмотря на темень, продолжали вести наступление, поддерживая тесное взаимодействие с 1-м Уральским полком, развивавшим удар со стороны деревни Железновой, и ровно в 22 часа Нытвенский завод был взят советскими частями.

Утром бригада Павлищева возобновила атаки и провела их с таким блеском, что бойцы с ходу форсировали по льду Каму и вступили твердой ногой на ее левый берег.

> «Братский привет славным бойцам вашей дивизии, разгромившим штурмовые батальоны врагов родной России. Сталин. Дзержинский», —

так отметили геройский порыв 30-й члены комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны.

Примеру бойцов Блюхера последовали части левофланговой 29-й стрелковой дивизии, и белогвардейский фронт оказался прорванным на всем участке боевых действий 3-й армии.

24 января 1919 года наступающим полкам была зачитана приветственная телеграмма РВС Восточного фронта:

> «Второй день 29-я и 30-я дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3-й армии. Реввоенсовет всегда был уверен, что временные неуспехи частей 3-й армии не могли сломить ее революционного духа, мужества, и теперь как нельзя лучше неожиданный для противника переход в наступление подтвердил эту уверенность»[33].

Вечером в штаб полка, который также обосновался в одной из закамских деревушек, пришла Дуня Шойхет. Угощая ее чаем, Михаил Васильевич спросил:

— Ну как, председатель полкового партийного бюро, написала письмо богоявленцам? По-моему, сейчас самое время.

— С ним-то я и пришла, — и, достав из кармана гимнастерки листок, начала читать:

> «Гражданам Богоявленского завода и его окрестностей.
>
> Товарищи! Отцы, матери, братья, жены и дети!
>
> Привет вам от всех нас, оторванных от родного завода и семей. Вот уже более четырех месяцев боремся за нашу свободную жизнь и за все завоевания революции.
>
> Мы многое пережили, видели все тяжести боевой и походной жизни, видели, как падали и погибали в бою наши родные и близкие товарищи. Мы всё перенесли, но не потеряли бодрости духа и уверенности в конечной победе рабочего класса.
>
> Наши надежды и уверенность оправдываются. Город за городом, некогда захваченные белогвардейцами, возвращаются нашим. Красная Армия выросла и окрепла

в борьбе, и теперь мы еще более уверены в нашей победе.

Ваш долг, ваша обязанность — помочь в нашей революционной борьбе. Мы имеем полное право предъявить такое требование, освященное пролитой кровью погибших борцов — ваших детей и братьев. Организуйтесь в большую и слитную силу и идите в наши ряды, чтобы рука об руку с нами продолжать борьбу с нашим общим врагом — капиталом.

Привет вам!»

— Мне нравится, а как вам? — обратился Калмыков к помощникам.

— Подписывать надо да быстрей отправлять, — сказал Ландграф.

— На почту сейчас надежды плохи, — заметил Ковшов. — Живой бы связью…

— А что? — поддержал командир. — Обращусь к начдиву, а вы, Дуня, на политотдел поднажмите, и верю, разрешат нам ради такого случая послать специального нарочного в наши освобожденные места. Пусть больше узнают о нас родные, и ответы их скорее получим. Большой политический вес будет иметь все это!

4.

Казалось, зиме конца не будет. Промелькнули победные январские дни, а после бесконечно долго вьюжил февраль. Застряли полки в его снегах и к Перми не пробились. Потянулись уныло оборонные дни.

В начале марта сибирская армия генерала Гайды нанесла внезапный удар в стык между оборонительными линиями 2-й и 3-й советских армий. Колчаковцы ворвались в Оханск, овладели Осой. Во второй раз пришлось богоявленцам Калмыкова переходить по льду Камы.

Новое отступление было тяжелей декабрьского. Над колоннами отходящих висело страшное слово: «Окружили!». Полки утратили связь со штабами бригад. Никто не знал, где искать и штаб дивизии. А тут еще обозы под ногами. Все смешалось, перепуталось.

И в это тяжелое время в полку появился помощник командующего 3-й армии Василий Константинович Блюхер. На эту должность В. К. Блюхер был назначен 31 января 1919 года. В командование 30-й стрелковой дивизией после него вступил

Н. Д. Каширин.

— Василий Константинович! Здравствуйте! Вы-то как здесь оказались? — Удивлению и радости Калмыкова не было границ.

— А ты бы усидел, в штабе, когда родная дивизия гибнет? Где Павлищев со штабом? Неужели в плен попал?

— Такие не сдаются. Найдется. Боевое счастье, верю, и на сей раз не изменит ему.

— Будем ждать. А теперь начнем наводить порядки с твоего полка. Доставай карту, — и, склонившись над полотнищем двадцатипятиверстки, пояснил. — Позиции занимайте здесь, на линии деревень Покой и Голованы. И ни шагу назад. Не прошу — приказываю.

Через час Блюхер отбыл на поиски других потерявшихся частей и штабов, а к вечеру Калмыков принимал у себя комбрига и его помощников.

— Иван Степанович, потеряли вас, дорогой. И как угадали, что здесь мы?

— Блюхер подсказал. В поле отыскал. На нас у него какое-то удивительное чутье… Что ж, потыкались, как слепые котята, туда-сюда и будет. Здесь начнем налаживать новую оборону.

Прошла ночь. Утром пожаловали колчаковцы. Думали, как и прежде, спугнуть одним своим видом. Не вышло. Пулеметчики Богоявленско-Архангельского полка сразу же срезали первую цепь атакующих, а затем взялись за подавление пулеметов.

Комбат Беляков, стремясь не упустить момент, решил контратаковать противника. Калмыков согласился. Раньше других из снежных окопов поднялась вторая рота Максима Чугунова. Ротный, опередив бойцов на несколько шагов, застыл на секунду на месте, оглянулся назад и с криком «Коммунисты, вперед! Рота, в атаку, за мной!» ринулся навстречу колчаковцам.

Стремительность и отвага бойцов Чугунова передалась всему полку. Голодные, перемерзшие и донельзя измученные красноармейцы почувствовали былую силу, былую твердость духа. Не ожидали этого белогвардейцы. Дрогнули, побежали, бросая пулеметы, винтовки, оставляя на снегу убитых и раненых.

Дорогой ценой заплатили за этот переломный бой и бойцы Калмыкова. Наибольшие потери понесла вторая рота. На удмуртской земле, под зелеными соснами схоронили товарищи бойцов с далекой башкирской Усолки.

…Весеннее наступление колчаковцев сорвалось — декабрь не повторился. Вятку не постигла судьба Перми. 30-я, а за ней и 29-я стрелковые дивизии вышли из тисков окружения, собрали воедино все свои части и еще на дальних подступах к Вятке заставили врага зарыться в снежные окопы.

Поздним вечером 29 марта связной штаба бригады вручил Михаилу Васильевичу листок, вырванный из полевой книжки комбрига, но почерк был незнакомый. На листе четыре строки, но какие… Перечитывал и не верил.

> «Командиру полка тов. Калмыкову. Сегодня, 29 марта на участке 1-го Уральского полка смертельно ранен комбриг Павлищев. Во исполнение приказа начдива срочно прибудьте в штаб для вступления в командование бригадой».

На другой день утром Михаил Васильевич убыл из полка, оставив ему такой приказ:

> «Во время боя под деревней Ераничи смертельно ранен наш доблестный командир 3-ей бригады тов. Павлищев. С чувством великого сожаления я извещаю об этом вас, дорогие товарищи. Смерть тов. Павлищева заставила меня разлучиться с вами по распоряжению начдива. Я назначен вр. командиром 3-ей бригады. Оставляю вместо себя — своего помощника тов. Ландграфа…
>
> Уходя из полка, я считаю долгом отметить ваши заслуги, мужество и храбрость, проявленные вами в боях под Осинцевским, заводом Молебским, Крылосовым, Луговой, Голым Мысом, Кленовским и других, где противник превосходящими силами хотел задавить нас, но вы с гордостью выдержали все атаки и благодаря серьезному отношению к делу командного состава умели выходить из критического положения с небольшими потерями.
>
> До свиданья, товарищи, уверен, что вы сумеете отомстить врагам за смерть тов. Павлищева, столь ценного в наших рядах»[34].

…В должности временно исполняющего обязанности командира 3-й стрелковой бригады Михаил Васильевич пробыл ровно 50 дней. Особо запоминающихся событий в это время не было. Шла серая позиционная война. Но главное было достигнуто, 30-я дивизия прочно стала на рубеже реки Кильмезь, и теперь по всему чувствовалось, что именно с этих позиций и начнут уральцы свой победный путь на восток.

Калмыкова тянуло в родной полк, начдив наконец-то внял его настойчивым просьбам. 13 мая 1919 года Н. Д. Каширин издал приказ:

> «Временно исполняющему должность командира 3-ей бригады тов. Калмыкову Михаилу, ввиду возбужденного им ходатайства о сложении с него обязанностей по должности командира 3-ей бригады и находя приводимые им мотивы ходатайства вполне основательными и заслуживающими уважения, приказываю вернуться к исполнению прямых своих обязанностей по командованию 269 стрелковым Богоявленско-Архангельским полком»[35].

Калмыков быстро закончил передачу всех дел вновь прибывшему командиру бригады. То был Брок Петр Николаевич, в прошлом полковник, успевший окончить академию генерального штаба и только-только мобилизованный в Красную Армию. Ни Калмыков, ни начальник штаба восторга от встречи с новым комбригом пока не испытывали.

По дороге в полк все настраивало на добрый лад. Позади была непролазная вятская распутица. Подсохли проселки, на пригорках даже пылью дымиться стали. Вместе с долгожданным теплом и солнцем май принес сюда, на север, и хорошие вести с южного крыла Восточного фронта. Дивизии Фрунзе перешли в контрнаступление, разбили Западную армию белых и повергли в бегство ударный корпус Каппеля.

Полки 5-й армии вновь возвращали свободу городам и селам Башкирской Советской республики. Радовался Калмыков каждой новой сводке об успешных наступательных действиях Южной группы войск. 4 мая они вступили в Бугуруслан, 17-го — в Белебей. Теперь и Уфа на очереди.

И вот он «дома». Перемен произошло немало. Полк, как все части 30-й дивизии, получил недавно особый номер и именовался теперь 269-м Богоявленско-Архангельским. Эта трехзначная цифра звучала внушительно, напоминая, что Красная Армия растет и мужает.

Входя в курс полковых дел, Михаил Васильевич с удовлетворением отметил, что все вакантные должности заняты командирами, прошедшими специальную подготовку на курсах и в учебных командах. Выросли ряды парторганизации. В каждой роте теперь были крепкие ячейки, которые удалось создать с приходом рабочих-коммунистов, прибывших на фронт по партийной мобилизации из пролетарских центров страны. Роты насчитывали по 120—140 штыков, чего зимой и в батальонах не было. Начальники служб доложили о том, что все до единого красноармейцы обеспечены шинелями и сапогами, а в обозе имеется достаточный запас патронов и артиллерийских снарядов.

В тот же день вечером Калмыков побывал в батальоне, находившемся в полковом резерве. Докладывая о делах, комбат Матвей Лантух рассказал о занятиях в ликбезе, которые часто проводит Шойхет.

Надвигались сумерки. В избе, отведенной под школу ликвидации безграмотности, уже зажгли малюсенькие коптилки, заправленные подсолнечным маслом.

Командира сразу узнали. Все поднялись.

— Сидите, товарищи, сидите, — смущенно проговорил Калмыков. — Так, на огонек заглянул.

Занятия продолжались. Ученики — безусые парии и седобородые мужчины, старательно выводили карандашиками — «чижиками» — на газетных страницах большие учебные буквы. Они были вырезаны из толстой оберточной бумаги и наклеены картофелем на листы картона, служившие классной доской.

Михаил Васильевич подсел к пожилому красноармейцу, посмотрел на его письмо и спросил:

— Не темно?

— Не беспокойтесь, товарищ командир, — тут же отозвался молодой, сидящий сзади, — днем у нас освещение солнечное, ночью — подсолнечное.

Все засмеялись.

Когда урок закончился, бойцы завели разговор о газетных новостях. Кто-то спросил о III Интернационале.

Дуня Шойхет стала увлеченно рассказывать о первом конгрессе коммунистических партий нашей и зарубежных стран, проходившем в начале марта в Москве, о роли Владимира Ильича Ленина в создании III Коммунистического Интернационала, о чувстве солидарности народов в борьбе за коммунизм.

— Объясни, товарищ Дуня, — подал из дальнего угла голос бойкий красноармеец с веснушчатым смышленым лицом, — а почему все-таки нас держат здесь, в чужой губернии? Вот если бы послали нас на свой фронт, под Уфу, брать Богоявленск, там-то уж мы бы развернулись…

— Что же это, товарищи? — с обидой начала Дуня. — Богоявленск наш, а Пермь и Кунгур не наши? Выходит, пусть каждый воюет за свой город, за свой завод? Так?! А петроградские, московские и ивановские рабочие зачем приехали сюда? Ведь их городам Колчак пока не грозит. А татары, башкиры нашего полка? Для них много значат Бугульма и Уфа, но они остаются там, где республика велит. Или венгров возьмите. Их целый батальон в 265-м полку. На родине наших товарищей тоже провозглашена Советская власть, и тоже враги хотят удушить ее. А они? Остаются с нами, здесь дерутся за Советскую Венгрию,

потому что они интернационалисты и готовы драться в любом месте за лучшее будущее трудового человечества, за интересы братьев по классу.

— Правильно и хорошо объяснила вам председатель полкового партбюро, — сказал Калмыков. — Мне остается только напомнить, что мы с вами, товарищи, давно уже не в рабочем и не партизанском отряде, а в регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которая отстаивает интересы всей республики, всего пролетариата земли. Революция наша уже за границу перекинулась. Она мировой может стать. Разве тогда мы откажемся помогать иностранным товарищам, как они сейчас помогают нам? Конечно, нет. Недаром же на нашем знамени написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Так что будем воевать там, где мы нужнее, где укажет партия.

Вернувшись в штаб, Михаил Васильевич встретился с комиссаром полка Евдокимовым. Он только что прибыл с передовой и доложил командиру:

— Во всех ротах и командах проведены митинги. Очень доволен народ победами на юге, рвется в наступление. Послушайте хотя бы эту резолюцию: «Просим наш хлебный паек уменьшить с 600 граммов до 400. Отчисленный хлеб передавать детям Москвы. Просим передать рабочим Москвы, Петрограда и нашему вождю товарищу Ленину, что скоро пойдем в наступление… Пощады врагу не будет. Победы обязательно добьемся».

— Вот вам наглядный пример к беседе, — обратился к председателю партбюро Калмыков.

— Завтра непременно расскажу об этой резолюции в школе, — отозвалась Шойхет. — Она лучше всяких лекций.

Приказа из армии о переходе дивизии в наступление ждали каждый час, но кончился май, а его все еще не было. Однако каждый день аншлаги и плакатные надписи в газетах призывали:

> «Товарищи, все на Урал! Уральский хребет ныне — главная баррикада рабоче-крестьянской России! Весь Урал к зиме должен быть наш! Солдаты Красной Армии, на Урал, на баррикаду!»

В один из вечеров Михаил Васильевич допоздна засиделся за чтением «Правды». Почта все еще работала с перебоями, и газеты пришли сразу чуть ли не за неделю. Пришлось в один прием знакомиться с последними событиями.

Шел уже двенадцатый час ночи, когда в комнату командира кто-то постучал, и порог переступил красноармеец со скаткой через плечо и вещевым мешком за плечами. Его загоревшее

моложавое лицо украшали небольшие усы и опрятная бородка. Командир полка узнал в вошедшем Леонида Вейнштока. После выхода из партизанского рейда он был отозван из полка на работу в политотдел дивизии, где одновременно выполнял обязанности и инструктора, и председателя бюро парторганизации политотдела.

— Ба-а! Леонид! — радостно воскликнул Михаил Васильевич. — Не с приказом ли?

— Пока не с ним, но по делам его касающимся. Надо посмотреть, как вы наступать готовитесь. Хочу с недельку повоевать в родном полку. Так лучше: и настроения узнаю, и сам людям помочь смогу. Место в строю какой-нибудь роты, конечно, найдется?

— Бойцом-то зачем? — удивился Калмыков. — Командиром могу поставить.

— Нет, — ответил Вейншток, — командовать не обучен, а наступление будет трудным.

— Раз такое дело — уступлю. В батальон Белякова согласны?

— С удовольствием, там много старых знакомых.

И еще долго говорили они о друзьях, о скором наступлении, о политике.

5.

Прошло три дня. Поступил в полки долгожданный приказ. 5 июня 1919 года в предрассветные сумерки вместе с другими бойцами полка вымахнул на бруствер окопа и красноармеец Леонид Вейншток.

— Вперед, товарищи! — бросил он клич. — За Ленина! За нашу революцию!

30-я дивизия включилась в общее могучее контрнаступление Восточного фронта. Правда, первые победы нельзя было назвать громкими и значительными. За день боев полки пробивались вперед верст на десять-пятнадцать, и к исходу суток в донесениях назывались освобожденными такие деревушки и села, которые в штабах фронта и армии с трудом отыскивали на оперативных картах.

С 10 июня все пошло по-иному. Войска Северной группы узнали о новом блестящем успехе бойцов Фрунзе — о геройском форсировании ими Белой и об изгнании колчаковцев из Уфы. На это полки 3-й армии ответили освобождением Глазова и стремительным продвижением вперед по вятским полям и удмуртским лесам. Пять долгих месяцев понадобилось

колчаковцам, чтобы пробиться от Камы на двести-триста верст к западу. Обратный путь они проделали куда быстрей.

В двадцатых числах июня передовые части советских дивизий уже вышли на правый берег Камы на всем ее среднем течении. Бойцам Калмыкова выпала честь во второй раз принести свободу Нытве.

После трех недель непрерывных наступательных боев полк был выведен в бригадный резерв. Появилась возможность дать отдых и людям и себе. Все в этот раз в Нытве радовало Михаила Васильевича. Улицы поселка старинного уральского завода удивительно напоминали ему первое лето в Богоявленске. Та же буйная зелень, та же мирная тишь, от которой, казалось, отвык уже навсегда.

Но вот на глаза попался большой директорский дом, в котором зимой квартировал штаб 3-й бригады, и живо представилось, как однажды подкатили к нему в кошеве Блюхер и начальник штаба дивизии. Василий Константинович приехал тогда прощаться: он уже получил назначение на работу в штаб армии. Командиры собрали немудреный обед. Тосты произносились с поднятыми стаканами морковного чая.

А теперь уже нет Ивана Степановича Павлищева, нет и других близких боевых друзей. В самом начале наступления геройски погиб питерский коммунист Леонид Вейншток. А через несколько дней под Дебессами разорвавшийся неприятельский снаряд оборвал жизнь Федора Ландграфа. Найдешь ли когда еще такого одаренного помощника и верного товарища? И кто будет следующий, ведь сейчас не поставишь последней точки в списке тяжелых утрат. Сколько их будет там, впереди, — задумался командир, глядя за реку. — Не только Урал, но и всю Сибирь еще надо отвоевать…

— Михаил Васильевич, пора митинг открывать, — голос комиссара Евдокимова вывел Калмыкова из задумчивости.

После приветственной речи военкома, обращенной к местным жителям, слово взял старый рабочий:

— Мои товарищи по заводу, все наши семьи благодарны вам, бойцы и командиры, за освобождение нас от озверелых врагов. Земной поклон вам. Передайте наше рабочее спасибо товарищу Ленину за его правильную борьбу и скажите ему: нытвенцы готовы помочь республике и Красной Армии — всем.

С ответом выступил Калмыков:

— Глубоко признательны вам, друзья, за доброе слово и за готовность к всемерной помощи. Поднимайте первым делом к жизни завод и начинайте быстрее работать на оборону республики. А когда нам ваша подмога потребуется, позовем и с

радостью примем в свои ряды.

Праздничный вечер закончился спектаклем для местного населения и красноармейцев, который поставили самодеятельные артисты, руководимые неугомонной Дуней Шойхет.

1 июля 1919 года бойцов и командиров 3-й армии приветствовал Владимир Ильич Ленин:

> «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца»[36].

Наступление советских войск развернулось с новою силой и обрело невиданную дотоле стремительность. В день получения ленинской телеграммы полк Калмыкова на пароходах переправился через Каму, но с противником встретился только месяц спустя.

Случилось это уже за семьсот с лишним верст от Нытвы близ далекого зауральского села Першинского. К тому времени красные стяги поднялись уже над Златоустом и Екатеринбургом, Челябинском и Шадринском. Со дня на день советским должен был стать и Курган. На восток теперь вел один-единственный великий сибирский железнодорожный путь. На нем и встретились передовые части 3-й и 5-й армий.

Настало время подвести итог. Удмуртия и Башкирия, все уральские земли от Камы и Белой очищены от врагов. Бойцы Восточного фронта в своем письме-рапорте В. И. Ленину доложили об этом так:

> «Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! Ты приказал взять Урал к зиме. Мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь… Больше Урал не перейдет в руки врагов Советской Республики. Мы заявляем это во всеуслышание. Урал с крестьянскими хлебородными местами и с заводами, на которых работают рабочие, должен быть рабоче-крестьянским»[37].

Сибирь, однако, не распахнула сразу свои ворота. На рубеже Тобола пришлось задержаться почти на два месяца. В сентябре Колчак бросился в судорожное контрнаступление, рассчитывая во что бы то ни стало взять реванш за поражение на Урале. Началась знаменитая «тобольская кадриль». В один день противник отходил, и красные полки преследовали его, на другой — отступали уже наши под неожиданно возросшим натиском

колчаковцев. И так несколько недель подряд. Бои были на редкость изнурительными и кровопролитными. Из дивизий двух армий, сражавшихся тогда на Тоболе, только полки 30-й смогли от начала до конца удержать за собой активные боевые плацдармы на восточном берегу реки. Это стоило сотен и сотен жизней героев-уральцев.

Непрерывные бои и отсутствие подвоза породили в частях дивизии патронный голод. Когда дело касалось боеприпасов, Калмыков всегда был прижимист. Не давал лишку в батальоны, а докладывая о наличии боеприпасов, безбожно прибеднялся. Ловчить приходилось не от хорошей жизни, но только так и удавалось иметь кой-какой запас на черный день.

На Тоболе и эта «копилка» быстро иссякла. Пришлось выдавать в день по 10—20 патронов на стрелка и по сотне на пулеметы. Не лучше было положение и в полковой артиллерии.

Новый начальник дивизии Е. Н. Сергеев[38] был засыпан заявками на боеприпасы. Удовлетворить их не было возможности, и тогда начдив решился огласить в приказе всем командирам полков такое сообщение начальника артиллерийского снабжения Восточного фронта:

«Каждые три дня дают одни миллион патронов, который мы высылаем по очереди каждой армии фронта. Отсюда видите, что очередь вашей армии наступает через 9—10 дней… Причем предупреждаю, что каждую партию патронов назначает сам Реввоенсовет Востфронта в зависимости от боевой обстановки, а поэтому гарантировать аккуратную высылку даже по очереди не могу. Выход один: нужны героические меры сокращения расходов огнеприпасов… Необходимо собирать гильзы, отобрать максимум патронов у тыловых команд, умело распределять их между полками, строго следить за дисциплиной огня…»

— Положение аховое. Так трудно не было даже в партизанском походе, — заключил Калмыков после ознакомления с приказом. — Но не дают нам значит на других фронтах обстановка труднее. Ведь сама Москва сейчас на осадном положении — деникинцы к Туле вырвались. Надо крепиться, на штыки да на руки свои больше рассчитывать.

Осенью 1919 года главным фронтом страны стал Южный фронт, все силы республики были брошены на борьбу с Деникиным. Но не снималась и задача скорейшей ликвидации колчаковской армии. А помощь? Лишь на один рабочий Урал могли рассчитывать части Восточного фронта, и только что воссозданные партийные, советские и военные организации уральского края оказали ее с фантастической быстротой.

К середине октября армии фронта получили десятки

маршевых рот, семь новых крепостных полков, одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизии. В красноармейские части вливались те, кто вынес на своих плечах все тяготы колчаковщины.

Как и в марте, в ротах Богоявленско-Архангельского полка насчитывалось по сорок-пятьдесят человек. Но вот пришло пополнение, и полк стал опять обретать полную силу. Прибывали восемнадцатилетние и те, которым было под сорок. Жадно слушали новобранцы рассказы о Красной Усольской республике, о рейде с Блюхером по вражеским тылам, о боях под Кунгуром, Молебским и Нытвенским заводами. Не забывали старые стеклодувы вставить слово о трудовом мастерстве Калмыкова. Ветераны походов на Магнитку и Оренбург восхищались его воинской удалью. И, командуя полком регулярной Красной Армии, говорили они, Калмыков ни разу не дрогнул. Какой роте туго, там и он всегда. Если отступать нельзя, станет в рост под пулями. «Не берут же», — скажет, расправляя усы, и все уже летят за ним в атаку.

— В бою строг, горяч, а так рассудителен, справедлив. С чем ни приди к нему, всегда поможет. Наш брат — рабочий, — тепло и сердечно отзывались бойцы о своем командире.

В октябре в дивизии проходила партийная неделя. Вместе с комиссаром командир был озабочен тем, чтобы за эти дни в ротах максимально выросла партийная прослойка. Помня наказ ЦК говорить людям только суровую правду, Калмыков звал лучших бойцов и командиров вступать в ряды коммунистов и вести за собой людей на трудную, но великую борьбу.

Наступление от Петропавловска к Кургану было последней удачей армии Колчака. Сдержав и измолотив на тобольских плацдармах отборные части Колчака, войска 3-й и 5-й армий возобновили свой сибирский освободительный поход.

У врага резервов больше не было. Его тыл стал тем же фронтом. За спинами колчаковцев поднялась могучая народная армия — сорок тысяч сибирских партизан. И покатилась белая гвардия к Омску.

Последние дни октября 269-й Богоявленско-Архангельский полк, как и вся 30-я стрелковая дивизия, провел в наступательных боях. Новый месяц бойцы Калмыкова встретили уже на берегах Ишима. Вторая большая сибирская река была форсирована с ходу.

В те дни из дивизии было направлено три представления к высшей военной награде: командование ходатайствовало о награждении орденами Красного Знамени командиров 262-го Красноуфимского полка Т. И. Шевалдина, 2-го кавалерийского дивизиона К. К. Рокоссовского и 269-го Богоявленско-

Архангельского полка М. В. Калмыкова.

Все трое в боях за Ишим проявили не только зрелое командирское мастерство, но и высокую личную отвагу. Трифон Шевалдин, преследуя противника с горсткой бойцов, пленил два батальона 13-го Омского полка в полном составе. Константин Рокоссовский с тридцатью всадниками атаковал артиллерийскую батарею белых и, подавив сопротивление пехотного прикрытия, тоже взял се в плен в полной исправности. А вот что говорилось в приказе Революционного Военного Совета Республики по личному составу армии о присуждении ордена Красного Знамени командиру 269-го стрелкового полка Михаилу Васильевичу Калмыкову:

> «…командуя полком с 16 августа 1918 г., названный товарищ проявил себя как решительный опытный и распорядительный командир. 4 ноября 1919 г. тов. Калмыков, форсировав реку Ишим и задавшись целью отрезать отступающего противника, который сгруппировался в районе с. Михайловского, направил главные силы в лоб неприятелю, а сам с небольшой группой зашел ему в тыл. Противник, не ожидая с этой стороны нападения, растерялся и бежал. В результате этого было захвачено 1200 пленных, штаб сводной дивизии, 338 000 патронов, 12 пулеметов, много снарядов и другого имущества»[39].

6.

Последний день декабря полк Калмыкова встретил в деревне Дубровской. Ее крепкие рубленые избы растянулись двойной цепочкой вдоль Сибирского тракта, который тут уже целиком и полностью оправдывал свое громкое название. Вокруг величавая тайга, снега непроходимые и морозы трескучие.

Давно позади остались степи Прииртышья и Приобья. После Омска оперативные приказы штаба дивизии стали похожими на расписание движения поездов. В них категорически указывалось: какого числа, к какому времени, к каким населенным пунктам должны выйти авангарды бригад. Так прошли Татарск и Барабинск, Ново-Николаевск и Юргу.

Стремительно протекали марши, но легкой железнодорожно-санной прогулкой они, разумеется, не были. Перегоны от станции до станции тянулись по нескольку десятков верст, и деревни на тракте также редки. Многие участки дороги были сплошь забиты

бесконечными лентами поездов с замороженными паровозами и вагонами, набитыми мерзлыми трупами тифозных. В деревнях чуть ли не в каждой избе брошены сгорающие в сыпняке колчаковцы.

Заболевали и свои, выбывали из строя обмороженные. Эвакуировать их в тыловые госпитали часто было почти невозможно. Но никакие тяготы не в силах были остановить полки.

В Омске части 30-й стрелковой дивизии были включены в состав 5-й Краснознаменной армии. Белоречане и богоявленцы, верхнеуральцы и троичане попали в боевую семью тех, кто принес свободу их родным местам — Башкирии и всему Южному Уралу. Бойцы Калмыкова узнали, что их письмо, посланное еще в феврале из-под Нытвы на родной Богоявленский завод, дошло по назначению. Жители поселка ответили на него формированием нового батальона добровольцев. И вот, с честью пройдя вместе с 5-й армией весь ее многотрудный путь от Бугуруслана и Уфы через хребты Урала, они встретились со своими земляками на бескрайних просторах Сибири.

В канун нового 1920 года высшее командование получило от штаба дивизии две победные реляции. В первой говорилось о занятии 20 декабря частями 2-й бригады города Томска. Не менее весомым был и второй телеграфный рапорт (к его написанию 269-й стрелковый полк имел уже самое прямое отношение):

> «Части 3-й бригады в 13 часов 23 декабря заняли город Тайгу, в котором захвачено большое количество артиллерии, пулеметов, много эшелонов с буржуазией и военными трофеями, учесть которые даже приблизительно не представляется возможным».

Теперь полк продвинулся еще дальше, прошел Мариинск, нацелился на Красноярск.

Днем 31 декабря в Дубровскую прибыл новый начальник 30-й стрелковой дивизии Альберт Янович Лапин;[40] с ним Калмыков до этого не встречался и с любопытством всматривался в его раскрасневшееся от мороза юное лицо. Десятый год Калмыков в армии, но никогда еще не видел, чтобы дивизиями командовали такие юнцы. Лапину было всего двадцать лет.

Однако, когда речь заходила о боевых делах Лапина, забывался комсомольский возраст начдива. На первый план выступали его геройские подвиги, не по годам богатый организаторский и командирский опыт. Сын профессионального революционера-большевика, он стал коммунистом еще в июне 1917 года. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве,

руководя отрядом молодых красногвардейцев, брал штурмом Алексеевское юнкерское училище. Затем фронт. Был комиссаром разведотдела и штаба 5-й армии. В дни контрнаступления Восточного фронта принял 232-й полк 26-й стрелковой дивизии; командуя им, освобождал Бугульму, отважно дрался в лесах Башкирии, в горах под Златоустом…

Хорошо знал Калмыков и о той роли, которую сыграл новый начдив в обеспечении последних блистательных побед 30-й и стремительности ее продвижения на восток, поэтому встретил Лапина с искренним уважением.

— Жалею, — подчеркнул, поздоровавшись, начдив, — что знакомиться с вами приходится с неприятной новости. Ранен комбриг Брок. Настаивал, чтобы позволили остаться при штабе и при делах, но врачи ни в какую. Пришлось эвакуировать в армейский госпиталь.

— А знаете, — признался Калмыков, — не очень-то верил я раньше Броку. А он, видите, каким оказался. Вот тебе и генштабист, бывший полковник… Но кто за него будет?

— Понимаю, вас сейчас отрывать от полка никак нельзя. Обязанности принял начальник штаба Окулич, — ответил Лапин.

Во время смотра начдив похвалил бойцов полка за удаль при взятии Тайги, поздравил всех с наступающим Новым годом.

— Полк хорош, по всему видно, командир заботлив, — похвалил начдив Калмыкова. — Какие вопросы ко мне? В чем неотложно нуждаетесь?

— В тепле, бане и отдыхе, — не задумываясь выпалил Калмыков.

— Что же, коротко и ясно. Обещаю, будет все это. Будет, как только добьем окончательно белых.

Вечером в тесной штабной избе собрались ближайшие помощники и командиры батальонов. Весь стол был уставлен трофейными закусками. Разлили по кружкам душистый китайский чай, засластили его тростниковым японским сахарным песком. На тарелках появились американские консервы и хрустящие итальянские галеты.

Подняв кружку, Михаил Васильевич произнес первый тост:

— Четыре тысячи верст находили мы с полком с первых его походов. Две с половиной тысячи прошагали только за последние полгода. Надо будет, пройдем в Новом году еще столько же. За нашу победу! За окончательный разгром врагов на всех фронтах! За бойцов и командиров Красной Армии! За нашу партию, за Владимира Ильича! За Советскую Россию! Ура, товарищи!

Здравица получилась дружной. Ну, а какое веселье обходится без песен? Вспомнили и певучие народные песни, и маршевые

боевые.

На следующее утро полк покинул деревушку и форсированным маршем двинулся по тракту на Красноярск. Пройдя за трое суток более сотни верст, 5 января 1920 года после небольшого уличного боя полк вступил в село Арейское. Здесь Калмыков узнал, что большевики Красноярска подняли рабочих на восстание. Солдаты гарнизона перешли на их сторону, и в городе была установлена Советская власть.

Перед 30-й стрелковой дивизией встала задача — не дать врагу задушить восстание, не допустить на улицы Красноярска ни одного полка колчаковцев. Во исполнение этого начдив Лапин срочно выдвинул вперед всю 3-ю бригаду и приказал ей во взаимодействии с частями комбрига Грязнова и отрядами партизанской армии Щетинкина окружить в районе станции Чернореченская отступающие полки 2-й и 3-й армий врага. Эту операцию сами колчаковцы впоследствии назвали «Сибирским Седаном».

Белогвардейцы стремились прорваться к Красноярску через деревню Дрокино, но опоздали. Раньше их, совершив глубокий обходной маневр, в нее вступили красноармейцы 269-го Богоявленско-Архангельского и 270-го Белорецкого полков. Завязался ожесточенный бой. Колчаковцы несколько раз бросались в яростные атаки, пытались разорвать кольцо окружения, но каждый раз их отбрасывали в исходное положение, несмотря на численное превосходство.

В одной из схваток в крайне тяжелое положение попала 4-я рота полка Калмыкова. Неприятель вывел из строя весь командный состав, и обязанности командиров взводов приняли на себя красноармейцы Рожин и Володарчук. Хотя оба были ранены, они не только не покинули поле боя, но и повели своих товарищей врукопашную, и штыковым ударом враг был отброшен с только что отвоеванных рубежей.

По представлению командира полка оба бойца были по заслугам отмечены. Красноармеец Рожин получил орден Красного Знамени, а красноармеец Володарчук за проявленную отвагу удостоился серебряных часов с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Революционный Военный Совет Республики дал высокую оценку за тот бой и всему 269-му Богоявленско-Архангельскому стрелковому полку. В приказе о его награждении Почетным Революционным Красным Знаменем за отличия в боях с врагами социалистического Отечества было сказано следующее:

«В начале января 1920 года, когда 30-я дивизия с

боем подходила к г. Красноярску, 269-й полк двигался по тракту Ачинск — Красноярск. 6 января у дер. Дрокиной полк встретил противника, который, собрав здесь свои лучшие, еще не развалившиеся силы, угрожал перейти в наступление. Положение ввиду превосходства сил неприятеля было угрожающее, но славные части 269-го полка, сознавая всю важность исхода боя, четыре часа сдерживали яростные атаки противника и, напрягая все свои силы, под конец сломили его упорство и принудили к отступлению. На улицах дер. Дрокиной завязался горячий бой, но дрогнувший противник не мог уже удерживать и начал сдаваться. Здесь сдались два эшелона с польскими войсками, одна Сибирская казачья дивизия во главе с начдивом, одна штурмовая бригада, отдельный Сибирский казачий дивизион, конногренадерский полк, 17-й Оренбургский казачий полк, добровольческий батальон и многие другие части; всего пленных было взято до 15 000 человек, много пулеметов, орудий и громадный обоз»[41].

В 23 часа 6 января 269-й Богоявленско-Архангельский и 270-й Белорецкий стрелковые полки первыми из частей дивизии вступили в Красноярск. Жалкие остатки армий Колчака в панике и беспорядке отошли, минуя город, в восточном и северо-восточном направлении. Колчаковские войска фактически прекратили свое существование. Согласно телеграмме Главкома Восточный фронт в тот же день был ликвидирован. 5-я Краснознаменная армия, преобразованная в отдельную, теперь вошла в непосредственное подчинение Реввоенсовету.

Бои под Красноярском для полка Калмыкова явились последними на Восточном фронте. Правда, требовалось еще сломить сопротивление белочехов, оставшихся без спасительного колчаковского прикрытия. Но на это хватило сил одной 1-й Красноуфимской бригады Ивана Грязнова. Следуя в авангарде, ее полки победами под Канском и Нижне-Удинском вынудили белочешское командование подписать 7 февраля 1920 года на станции Куйтун обязательства о прекращении вооруженной борьбы с частями Красной Армии и партизанами, а также заявить о готовности передать Советскому правительству золотой запас РСФСР, захваченный ими.

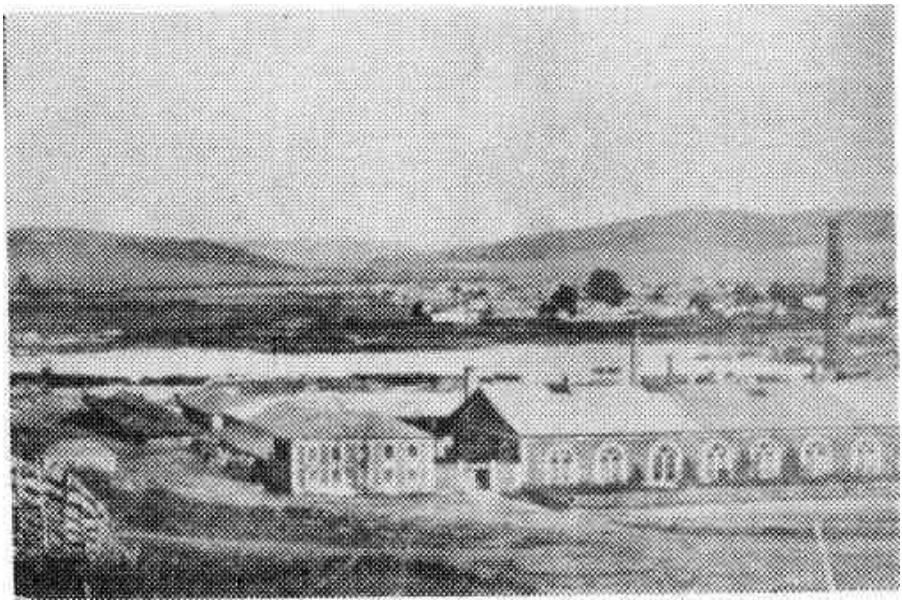
Прошел еще месяц, и в воскресный день 7 марта 1920 года полки 30-й, совершившие неслыханный дотоле бросок от вятских земель до берегов Байкала, вступили на улицы Иркутска.

На митинге, посвященном торжественной встрече героев-

освободителей, председатель городского военно-революционного комитета А. А. Ширямов сказал:

— Товарищи! Сегодня мы чествуем лучших сынов Красной Армии — бойцов 30-й дивизии. Бойцы — в прошлом рабочие уральских заводов и крестьяне из поволжских и сибирских сел — прошли великий путь. Впереди осталось мало. Победа за нами!

ФОТОГРАФИИ



Богоявленский (Красноусольский) стекольный завод.

П. И. Зудов и М. В. Калмыков.

И. С. Опарин, член КПСС с 1917 года, красный партизан.

С. С. Гончарская — первая женщина-дипломат.

Командующие армией Уральских партизан в 1918 г. Справа налево: Н. Д. Каширин, В. К. Блюхер, И. Д. Каширин.

П. В. Точисский, руководитель Белорецкой организации

РКП(б).

В. С. Русяев и Н. Д. Томин — командиры Троицкого отряда партизан.

Нытвенский завод, январь 1919-го. Командиры 30-й СД. Слева

направо: Киселев, Калмыков, Зубов, Павлищев, Блюхер, Цветков, Туманов. Лежат: Голубых и Смолин.

Голощекин Ф. И. — главный политкомиссар 3-й армии.

Берзин Р. И. — командующий 3-й армии Восточного фронта.

Командиры 89-й бригады 30-й СД Г. Н. Микушев, М. В. Калмыков и С. Н. Кожевников.

М. В. Фрунзе, командующий Южной группой армий Восточного фронта.

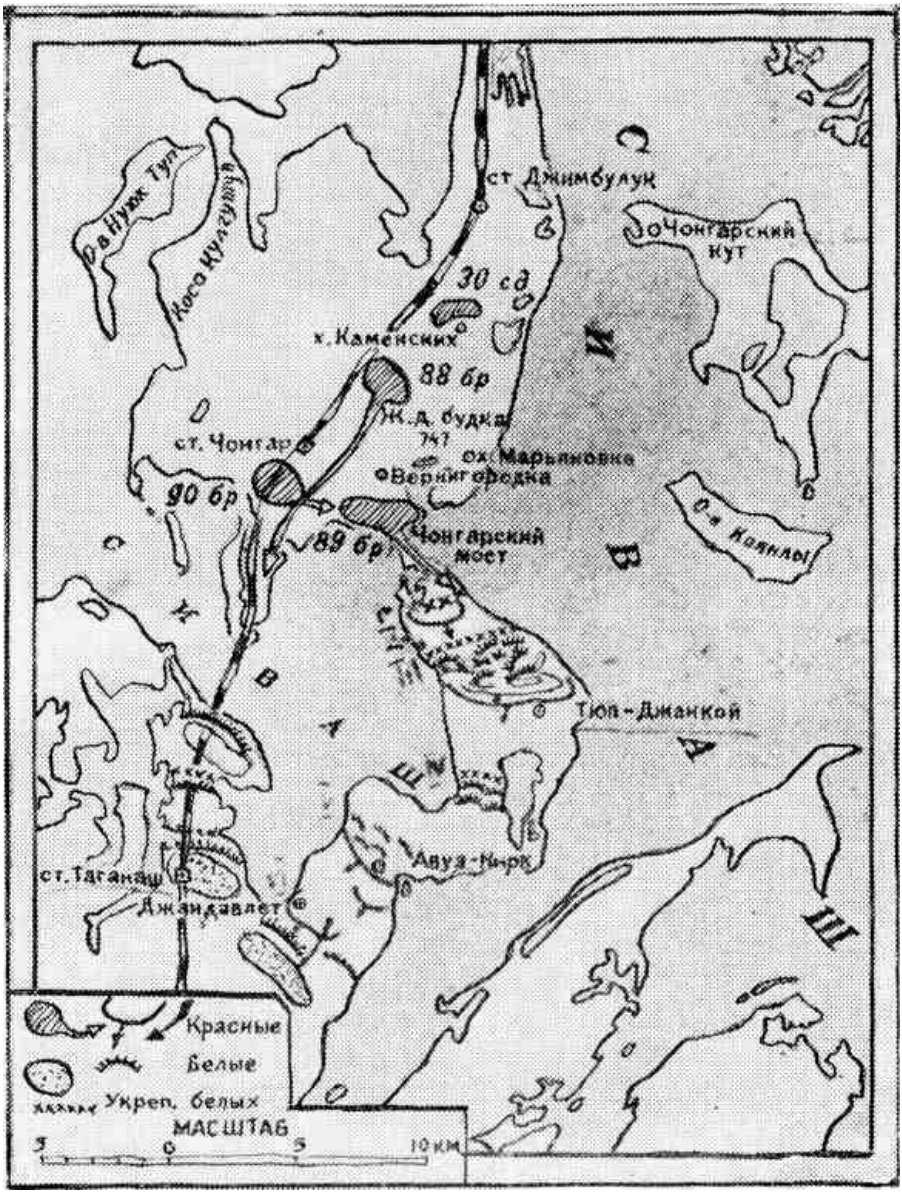


Схема атаки 30-й дивизией Чонгарских укреплений. Положение на 11 ноября 1920 года.

Политработники 89-й Чонгарской бригады 30-й СД. 1920 г.

Всесоюзный съезд Советов. Среди делегатов: Ворошилов К. Е., Бубнов А. С., Затонский В. П., Сааков О. А., Котовский Г. И., Фабрициус Я. Ф., Калмыков М. В., Грязнов И. К. 15 мая 1925 г.

Телеграмма М. В. Фрунзе М. И. Калинину об овладении 30 стрелковой дивизией Сивашской и Чонгарской переправами

12 ноября 1920 г.

Тов. председатель! Вам было угодно предложить мне назвать именем ВЦИК ту из дивизий фронта, которая проявит наивысшую степень доблести в боях с неприятелем. Прежде Вы надеялись, что такою должна стать 30 стрелковая дивизия. Ныне я рад доложить, что надежды Ваши дивизия оправдала в полной мере. Пройдя с боями огромное пространство и овладев с боем сильно укрепленными позициями в районе ст. Салькове и Чонгар, дивизия обеспечила этим наши дальнейшие успехи. Наконец, в боях 10 и 11 ноября под жестоким огнем противника, в условиях необычайной трудности, дивизия штурмом овладела Сивашской и Чонгарской переправами и, заняв дальше одним ударом ряд укрепленных позиций противника, ворвалась в Крым.

Фрунзе.

М. В. Калмыков на 7-ом Всесоюзном съезде Советов.

М. В. Калмыков с женой Зинаидой Константиновной сыном Владимиром. Январь 1937 г.

КОМБРИГ ЧОНГАРСКОЙ

1.

После кратковременного отдыха в столице Восточной Сибири полки дивизии выступили в Забайкалье, получив задание создать мощный укрепрайон на границе с только что образовавшейся Дальневосточной республикой. Позиции были заняты на трехсоткилометровом фронте от низовьев Селенги до самой Кяхты. Бойцы рыли окопы, тянули проволочные заграждения, возводили блокгаузы, капониры, оборудовали артиллерийские позиции, прокладывали новые дороги, готовили этапные пункты и зимнее жилье.

В то время в дивизии произошло немало перемещений командного состава. Альберт Лапин после вступления в Иркутск был отозван в распоряжение бывшего командующего 5-й армии М. Н. Тухачевского. 30-ю дивизию от него принял командир Красноуфимской бригады двадцатитрехлетний Иван Грязнов. В июле начдив был назначен временно исполняющим обязанности командующего 5-й Отдельной Краснознаменной армии. В те дни на его месте трудился комбриг А. К. Окулич, а 90-й бригадой (в конце зимы 1920 года 1-я, 2-я и 3-я бригады дивизии соответственно получили № 88, 89 и 90) стал командовать М. В. Калмыков.

На этот раз вернуться обратно в свой полк Михаилу Васильевичу было не суждено. 19 августа 1920 года в войска 30-й стрелковой дивизии поступил приказ, первый параграф которого гласил:

> «Врид комбриг 90 т. Калмыков Михаил назначается командиром 89-й стрелковой бригады, которую т. Калмыкову принять от т. Захарова».

Нелегко было расставаться с земляками, но утешало то, что и полки принимаемой бригады ничуть не уступали богоявленцам в традициях и боевой истории.

265-й когда-то именовался 17-м Сибирским. Ветераны его еще до февральской революции встали на путь революционной борьбы. В конце 1917 года этот полк по личному указанию В. И. Ленина был отправлен из Петрограда на Урал для оказания экстренной помощи в борьбе против дутовцев.

А в рядах 266-го Рабочего имени Малышева полка были те,

кто красногвардейцами бился с Дутовым под Троицком, а после в составе коммунистического батальона Уралобкома поднялись на защиту Екатеринбурга от белочехов и в первых же боях с ними заслужили право нести до полной победы имя геройского уральского большевика Ивана Михайловича Малышева.

Подлинно революционную биографию имел 267-й Горный полк. Его история начиналась с июльских дней 1918 года, когда рабочие горных заводов Урала взялись за оружие, чтобы дать отпор интервентам и белогвардейщине.

Приняв бригаду, Михаил Васильевич стал готовить ее к тяжелой забайкальской зиме. Однако зимовать на Селенге не пришлось. В конце августа поступил приказ о сборах в дальнюю дорогу.

Передислокация частей 5-й Краснознаменной армии началась еще в июне. Первой на запад убыла 27-я Омская дивизия. В июне с горняками Черемхова распростились бойцы 51-й блюхеровской и прямо с колес ринулись в битву за Каховские плацдармы.

Пришел черед и 30-й дивизии, только что награжденной за беспримерный поход с боями от Омска до Иркутска и за уничтожение польских легионов в районе станции Тайга и остатков колчаковской армии под Ачинском и Красноярском Почетным Революционным Красным знаменем. Её костяком по-прежнему были старые, испытанные и закаленные бойцы — пролетарии Урала. Из новых пополнений особо выделялись недавние сибирские партизаны и молодежь 1900 года рождения. В полках было по 1800—2200 человек, а общая численность личного состава превышала 36 тысяч, причем непосредственно в строю бойцов находилось свыше 20 тысяч человек. Дивизия имела 12 тысяч лошадей, на ее вооружении состояло 25 тысяч винтовок, 530 пулеметов (из них 370 станковых), 24 легких пушки, 4 гаубицы и 4 тяжелых орудия.

Чтобы поднять такую махину, потребовалось 105 железнодорожных составов, по сорок с лишним вагонов в каждом. Отправка эшелонов затянулась более чем на месяц. Ежедневно со станции Татаурово уходило по три, а то и по четыре большегрузных состава.

С головными эшелонами отбыла 88-я стрелковая бригада Ильи Смирнова. Следом за красноуфимцами выступили в путь полки 90-й бригады Александра Окулича. 89-я стрелковая бригада Михаила Калмыкова покидала Забайкалье последней.

Эшелоны летели на запад по «зеленой улице» по восстановленным путям. Не верилось, что еще недавно здесь громыхали бои, взрывы корежили рельсы, в щепу разносили шпалы, рушили водокачки и бросали на дно рек многотонные

фермы мостов. Что же, не прошли даром красноармейские субботники и недели помощи.

Составы за сутки проходили почти по четыреста верст. Стоянки делали только на заправочных и деповских станциях. В каждом эшелоне имелись свои походные кухни. Питались на ходу.

30-я была брошена на усиление войск только что созданного Южного фронта, командование которым принял Михаил Васильевич Фрунзе.

В наиболее напряженный период борьбы Красной Армии с панской Польшей барон Врангель при активной поддержке французского и английского правительств сформировал в Крыму из остатков разгромленных деникинцев сильную и хорошо оснащенную армию, которая до июня 1920 года отсиживалась на месте, используя исключительно выгодные природные условия и отлично укрепленные позиции. Но вдруг раскупорилась «крымская бутылка». На побережье Азовского моря, южнее Мелитополя высадились десантом части корпуса генерала Слащева.

С этого момента врангелевцы развернули активные операции в Северной Таврии, преследуя цель овладеть донецким промышленным районом, поднять на восстание казачество Дона, а затем проникнуть и в правобережную Украину. К концу лета Врангель сумел продвинуться далеко на север, захватил Александровск, Синельниково. Тылы армий Западного фронта оказались под угрозой. Только с ликвидацией армии Врангеля можно было считать обеспеченной победу над польскими панами.

По прибытии в район выгрузки Калмыков с вниманием перечел приказ, с которым Фрунзе обратился к войскам в день принятия командования фронтом. В нем говорилось:

> «Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.
>
> …Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которых капиталисты

всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение.

…Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.

Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед!»

Только выгрузились из эшелонов, как последовал новый приказ о решительном наступлении: не дать возможности врангелевцам выйти из-под смертельных ударов наших частей, на плечах противника занять его укрепления в районах Салькова, Джимбулука, Чонгара и ворваться в Крым.

Полки бригады не могли даже дождаться прибытия своего артиллерийского дивизиона.

26 октября Михаил Васильевич познакомил бойцов с телеграммой, поступившей на имя начдива Грязнова из 51-й стрелковой дивизии и подписанной В. К. Блюхером:

«Приветствую прибывшую на Южный фронт боевую 30-ю дивизию, бывшую соседку по фронту на Востоке. Примите и передайте славным полкам вверенной Вам дивизии сердечное пожелание успеха в боях с последним врагом нашего социалистического Отечества. Желаю непобедимым уральским и сибирским стрелкам 30-й дивизии, пришедшим от хребтов Забайкалья на юг, покрыть новой славой свои почетные боевые знамена. Привет!»

На ходу бойцам пришлось осваиваться и с новыми условиями борьбы. В этих местах за два последних года кто только ни побывал у власти! Классовая борьба была обострена до предела. Рада, Петлюра, Деникин, Махно взбаламутили всю Украину, процветал бандитизм.

И теперь, когда дивизия шла по очищенной от врангелевцев территории, банды в любую минуту могли напасть на тылы, на обозы. Обстановка была сродни той, в которой протекал незабываемый и крайне тяжелый уральский партизанский рейд. Исключительную бдительность требовалось проявлять и в походе, и на отдыхе.

Первые два дня полки Калмыкова находились в резерве и обеспечивали безопасность тыла дивизии, продвижение ее обозов. Но командующий 4-й армией Лазаревич посчитал «недопустимым оставление 89-й бригады для охраны тылов»[42] и потребовал немедленно выдвинуть ее вперед.

Приказ был исполнен. Передовой 265-й стрелковый полк под

командованием А. П. Кононова за двое суток прошел без привалов и отдыха около 140 верст и первым достиг линии авангардных частей наступающей армии. Вскоре он уже принял участие в жестоком бою за станцию Рыково. Разбитый противник оставил там 12 орудий, массу стрелкового оружия, боеприпасов и продовольствия.

Войска Врангеля бежали в Крым, надеясь еще одну зиму отсидеться под прикрытием сплошной сети укрепленных позиций на Перекопском перешейке и за Чонгарским проливом. Нелегко было угнаться за бешеной конницей, нелегко давался бойцам 30-й дивизии, привыкшим в сибирской тайге к ведению своеобразной эшелонной войны, и опыт борьбы с многочисленной кавалерией на голых степных просторах.

На рассвете 31 октября 270-й Белорецкий полк 90-й стрелковой бригады, окрыленный быстрым захватом села Веселого, повел наступление на Елизаветовку. Командир белоречан не принял во внимание, что еще накануне полк утратил непосредственное взаимодействие с соседями на обоих флангах, а также потерял связь с командованием бригады и дивизии.

Один из батальонов после короткой стычки с боевым охранением противника ворвался на окраину села, и все ждали, что с вводом в бой остальных сил полка судьба Елизаветовки будет решена.

Правда, уже тогда в тылах сновали какие-то конные разъезды. Сразу выяснить их принадлежность не потрудились, благодушно посчитали за своих, а они как-то незаметно разрослись в два полка из корпуса генерала Абрамова.

Первый удар кавалеристы противника нанесли по позициям полковой артиллерии. Батарейцы также приняли конных за кавалерийский полк своей дивизии, а когда спохватились, было уже поздно. В упор прямой наводкой расстрелять атакующих не смогли. Взялись за винтовки. Политрук Фрей и помощник командира батареи Путилов возглавили контратаку. Но штыки против сабель — не сила. Началась страшная рубка.

Расправившись с артиллеристами, противник с тыла врезался в боевые порядки батальонов и окружил их. Запас винтовочных патронов у стрелков быстро иссяк. Пулеметных лент было достаточно, но пулеметы один за другим выходили из строя: следовали осечки, патроны заклинивались. Пулеметчики первыми гибли под вороненой сталью казачьих клинков.

Свыше шести часов 270-й Белорецкий полк бился один на один с отборными эскадронами конницы. Лишь после полудня на место катастрофы прибыл 269-й Богоявленско-Архангельский

полк, а затем и 265-й полк из бригады Калмыкова. Спасли немногих. В живых из полка, который еще вчера насчитывал свыше двух тысяч бойцов, осталось всего семьсот пятьдесят человек, да и те в большинстве покалеченные, израненные.

Таких больших потерь 30-я дивизия еще никогда не имела.

2 ноября 1920 года павшие под Елизаветовкой были погребены со всеми воинскими почестями в огромной братской могиле[43]. Тяжелы были для всех минуты прощания, особенно для Калмыкова. Ведь с ними он шел партизанскими тропами легендарного рейда, делил тяготы отступления к Вятке и радость побед недавнего Сибирского похода.

Три основные ошибки явились причиной гибели 270-го полка. Вскрыты они были тотчас же, по горячим следам и послужили серьезным уроком для всего командного состава дивизии.

Во-первых, командир белоречан не позаботился о крепости флангов и тыла при встрече с конницей, которая по природе своей стремится к ударам по менее защищенным местам.

Во-вторых, не внял и комбриг Окулич со своими помощниками предупреждению штаба дивизии о том, что в районе Веселое — Елизаветовка группируются крупные силы врангелевской конницы. Командование бригады не приняло оперативных мер к усилению своего авангарда.

В-третьих, автоматический огонь пулеметы не вели. Били по врагу, как и стрелки, одиночными выстрелами. Ранней зимы на юге никто не ждал. В пулеметах оставалась летняя смазка. А утром ударил морозец, небольшой, градусов в десять, но отогреть пулеметы было негде и нечем.

Трагедия, постигшая один из лучших полков дивизии, не расстроила ряды тридцатников. В день похорон павших под Елизаветовкой полки бригады Ильи Смирнова достойно отсалютовали старым товарищам взятием Ново-Алексеевки, а в ночь на 3 ноября они же первыми бросились на штурм Сальковских и Джимбулукских укреплений врага, одолели почти голыми руками проволочные заграждения, ворвались в окопы с перекрытиями и бетонированными блиндажами.

Сбитый с предмостных твердынь, враг ушел за Сиваш под защиту более мощных и, как казалось ему, вообще недоступных укреплений.

«На плечах противника, вслед за эскадронами 1-й Конной армии ворваться в Крым через Чонгарский и Сивашский мосты!» — таким был новый приказ начдива, и теперь он прямо адресовался и бригаде Калмыкова.

Поход от приднепровских плавней до Джимбулука,

беспрерывные тяжелые бои последних дней явились для авангардных частей И. К. Смирнова пределом их сил и возможностей. Начальник 30-й дивизии на ходу произвел перегруппировку и выдвинул на линию огня свежие полки.

Бригада Александра Окулича ринулась прямо на юг, к Сивашскому железнодорожному мосту, а бойцы 266-го и 267-го полков бригады Михаила Калмыкова, пройдя через боевые порядки красноуфимцев Смирнова, в ночь на 4 ноября повернули резко влево и взяли курс на Чонгарский пешеходно-гужевой мост.

— Даешь Крым! — под этим кличем пробивались уральцы и сибиряки по солончаковой земле Чонгарского полуострова.

Ледяной ветер, напоенный удушливо-смрадной горечью Сиваша, сек лица, распирал легкие. За пять часов наступления передовые полки обеих бригад, одолев нормы суточных переходов, почти одновременно вышли к урезу Гнилого моря на заданных им направлениях. И все-таки опоздали. Задачу форсирования с ходу решить было невозможно.

Первоуральцы 268-го полка Я. М. Кривощекова остановились перед пролетами взорванного Сивашского железнодорожного моста. Осадил коня и комбриг Калмыков, выскочивший с головным дозором малышевцев 266-го полка к Чонгарской переправе. Деревянный пешеходно-гужевой мост пылал. Стропила рушились в багряно-свинцовые воды пролива, вздымая ввысь трассы огненных искр.

2.

Вновь закупорилась «крымская бутылка» — враг навязывал позиционные методы борьбы.

Михаил Васильевич расположил штаб бригады в развалинах хутора Мартьяновки. Настало время все изучить, взвесить. Перед рекогносцировкой комбриг развернул карту. На бумаге очертания Чонгарского полуострова удивительно напоминали силуэт двугорбого верблюда, на котором долго не усидишь. Карта говорила, что на всем Чонгаре нет ни одной реки, ни одного ручья. Была водокачка, но и та взорвана. Колодцев тоже — раз-два и обчелся, да разве вода в них: муть да соль голимая. А полки где укроешь? Под крышами два десятка домишек, а народа — тысячи. Костры не запалишь: не то что дров — прутика, щепки днем с огнем не отыщешь. Плохи надежды и на собственные, внутренние «кочегарки». Обозы застряли в местах выгрузки. Хлеба по полфунта на брата в день — больше не выдашь. Правда, в Ново-Алексеевке разжились пшеницей, а теперь и конина

готовится впрок (бьют беляки по лошадям). Но варить-то на чем?

Калмыков поднялся и позвал помощников ехать с ним к проливу. Деревянный мост, подожженный с обеих сторон, сгорел дотла. Огонь слизнул весь настил, все поперечные брусья. Только сваи еще дымили одинокими свечками.

Пролив шириной около 200 метров был глубок: в полтора, а то и в два человеческих роста. О переправе вброд и думать нечего.

— А что это там белеется? — спросил Калмыков, указывая влево на массу каких-то материалов.

— Заготовки на новый мост, — пояснил старший разведки. — Для танков, видать, построить хотели…

— И вы еще медлите! Штабеля сейчас же рассредоточить и надежно укрыть. Возьмите на учет каждый брус, каждую доску. Отныне за них головой в ответе.

— Да, дровишки теперь будут! — довольно потирая руки, проговорил адъютант Александр Верещагин.

— Дровишки?! На костер такие бревна?! — напустился тут же Калмыков. — По ним перекинемся на ту сторону.

В полдень того же 4 ноября на сивашском берегу вновь появилась могучая фигура комбрига. Он сопровождал начальника дивизии Грязнова. Иван Кенсоринович был не в духе. Заминки у переправ вывели его из равновесия. Зная горячую натуру и крутой нрав юного начдива, Калмыков при докладе не стал сетовать на все трудности и нехватки.

Стоя у пролива, начдив заметил:

— Без понтонов тут не обойтись. Но когда они будут! Застрял наш понтонный парк за Александровском, безнадежно застрял.

— И шут с ним. Понтоны нам не нужны, — отмахнулся Калмыков. — Не дадут и близко к воде поднести эти штуки. Все пристреляно. Да вот и нас заприметили. Ложитесь! — Метрах в двадцати от командиров разорвался снаряд.

Короткой перебежкой достигли свежевырытой щели.

— Тяжелыми бьют, сволочи, — ругнулся Грязнов.

— А корректируют с тех вон вышек. Как на полигоне устроились. Взгляните, — произнес Калмыков и предложил начдиву свой бинокль.

— Посбивать бы их.

— Чем? Нашими легкими?

— Да, черт возьми. С тяжелым дивизионом та же история, что и с понтонами. Пока мосты не поставят, не будет и его. Безбожно стопорятся все наши дела. А знаете, Калмыков, — доверительно проговорил Грязнов, — не вернее ли нам от каждой из бригад оставить в районе мостов лишь по одному батальону для

разведки, а все остальные силы отвести за Сальково. Там пережидать легче, люди не будут голодать и мерзнуть под открытым небом, и от огня напрасных потерь избежим. Как считаете?

— Я лично против. Прошу всю бригаду оставить на месте, — ответил Калмыков. — Этой же ночью моя разведка будет на том берегу.

— По воздуху, что ли?

— Для начала наплавной мостишко перекинем. После и гужевой ладить возьмемся. Сваи-то под водой не сгорели.

— А материалы где? Подавай, ска́жете?

— Не скажу. Сами кое-что нашли. Заготовки для нового моста на нашем берегу остались. Я приказал все материалы рассредоточить, чтобы ненароком не подожгли все сразу.

— Дельно, — заинтересованно заметил Грязнов, но, что-то припомнив, опять нахохлился: — Инженерный батальон запросите, а его нету. Тоже в дороге…

— Попробуем своими силами. Бойцам из саперных команд сметки не занимать. Да и я когда-то учился не только рушить…

— Спасибо, комбриг. Дерзайте.

Простившись с Калмыковым, начдив направился в бригаду Окулича. И там люди у моря погоды не ждали. Строительная инициатива охватила и их.

В 19.00, 4 ноября Иван Грязнов подписал очередную оперативную сводку штадива. О действиях бригад в ней говорилось почти одно и то же:

> «89-я бригада. Занимая передовыми частями южную оконечность косы у Чонгарского моста, производит работы по постройке моста через Чонгарский пролив… 90-я бригада. Занимая передовыми частями станцию Сиваш, производит спешный ремонт железнодорожного моста через Сивашский пролив для форсирования его»[44].

Ровно в 24.00 Калмыков известил начдива уже о том, что звенья наплавного моста наконец-то удалось дотянуть до противоположного берега.

Той же ночью первые красные разведчики во главе с комбатом Зыковым вступили на крымскую землю, и вопрос об оставлении бригад на Чонгарском полуострове был окончательно решен. Появилась надежда, что в самые ближайшие дни удастся организовать разведывательный поиск, который, возможно, и перерастет в решительный прорыв всех крымских укреплений врага.

Предварительные сведения о противнике в районе Сивашской и Чонгарской переправ носили самый общий характер. Пленные, захваченные под Сальковым и Джимбулуком, не сообщили ничего конкретного о начертании и укреплениях крымских позиций. Полной загадкой оставался и вопрос о частях, которые заняли их теперь.

Готовя первую вылазку разведчиков на ту сторону, саперы Калмыкова шесть раз спускали на воду двухбревенчатые звенья наплавного моста, и шесть раз артиллерия врангелевцев сводила на нет все их труды. Лишь седьмая попытка увенчалась удачей.

Переправившись, бойцы разведки сумели потеснить передовые посты врангелевцев и достигли окопов первой линии, которая проходила в двух верстах за прибрежной кромкой. Даже такие сведения были дороги, так как значительное удаление переднего края от переправы позволяло рассчитывать на создание плацдарма для развертывания крупных штурмовых групп.

Комбриг не замедлил проверить реальность такой возможности. В ночь с 6 на 7 ноября Михаил Калмыков проводил на крымский берег уже всю команду пешей разведки, а следом за ней батальон пехотинцев того же 266-го стрелкового полка.

Роты комбата Петрова форсировали Чонгар, неся с собой ножницы для резки проволоки и связки гранат. Они шли на разведку боем. Пробив проходы в заграждениях, бойцы-малышевцы приняли на себя удар всех огневых средств первой линии вражеских укреплений. Противник высвечивал их ракетами и прожекторами, строчил из пулеметов, засыпал шрапнелью. Зримым стало начертание переднего края. На командирские карты легли первые засечки пулеметных точек и орудий прямой наводки.

Но вот заухали и дальние батареи. Враг нацелился разрушить переправу, и это удалось ему. Пойди сейчас пехота в контратаку — все: отряд будет отрезан, истреблен. Однако врангелевцы почему-то не решились покинуть обжитые окопы и не ударили в штыки.

Время теперь работало на бойцов отряда Петрова. Саперы бригады спешили выручить их, тянули и тянули под огнем новую нитку бревен. К рассвету разведчики и батальон перешли по ней к своим, заплатив за все добытое ночью жизнью девяти убитых и кровью сорока раненых товарищей. «Языков» добыть не удалось, но вскоре недостатка в них не было. Первых брали еще силком, а там и добровольные перебежчики появились. Не верили больше солдаты, что так уж неприступны укрепления, возведенные по планам французов.

Но уповать на легкую победу не приходилось. Сопоставление

всех данных рисовало далеко не радужную обстановку.

Центральным, ключевым узлом обороны противника было железнодорожное Таганашское направление. Укрепленные полосы здесь следовали одна за другой. Подступы к ним прикрывали 8 тяжелых береговых, 14—16 полевых орудий, три бронепоезда с легкими пушками и один с шестидюймовыми гаубицами. И все это на узком пятикилометровом перешейке.

Тюп-Джанкойское направление создавало лучшие условия для развертывания сил и маневрирования ими. Однако и тут три линии двухъярусных окопов, столько же многорядных проволочных сетей, батарей, бронированные пулеметные гнезда. Сюда же в любую минуту готова обрушить губительный фланговый огонь и вся Таганашская артиллерийская группа.

Плотность насыщения войсками того и другого районов обороны была велика. На каждый погонный километр в среднем приходилось три батальона пехоты при 16 легких и станковых пулеметах. Кроме бронепоездов противник имел и другой подвижный резерв — два полка конницы.

Час решающего штурма приближался. Подготовка к нему велась во все возрастающих темпах. Дневные бои в расчет не брались. Победу при всех нехватках можно было вырвать лишь в ночных атаках. Искусству их ведения и учились полки вторых эшелонов штурмовых бригад.

Ночь была самой верной союзницей и тех, кто находился у переправ и обеспечивал отправку на вражеский берег новых и новых поисковых групп. На участке Калмыкова в последние дни трудились чуть ли не все саперные команды полков дивизий. Задачей номер один по-прежнему оставалось исправление пешеходного наплавного моста. Он имел восемь четырнадцатиаршинных пролетов из бревен, связанных попарно. Немного, вроде. Но не было дня, чтобы противник не разбивал то один, то другой пролет, а то и сразу целую пачку.

Разбитые звенья еженощно заменялись новыми. Одновременно собирались плети для второй пешеходной переправы и скрытно готовилось все необходимое для наводки капитального моста, пригодного для пропуска артиллерии, конницы и всех обозов. И все это делалось пилами и топорами под свист пуль и разрывы снарядов. Кости ломила страшная стужа, и не было возможности хоть где-нибудь обогреться, не было ни горячей пищи, ни питья.

3.

С 9 ноября события начали разворачиваться с лихорадочной быстротой. Утром в бригаду прибыл начдив Грязнов и военком Романов. Иван Кенсоринович сообщил, что 51-я дивизия Блюхера начала штурм Турецкого вала и вчера, преодолев все полосы заграждений, вышла к Ишуньским позициям.

— Фрунзе, — продолжал Грязнов, — приказал и нашей армии форсировать пролив не позднее ночи с 10 на 11-е. Он распорядился усилить нас артиллерией. Большую часть передам вашей бригаде. Готовьте позиции.

— Подъездные пути давно пробиты. А там вон, — указал на тылы Калмыков, — и окопы отрытые замаскированы.

— Молодцы, — похвалил военком Романов. — Умеют вперед смотреть. Разве таким в чем откажешь?

— А может, скажете и про то, как сам штурм пойдет? — оживился Грязнов.

— В деталях — нет, а общая картина видится так, — рассудительно проговорил Калмыков. — Инициатива на переправе и сейчас в наших руках. Пассивничает противник, гремит только пушками. Но мы пообвыкли и под снарядами ходим за пролив. До самых заграждений ту землю смело можем считать своей. А коли так, надо выводить бригаду на плацдарм и немедля атаковать врага на всю глубину Тюп-Джанкойского полуострова.

— Все три полка сразу не переправить. Да и где развернуться им там? — возразил начдив.

— В линию действовать не думаю. Эшелонами вернее и быстрее будет. Переправился первый полк, дождался конца артподготовки — ив атаку. За ним через пролив идет второй. При заминке догоняет первый и свежими силами углубляет прорыв. Третий к этому времени тоже на той стороне, готовит завершить все начатое двумя другими. Так волна за волной и будем наращивать удары, пока на степной простор не вырвемся. Там уж и в линию, и расступиться можно, чтоб коннице дать дорогу.

— Далекий прицел взяли, — качнул головой Грязнов.

— Но дельно ведь, — заметил Романов.

— Ладно, — уступил начдив. — Комиссара, вижу, уговорили. За основу принять можно. Ну, а детали уже не здесь, на том берегу решать придется.

Проводив старших начальников, Михаил Васильевич времени терять не стал. Побывал в полках, привел их в полную готовность. Еще раз лично обследовал позиции, на которые должна стать ожидаемая с часу на час артиллерия. Проверил район переправы и переговорил с начальником саперных команд. Где добрым словом, а где и шуткой перебросился с саперами, видел, что люди

трудились поистине геройски.

Вечером 10 ноября в штаб бригады 89-й поступил оперативный приказ № 2088 по войскам 30-й стрелковой дивизии. Начальник штаба бригады Куплетский первый ознакомился с ним.

— Он, Леонид Александрович? — нетерпеливо спросил Калмыков, переступив порог штабной развалюхи.

— Похоже, что он, но… — пожал плечами начальник штаба, — недоговоренность какая-то.

— Не может быть! Дайте-ка.

Первые строки приказа гласили:

> «Еще вчера части 6-й армии, овладев укрепленными позициями на Перекопском валу, заняли Армянск и вышли на линию озерных дефиле на второй укрепленной полосе противника.
>
> Сегодня нашим войсковым наблюдением замечено, что артогонь на Перекопском перешейке в течение дня удалялся к югу. Это дает основания полагать, что 6-я армия и сегодня имеет успех в продвижении на Крымский полуостров».

— Все верно, — проговорил Калмыков. — А я что говорил? Пошел Блюхер! Не сдержишь. Теперь и нам самое время. — Читайте дальше.

Второй параграф приказа, действительно, ясности не давал:

> «Приказываю комбригам 89 и 90 в целях боевой разведки нанести короткий и сильный удар противнику на своих участках, в случае успеха удара развивая его в решительную операцию по выходу на Крымский полуостров..»[45]

— В целях боевой разведки, — процедил Калмыков. — Сколько уже поодиночке загубили? Батальон Петрова чудом вернули назад.

— Верно, сразу надо идти на штурм, — поддержал комбрига заместитель по политической части Кудрявцев. — В удаче не сомневаюсь. Артиллерия — вот она, под рукой…

— Ты прав, Сергей Андреевич, — быстро ответил Калмыков. — Молодец, Сивков[46], опередил приказ. Начальник дивизии пишет, что надо выдвинуть батареи 42-линейных гаубиц и 6-дюймовых гаубиц… А что выдвигать-то? Все уже на месте. Дай лишь сигнал, начнут рушить укрепления, готовы будут и на контрбатарейную борьбу. Для разведки ли это?

— Будем ориентировать полки на штурм позиций противника?

— Да, бригада получит приказ решительно атаковать противника в целях быстрого овладения всем Тюп-Джанкойским полуостровом.

Тщательно обсудили план штурма. Решили, что первым пойдет на южный берег 266-й стрелковый полк, находившийся последние три дня в резерве. Согласовали сигналы связи, и после полуторачасовой напряженной работы Калмыков подписал приказ.

…Полночь произвела смену суток. До начала операции два часа. Ни противник, ни его укрепления не страшили больше командиров. Единственно, чего опасались, как бы не отменил начдив все задуманное и не потребовал вместо штурма ограничиться все той же приевшейся разведкой.

Штаб дивизии молчал. Может, приостановить выполнение отданных распоряжений?

— Нет, — коротко отрубил Калмыков. — Всю ответственность беру на себя. Полкам выполнять все то, что приказал.

Но не знал тогда комбриг, что еще вчера вечером в штабе 4-й армии, где находился Фрунзе, состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос готовности 4-й армии к штурму позиций Врангеля. Начдив Грязнов, прибывший на совещание вместе с начальником штаба Богомягковым, доложил, что 30-я дивизия состоит из лучших пролетариев Урала, из закаленных в боях сибирских партизан и в настоящее время готовится к штурму. При дальнейшем обсуждении, однако, выяснилось следующее: тяжелая артиллерия и самолеты не прибыли; наш флот, скованный льдами в Таганрогской бухте, не сможет поддержать наступление на арабатском направлении, спад воды в районе Чонгарского полуострова лишал возможности переправиться на собранных лодках и плотах, чтобы облегчить лобовой удар. Все это сковывало всякую инициативу на участке 4-й армии. Атака живой силой через Сивашский и Чонгарский мосты без поддержки дивизионной артиллерии не сулила успеха.

О создавшемся положении прямо с совещания Фрунзе телеграфировал Главкому:

> «Начало активной операции 4-й армии намечалось моим приказом на 10 ноября, но сейчас установил, что это невозможно по указанным выше причинам. Без поддержки авиации наша пехота, как показал ряд усиленных ночных поисков, будет нести огромные потери. В силу изложенного момент активных операций

4-й армии ставится мною в связи с развитием действий на фронте 6-й. Самостоятельно она сможет начать действовать не раньше 13 ноября, к каковому сроку ожидается прибытие бронепоездов, тяжелой артиллерии и авиации»[47].

В другой телеграмме главкому и В. И. Ленину Фрунзе сообщал:

«…в связи с бездействием нашего флота, чрезвычайной трудностью форсирования в лоб Чонгарских переправ и ввиду овладения нами Перекопом и Армянском центр тяжести я переношу на Перекоп»[48].

Командующий фронтом также подчеркивал, что задача овладения перешейком отнюдь еще не разрешена и может потребовать крайне большого напряжения сил.

4-й армии ставилась задача быть наготове в любой момент к решительной атаке Чонгарского и Сивашского перешейков, а до этого энергичным артиллерийским огнем и бомбометанием с аэропланов демонстративно привлекать на себя внимание противника, облегчая этим задачу 6-й армии.

…10 ноября в штаб 30-й стрелковой дивизии все еще продолжали поступать донесения из 89-й и 90-й бригад, свидетельствующие о спешном приготовлении бригад к штурму.

Сводка 89-й бригады сообщала:

«В течение всей ночи противник освещал местность ракетами. В 20 час. 25 мин. 9 ноября на крымский берег переправилась вторая рота для производства работ по возведению окопов. Около 4 часов рота вернулась. За мостом вырыт окоп 250 шагов от моста, длиной 120 шагов, глубиной 1/2 аршина»[49].

— Всю ночь, видно, глаз не сомкнули — готовятся, — сказал Иван Кенсоринович, обращаясь к начальнику штаба, также просматривавшему только что полученные сводки. — Необходимо срочно сообщить о перенесении штурма.

— Да, даже плот уже спустили, — сказал Богомягков, протягивая очередную сводку.

«10/XI 1920 год, 18 час 40 мин. Карта 10 в/д.

Доношу: приказание № 33/б исполнено. Плот готов с бойницами для 4 пулеметов и бруствером для стрельбы лежа. Плот спущен на воду вблизи моста № 598/т.

Начштабриг 89 Куплетский

Помнаштабрига оперчасти Марченко»[50].

— Трудно остановить, да и стоит ли совсем останавливать? — подумал про себя начдив и сел составлять приказ № 2088.

В 20.00 Грязнов подписал его и отправил в бригады.

Как и предполагалось, ровно через два часа Калмыков и Окулич донесли в штаб дивизии о получении приказа и отданных в развитие его распоряжениях. Оба комбрига поставили перед своими полками задачи, выходящие за рамки обычной разведки боем.

— Калмыков все-таки не отказался от своего плана штурма, — заметил комиссар Романов, передавая Грязнову приказ по 89-й бригаде.

— Что ж, — ответил после недолгого раздумья начдив, — если ему удастся овладеть первой линией и закрепить за собой активный плацдарм на Тюп-Джанкойском полуострове для целей будущей операции и капитальной установки Чонгарского моста, то это будет лучшим выполнением приказа Фрунзе по сковыванию сил противника.

В полночь Грязнова вызвал к прямому проводу командарм Лазаревич. Начдив доложил ему:

— На Сивашском направлении я все же решил ограничиться пассивным поиском. На Чонгарском веду эту операцию тремя стрелковыми батальонами и столько же подтягиваю к мосту в качестве частного резерва.

В ходе переговоров командующий напомнил, что подготовка к наступлению как в инженерном, так и в артиллерийском отношении далеко еще не закончена и поэтому развивать успех, если у противника окажутся сколько-нибудь серьезные силы, будет очень трудно, затем поинтересовался, хватит ли патронов, и тут же пообещал, что распорядится только что прибывшему бронепоезду с тремя легкими орудиями немедленно отправиться на станцию Джимбулук, одной бригаде 23-й дивизии прикажет быть готовой к выступлению по первому требованию, а пяти аэропланам, если позволит погода, вылететь для разведки к бомбометанию[51].

Прочитав все это, Грязнов отрапортовал: «Все ваши указания принимаю к неуклонному руководству».

В бригады тотчас полетели указания, что ничего не меняется, все остается в силе.

— Отбываю на переправу, — немедленно отозвался Калмыков. — За себя оставляю Марченко.

4.

Ночь выдалась на редкость темная, с моря надвинулся густой туман. Короче стали щупальцы прожекторов. Не достают теперь до пролива, не высвечивают его артиллеристам. Но мороз дает о себе знать. На ветру и вовсе до костей пробирает. Каково-то саперам в воде? Врангелевцы вновь разбросали звенья наплавного моста. И только во втором часу ночи удалось протянуть по шуге из конца в конец новые звенья и связать бревенчатой ниткой оба берега.

Полк Аронета пошел на переправу. Один за другим, балансируя по обледенелому и уходящему из-под ног мостику, бесшумно бежали уральцы и сибиряки, таща на себе патронные цинки, ручные и станковые пулеметы. Нет-нет — и сорвется кто-нибудь. А выручать некогда и некому. Малейшая задержка пагубна. Минуты стоили часов, каждый новый десяток бойцов на той стороне был равноценен взводу, а то и роте.

— Части дивизии приступили к выполнению приказа № 2088, — донес 11 ноября в 3.30 начальник штаба дивизии С. Н. Богомягков командарму. — В целях боевой разведки производят короткий сильный удар по укрепленным позициям на крымском берегу. Два батальона 266-го полка закончили переправу. Третий — начинает. Потери от артогня не выяснены. По сосредоточении полка начнется артподготовка, за которой последует штурм укреплений противника[52].

К Лазаревичу это донесение поступило почти одновременно с телеграммой штаба фронта о занятии частями 16-й армии трёх юшуньских позиций врангелевцев. Новый приказ Фрунзе был лаконичен:

> «Зорко следить за противником и при первых признаках его отхода немедленно перейти в наступление…»[53].

Командующий Южным фронтом потребовал начать форсирование не позднее ночи 12—13 ноября.

…Но 89-я бригада 30-й дивизии уже была на крымской земле, шла вперед с опережением приказа на целые сутки.

В 5.10 дивизионная артиллерия открыла огонь по первой линии тюп-джанкойских укреплений врага. Продолжительность обработки переднего края была значительно сокращена. Орудия лишь в нескольких местах пробили проходы в проволочных заграждениях и перенесли огонь в глубь неприятельской обороны.

О резке проволоки не могло быть и речи. Не было времени,

да и ножниц со всей дивизии сумели собрать всего тринадцать пар. Бойцы топорами, прикладами и штыками рвали «колючку», кидали на нее шинели и налегке уже бежали к окопам врага.

Телефонисты еле поспевали за атакующими. По дну пролива они проложили три нитки проводов, и уже в 6 часов 20 минут. В. А. Аронет доложил на северный берег:

— Коротким штыковым ударом, без единого выстрела противник выбит из первой линии укреплений. На его плечах ворвались и во вторую…

И тишины не стало. С крымской стороны донеслось могучее красноармейское «ура». Комбриг Калмыков немедленно пустил на переправу 267-й Горный полк, а 265-му приказал сосредоточиться в укрытиях у моста и быть в готовности проследовать через пролив за последней ротой горняков. Саперы к тому времени навели вторую нитку бревен и занялись постройкой свайного моста для пропуска артиллерии и конницы.

В 7 часов 20 минут 266-й полк занял деревню Тюп-Джанкой и с боем начал продвигаться дальше.

…Все больше становилось работы у телеграфиста штаба дивизии, державшего связь с армией по прямому проводу. Каждое новое донесение он неизменно начинал с выстукивания слов:

> «Мы успешно продвигаемся на Тюп-Джанкойском полуострове…»

В шестом часу утра в активные боевые действия включилась и бригада А. К. Окулича. При поддержке орудий прямой наводки и только что прибывшего на станцию Чонгар бронепоезда два батальона во главе с помощником командира 268-го Уральского полка Яковом Кривощековым, оседлав мост и дамбу, достигли проволочных заграждений и овладели первой траншеей Таганашских позиций врага. Первоуральцы могли бы пробиться и дальше, но присоединенный к бригаде тяжелый артдивизион еще не был готов к действенной контрбатарейной борьбе с врангелевской артиллерией.

С рассветом батальоны вернулись на свой берег. Однако их дерзкая вылазка не прошла бесследно. Приняв на себя всю мощь огня таганашских батарей, бойцы Кривощекова облегчили продвижение авангардному полку бригады Калмыкова от Тюп-Джанкоя до деревни Авуз-Кирк.

Убедившись в том, что 89-й бригаде на Чонгарском направлении удалось сломить сопротивление противника, начальник дивизии И. К. Грязнов приказал комбригу Окуличу оставить у Сивашского моста один батальон, а все остальные вести на переправу бригады Калмыкова.

269-й стрелковый полк 90-й бригады, первый переправившийся по Чонгарскому мосту, передавался в оперативное подчинение Калмыкова. И в этот последний бой с Врангелем красноусольцы опять пошли под командованием своего главкома.

К полудню свинцовые тучи рассеялись. На синем небе засияло яркое солнце.

Полки первой линии, вышедшие к высотам южнее Авуз-Кирка, лишились огневой поддержки артиллерии и были вынуждены залечь. По ним ударили полевые пушки Джандавлета, с Таганаша забили тяжелые орудия. Едва улеглось снарядное уханье, на равнину высыпали офицерские эскадроны Донского корпуса, за ними со штыками наперевес повалила пехота Корниловского и Марковского полков.

Бойцы 266-го полка перешли к круговой обороне. Врангелевцы с ходу рассекли батальон Михаила Зыкова и ринулись к пулеметам. За одним из них был сам комбат. Но и его очереди не сдержали бешеной лавы. Шашки взяли верх. Командирский «максим» отговорил свое. Навеки замолк и первый герой зачонгарских разведок.

Над полком нависла угроза полного уничтожения. Кругом враги. Патронов мало. Встревожились бойцы. И тут же перед ними выросла знакомая фигура командира полка. Широко, словно для упора, расставив ноги, держа наготове маузер и шашку, Аронет твердо командовал:

— Патроны беречь! Стрелять только прицельно. Гранаты храните для ближнего боя!

Высоченный, в длиннополой незастегнутой шинели, в красной фуражке, заломленной на затылок, командир поразил всех своим невозмутимым спокойствием. Каждый старался стрелять расчетливо и метко. Но патронов становилось все меньше и меньше.

Неожиданно от Авуз-Кирка к передовой вынеслась запряженная парой гнедых бричка. Упряжкой правила девушка. Вот она резко осадила лошадей, повернула влево и принялась раскидывать цинки с патронами.

— Кому нужны? Разбирай!

Свистели пули, близко рвались снаряды, но девушка, не обращая на них внимания, раскидывала и раскидывала цинки.

Кто, откуда она? По чьему приказу кинулась в самое пекло? В горячке боя расспрашивать было некогда. После искали, но не нашли. Так ничего и не узнали о боевой помощнице.

Неимоверно тяжелыми были те часы и для соседей-малышевцев. В начале контратаки командир 267-го полка

Николай Петрович Шабалин был тяжело ранен. Недолго в строю оставался первый его преемник. Пули не пощадили и двух других. Тогда командование взял в свои руки адъютант Шабалина Николай Егоров. Предприняв героические меры, он остановил дрогнувших товарищей и вернул полку боеспособность.

Даже тяжело раненные бойцы и командиры не покидали своих мест в боевых порядках, но положение оставалось трудным. Связь с комбригом была потеряна.

Разведчики Нагибов А. Г. и Кетов П. И. по своей инициативе, будучи тяжело ранеными, восстановили связь, что дало возможность бригаде отбросить наступающего противника и перейти в контрнаступление. Но чего это стоило? К вечеру в батальонах насчитывалось всего по 60—100 человек.

Частями передовой линии стали 265-й и 269-й стрелковые полки. Наконец, вступил в действие и гужевой мост, построенный саперами. Первыми по нему прошли патронные двуколки, затем артиллерия и конница.

89-я бригада вновь продвигалась с боями вперед, и только отрезанный бронепоезд обстреливал ее с тыла.

В 23 часа 20 минут одна из батарей присоединилась к 265-му стрелковому полку и была установлена под станцией Таганаш (на случай появления бронепоездов).

Комбриг сообщил начдиву:

> «Доношу, что 264 стрелковым полком в 2 часа 12 ноября заняты две линии окопов противника (у железнодорожного моста), взяты орудия, пулеметы и бронепоезд. Частями 89 бригады занята д. Копани. Комполка 264 просит прислугу для бронепоезда»[54].

Положение 30-й дивизии на Тюп-Джанкойском полуострове стало прочным. Враг больше не оказывал сопротивления. Уставшие полки свободно входили в оставленные несколько часов тому назад населенные пункты.

Успешное наступление 30-й дивизии сразу же сказалось на действиях советских войск на Перекопе. 51-я дивизия вместе с подошедшей латышской дивизией стремительно атаковали врага у Юшуня. Не выдержав удара, белогвардейцы обратились в бегство. Таким образом, 8—11 ноября белогвардейская армия была окончательно разгромлена. Враг начал откатываться на юг, к портам. Все ворота в Крым были распахнуты, и через них хлынул неудержимый поток красной конницы[55].

От Джанкоя уральские полки повели стремительное наступление на юго-восток, и командарм 4-й в приказе от 15 ноября отметил:

> «Доблестная 30-я стрелковая дивизия, не позволяя коннице Каширина себя обойти, наступает на Феодосию… 89-й бригаде приказано обеспечить правый фланг дивизии».

Конный корпус Н. Д. Каширина повел наступление дальше на Керчь, и уже 16 ноября 1920 года М. В. Фрунзе послал Владимиру Ильичу Ленину еще одну, очень краткую, но значительную телеграмму:

> «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован»[56].

ГОДЫ МИРНЫЕ — ДНИ ВОЕННЫЕ

1.

Освободители Крыма праздновали победу. В Феодосии, на Сенной площади, что на Старо-Аутской дороге, состоялся парад представителей частей 30-й стрелковой дивизии. Командовал им комбриг 89-й Михаил Калмыков. Принимал парад командарм 4-й Владимир Саламанович Лазаревич.

— Отныне Красное знамя — знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях, — сказал командующий армией в приветственной речи. — Михаил Васильевич Фрунзе особо отмечает героическую атаку вашей дивизией Чонгарских переправ. Честь и слава погибшим в борьбе за свободу! Слава и вам, творцы революции и освободители трудового народа!

Затем командарм объявил, что начальник дивизии Грязнов, военный комиссар Романов и другие герои незабываемого штурма представлены РВС армии к награждению орденами Красного Знамени. Но, к удивлению многих, среди представленных к награде не оказалось комбрига Калмыкова. Бойцы-богоявленцы не согласились с этим. Командир их парадного расчета комбат Бузин громко выкрикнул:

— Товарищи! Герою Чонгарской переправы Михаилу Васильевичу Калмыкову — ура!

— Ура-а! — как один отозвалась дивизия.

— В чем дело, начдив? — строго спросил Лазаревич. — Почему умолчали о Калмыкове?

— А он давно у нас краснознаменец, — ответил Грязнов. — Еще с Восточного фронта. Вторично же орденом в дивизии никто пока не награждался.

— Никто?! Что ж, не побоимся нарушить вашу скромность, — произнес командарм и, обращаясь уже ко всем участникам парада, объявил:

— Командир 89-й стрелковой бригады Калмыков Михаил Васильевич представляется РВС армии ко вторичному награждению орденом Красного Знамени. Да здравствует первый дважды краснознаменец геройской 30-й дивизии! Ура, товарищи!..

Позднее празднично был отмечен и еще ряд радостных событий. К Почетному революционному Красному Знамени,

которого дивизия удостоилась за доблесть и боевые отличия на Восточном фронте, добавился знак первого советского ордена Красного Знамени. И это не все. 30-я стрелковая дивизия первой из соединений РККА получила почетнейший титул «имени ВЦИК», а ее 89-я бригада, показавшая наивысшую степень мужества при штурме Тюп-Джанкойских укреплений врангелевцев, стала именоваться «Чонгарской».

24 декабря 1920 года к красным воинам, сломившим твердыни Перекопа и Чонгара, обратился Совет Труда и Обороны Республики. В его постановлении, подписанном В. И. Ульяновым-Лениным, говорилось:

> «Беззаветной храбростью войск Южного фронта РСФСР освобождена от последнего оплота российской контрреволюции — их героическими усилиями освобождены Крым, сброшен в море Врангель и силы его окончательно рассеяны. Страна, наконец, может отдохнуть от навязанной ей белогвардейцами трехлетней гражданской войны, приступить к залечиванию нанесенных ей бесчисленных ран и заняться восстановлением столь пострадавшего за эти годы народного хозяйства».

Отмечая подвиг частей Южного фронта, Совет Труда и Обороны передал всем его бойцам, командирам, политработникам товарищеский привет и благодарность

> «за проявленную ими беззаветную храбрость, исключительную энергию и политическую сознательность в борьбе за осуществление идеалов рабоче-крестьянской революции»[57].

А за два дня до этого М. В. Фрунзе, вступивший после ликвидации Южного фронта в обязанности командующего войсками Украины и Крыма, подписал приказ о назначении командира 89-й Чонгарской бригады начальником 42-й стрелковой дивизии, которая также входила в состав 4-й советской армии, но в период ее наступления на Чонгарском направлении находилась во втором эшелоне.

Соединение это вело свою биографию с января 1919 года. Сформировалось оно в районе станции Луганская из отрядов донецких шахтеров под названием 4-й краснопартизанской дивизии и лишь спустя три месяца получило наименование 42-й стрелковой. Первыми ее начальниками были легендарный председатель Центробалта и один из руководителей штурма

Зимнего Дворца П. Е. Дыбенко, а затем Г. Д. Гай, освобождавший в сентябре 1918 года родной город Ильича — Симбирск.

Республика Советов вступала во второй месяц мирной жизни, но в Северной Таврии военные грозы еще не стихли. На борьбу против Советской власти вновь поднялись анархистствующие банды батьки Махно. Все силы 4-й армии были брошены на их разгром, и знакомиться с новыми товарищами по оружию Калмыкову пришлось в прежней, фронтовой обстановке. Реввоенсовет объединения поставил перед личным составом 30-й и 42-й дивизий очередную боевую задачу:

> «Решительно и беспощадно ликвидировать бандитизм, пресечь в корне кулацкие выступления против Советов, укрепить органы Советской власти лучшим революционным активом бедноты и среднего крестьянства… Сосредоточить ураганный огонь агитации, разъяснения сущности строительства Советской власти среди населения. Вбить острый клин между кулаками, с одной стороны, и беднотой и середнячеством — с другой»[58].

Махновцы были серьезным и коварным противником. Действуя мелкими подвижными группами, придерживаясь тактики воровских набегов, они зачастую оставались неуязвимыми для регулярных воинских красных частей. Очень трудно было предугадать, откуда и где могут объявиться их банды в тот или иной момент. Не легче приходилось вести преследование. Враги ловко заметали свои следы и, получая чуть ли не в каждом селении от кулачества свежих коней, с поразительной быстротой перекидывались с места на место.

Знание законов полевой войны выручало тут слабо. Борьба с махновцами требовала особых методов, чрезвычайного напряжения сил, высочайшей бдительности и, конечно, немалого политического искусства. Все эти качества со временем пришли к закаленным в былых боях краскомам и красноармейцам, но платить за новый опыт и мастерство пришлось очень дорогой ценой.

Зиму и начало весны 1921 года 42-я дивизия М. В. Калмыкова обеспечивала охрану левого берега Днепра и защиту железных дорог, идущих от Синельниково в Крым и на Донбасс. В марте махновцам было нанесено решительное поражение в районах их главных опорных баз — Каховки, Гуляй-поля, Пологов.

Наступило затишье. Мирные перемены коснулись и частей 4-й армии. Красноармейцы старших возрастов стали увольняться в запас, дивизии сворачивались в бригады, бригады — в полки.

Пробыв начальником дивизии два месяца двадцать четыре дня, Михаил Васильевич вновь вернулся в комбриги и передислоцировался со своими полками с Украины на Северный Кавказ, где бригада занялась обычной боевой учебой да несением гарнизонной и караульной служб.

Тогда-то и задумался всерьез Калмыков о грядущем своем житье-бытье. В ратных делах он уже второй десяток лет, более половины из которых прошло на полях жесточайших сражений. Испытал, пережил всякого, но от тяжелых ранений боевая судьба миловала и от болезней уберегла. Здоров, крепок, пожалуй, все так же, как и в десятом году, когда в рекруты брали. Хоть тридцать три скоро стукнет, а вернись обратно, к родичам да сотоварищам в башкирскую Красную Усолку, былое искусство — мастерство стеклодува — мигом восстановил и жарищу у печей любую бы выдержал…

Да где там… Разве отпустят из строя? Не рядовой, не ротный даже… Тут, как ни крути, а думать об одном следует — о кадровой службе на всю оставшуюся жизнь. Но вновь нелады — поднялся-то из старших унтеров высоко и боевого опыта достаточно, а общего образования по-прежнему самая малость и военных, политических наук по-настоящему не проходил, все налету, урывками схватывал.

И взял однажды комбриг Калмыков перо, лист самой доброй бумаги на стол выложил и впервые за свое долгое пребывание в армейских рядах принялся за рапорт сугубо личного характера.

> «Понимая психологию революционной массы, зная идеи революции и помня заветы партии, — писал Михаил Васильевич, — я успешно справлялся с задачами, которые выпадали на мою долю. Но, сознавая скупость общего образования, малую теоретическую подготовку, в течение всей гражданской войны лелеял мысль в удобный момент уехать в центр с тем, чтобы обогатить себя, изучив военные предметы…
>
> Теперь, когда военная угроза миновала, когда армия переводится на мирное положение, сокращаясь количественно и улучшаясь качественно, главным образом в лице своего комсостава, я считаю своим нравственным правом и долгом заняться собой как командиром. Поэтому и прошу командировать меня в Москву для поступления если не в академию Генштаба, так на высшие командные курсы.
>
> По окончании курса я с бóльшей уверенностью стану на работу в рядах армии и, конечно, принесу больше

пользы в будущем для СовРоссии».

На этом можно было и подписаться, но не поспешил и в последнем абзаце рапорта высказал не менее сокровенное:

> «Проведя более трех лет вдали от центра Революции, я и как партийный работник, возможно, уже несколько отстал от курса или темпа работы, так что пребывание в Москве и с этой стороны принесет мне много пользы»[59].

Рапорт пошел по инстанциям. Члены РВС армии и Республики признали доводы комбрига Калмыкова убедительными, обоснованными и просьбы его уважали. 16 июля 1921 года Михаил Васильевич, сдав бригаду преемнику, выехал в Москву, имея на руках предписание на учебу в Академию Генерального штаба Красной Армии.

Дорога из Владикавказа тянулась невероятно долго — разруха более всего разъела своей ржавчиной железнодорожный транспорт. Так что времени для неспешных раздумий было предостаточно. Вспоминал абитуриент Калмыков свои былые боипоходы, но чаще мысли уносили в будущее, заставляли размышлять о том, что ждет его в стенах академии, при встрече с профессорами и преподавателями, которые, как был наслышан, почти сплошь из генералов и полковников, старых, прижимистых и нудных.

В гражданскую немало таких же вот, как он, рабоче-крестьянских слушателей, говаривали, от силы месяц-другой выдерживали муштру научную, а затем сбегали обратно в свои красные полки, бригады, дивизии. Так поступил Василий Иванович Чапаев и поступил, наверное, правильно. Не возвратись он к весне девятнадцатого из академии, возможно, совсем бы по-иному сложилось начало могучего контрнаступления Восточного фронта, не были бы столь стремительно освобождены Бузулук, Бугуруслан, Бугульма, Белебей, Уфа и другие заволжские да башкирские города и села.

А бывший председатель военной секции Уфимского Совета Чеверев Александр?.. Он также был послан на учебу в Москву и тоже пробыл в ней не более двух месяцев. Вернувшись же в Сарапул, в штаб 2-й армии, заявил члену РВС С. И. Гусеву так:

> «Артиллерию начинают с персидского или греческого катапульта. На черта мне катапульт, ежели гражданская война разгорается с каждым днем. Дьявол их забери вместе с их катапультом»[60].

И командарму В. И. Шорину Чеверев доложил напрямую:

> «Кончил учиться. Не могу дальше. Кое-что теперь понимаю по тактике и топографии. И хватит с меня. Давайте назначение. Хочу опять в свой полк»[61].

Да на старую должность не поставили. Доверили быть командиром бригады, в которую входил былой чеверевский полк…

А прежнего председателя Златоустовского ревкома и командира кавалерийского полка имени Володарского Ковшова провожал Калмыков на учебу в Москву из родной 30-й дивизии самолично, вместе с братом Виталия Дмитриевича — Венедиктом, ставшим еще в Уфимском Сводном отряде его верным и неизменным начальником штаба. Направляя Виталия Ковшова в Академию Генерального штаба Красной Армии, РВС 3-й армии указал, что делает это, «дабы подвести под его блестящие командирские способности военно-научный фундамент».

Большим военачальником стал бы со временем старший из братьев Ковшовых. Это точно. Да военная судьба распорядилась по-другому. В ноябре 1919-го, не проучившись и года, Виталий Дмитриевич был командирован на защиту Красного Питера, затем воевал против панской Польши. По заключении мира с ней получил вызов ехать обратно в Академию, доучиваться, но сам испросил отсрочки до полного разгрома банд Булак-Булаховича. Так и сражался до самого этого дня, до 30 ноября 1920 года, в который и настигла его одна из последних бандитских пуль… И все-таки он вернулся в Москву. По настоянию командования Академии, как рассказывал Венедикт Дмитриевич, тело его погибшего смертью храбрых брата было перевезено в столицу и при участии всех слушателей захоронено у Кремлевской стены на Красной площади. «Приеду вот на место, — приказал себе Михаил Васильевич, — первым делом наведаюсь обязательно к нему, Виталию Ковшову…»

2.

То, конечно, были исключительные случаи. В целом же, несмотря на все превратности военного времени, первая советская Академия набирала силу, проводила выпуск за выпуском, и красные генштабисты оказывали все более ощутимую помощь командармам, начдивам, комбригам, улучшали боевое управление, налаживали работу штабов, организовывали

непрерывную разведку, обеспечивали надежное взаимодействие и всестороннее обеспечение войск. В документах, готовившихся при их участии, как правило, содержались глубоко и умело продуманные идеи ведения боев, сражений, операций, поражавшие даже противника своей новизной, дерзостью.

Все так. Но нет-нет и екало сердце бывалого краскома: сумеет ли он всего лишь за три года совершить бросок от начальной городской школы и годичного саперно-подрывного класса сразу до специалиста с высшим военным образованием? Смущало командира-большевика, дважды краснознаменца и то, что по выпуску из Академии пошлют его на штабную работу, пускай и самого высокого уровня. Нет, Калмыков никогда не смотрел свысока на штабных работников, напротив, нередко завидовал железной логике мышления, остро развитой интуиции лучших из них.

Такие качества мечтал он развить и в себе, но вместе с тем понимал, что по природному складу, по размашистости своего характера вряд ли когда сумеет, отрешившись от всего, часами, а то и сутками жить только одними оперативными документами, отрабатывая их с педантичной точностью и виртуозным изяществом. Настоящим штабистом, считал он, как и настоящим художником, сколько ни учись, не станешь — им надо родиться.

Да не знал еще фронтовик, что Реввоенсоветом Республики, партией и правительством одновременно с коренной перестройкой структуры Вооруженных Сил страны, вступавших на путь мирного строительства, кардинально решались и проблемы высшего военного образования в РККА. На новом этапе развития Красной Армии центральными фигурами становились командиры частей и соединений, способные принять на свои плечи всю тяжесть учебно-воспитательной работы в войсках, которую требовалось вести с учетом последних достижений военной науки, с учетом опыта мировой и, особенно, гражданской войн. А как преуспеть им во всем этом, если подавляющее большинство командиров среднего и значительная часть старшего звена не имеют систематического военного образования, а порой нуждаются и в повышении своей общей грамотности?

Приказ РВСР за № 1675 о поднятии общего уровня военных знаний в Рабоче-Крестьянской Красной Армии до высоты современных требований был опубликован 5 августа 1921 года, когда М. В. Калмыков уже прибыл в Москву. И он без тени недавней робости взошел на ступени особняка на Воздвиженке, принадлежавшего некогда московскому клубу «Императорского охотничьего общества», в котором размещалось с декабря восемнадцатого новое советское высшее учебное заведение. В его

наименовании не стало отпугивавших слов — «Генерального штаба». Теперь оно называлось просто — Военная академия РККА.

О том, что академия отныне будет готовить прежде всего общевойсковых командиров с высшим военным образованием, убедительнейше свидетельствовал сам состав ее первого набора мирного времени. Преобладающую его часть — 64 процента — составляли вчерашние начальники дивизий, командиры бригад, полков и даже батальонов, а также их заместители. Штабных же работников было менее 12 процентов от общего числа новых слушателей.

Особо окрылило Михаила Васильевича Калмыкова, как и многих других товарищей, то, что с 27 августа 1921 года в исполнение обязанностей начальника академии вступил один из самых молодых в Стране Советов командующих армиями и фронтами гражданской войны, один из достойнейших ее героев и полководцев — Михаил Николаевич Тухачевский.

Новый начальник сразу же внес свежую струю во всю многогранную деятельность академии. При активном участии прибывшей вместе с ним большой группы опытных военачальников-фронтовиков М. Н. Тухачевский начал решительно утверждать подлинно ленинские взгляды на пути дальнейшего строительства и боевой подготовки РККА. Его большой полководческий дар и аналитический ум военного теоретика помогал слушателям правильно осмысливать тенденции послевоенного развития вооруженных сил крупнейших капиталистических стран и связанный с этими тенденциями вероятный характер будущей войны с империалистическими агрессорами, а главное — верно понимать политику Коммунистической партии и Советского правительства в деле укрепления обороноспособности страны и вытекающие из этой политики задачи высшего командного состава РККА.

Однако имелось еще и немало трудностей. Слушатели нового набора на сто процентов были членами РКП(б), были заслуженными боевыми командирами, но их общая подготовка желала много лучшего. Учитывая это, начальник академии организовал параллельное изучение военных и общеобразовательных дисциплин. Он требовал, чтобы преподаватели тактики, военной истории заботились и о совершенствовании знаний слушателей в области русского языка, а те, кто читал, к примеру, фортификацию или военную топографию, — не меньшее внимание уделяли математической подготовке своих подопечных.

На более высокий уровень поднялась в академии и вся идейно-воспитательная работа. К выступлениям на политические

и общевоенные темы М. Н. Тухачевский привлекал видных деятелей партии, крупных военачальников, таких, как Емельян Ярославский, Феликс Кон, С. С. Каменев, Н. И. Подвойский.

А в начале третьего, завершающего, учебного года М. В. Калмыков стал и участником встречи с Председателем ЦИК Союза СССР. Свою пламенную речь Михаил Иванович Калинин посвятил роли и значению воспитания новых поколений красных воинов на священных традициях первой в мире армии рабочих и крестьян, родившихся в горниле жесточайших боев за утверждение и защиту завоеваний Великого Октября.

На выступлении Всесоюзного старосты вместе с Калмыковым присутствовал его давний друг и товарищ по борьбе за власть Советов на Урале и в Башкирии Николай Дмитриевич Томин — слушатель открывшихся при Военной академии РККА девятимесячных Высших военно-академических курсов.

Прибыв на учебу в Москву, красный казак Томин продолжал вести дневник. В нем после встречи с М. И. Калининым появилась такая запись:

> «Он говорил, что пора нам научиться быть правдивыми, эта правдивость необходима как при описании истории своих частей, а тем более при сообщениях о ходе операций. А то у нас всегда получается очень гладко: если нас разобьют, говорим, что силы противника велики…»

Дневник П. Д. Томина сохранился до наших дней, и по нему с предельной достоверностью мы узнаем о его личных переживаниях и переживаниях всех слушателей Военной академии РККА и Высших военно-академических курсов в неимоверно тяжкие дни всенародного траура начала 1924 года:

> **«22 января.** Это событие нужно записать не в дневнике, а сердце и разуме, и чтоб там оно запечатлелось навсегда, до самой смерти, да так оно и случится. Как много значат два эти слова: «Умер Ленин», как много скорби, и как тяжела эта потеря, говорить не нужно. Кто понял его учение, тот, безусловно, поймет, что потеря Ленина очень и очень тяжела. Верить не хотелось. Но позднее это подтвердилось. Трудно зафиксировать на бумаге то чувство глубокого горя и горя непоправимого, которое охватило меня и, по моему мнению, овладело всеми, кто боролся за освобождение угнетенных и видел в Ленине великого вождя, кто понимал и ценил его, тот, безусловно, потерял больше,

чем потеря своего отца или матери.

23 января. Сегодня Военная академия и ВАК в полном составе встречала останки В. И. Ленина. Когда процессия двигалась от Павелецкого вокзала, то по пути все проулки… были заполнены людьми. Настроение у всех какое-то подавленное, всюду во взгляде рабочего, красноармейца чувствуется потеря, сожаление, у буржуя — затаенная злоба.

24 января. Сегодня имел возможность попасть в Колонный зал к телу В. И. Ленина. Стоял около получаса. Толпа двумя вереницами проходила беспрерывно, тихо, торжественно. Вот отец поднял ребенка (пять-шесть лет), который впился глазами и беспрерывно поворачивал голову в сторону Ильича, пока отец не пронес его совершенно. Трудно передать то чувство, которое овладело мной, пока я находился там…

26 января. Завтра хороним Ленина. Как больно и как тяжело это сознавать! Это факт, от которого нельзя отмахнуться и который нельзя изменить никакими словами. В Ленине не только партия и партийные потеряли близкого, родного и верного товарища и друга, но и беспартийные одинаково потеряли в нем не только государственного человека и вождя страны, но и олицетворение справедливости.

27 января. Сегодня мы поднялись в шесть часов, а уже в 7 часов были у Дома Союзов, куда прибыли воинские части, организации и делегации с венками. Погода была холодная, до 26 градусов, но все-таки организации своевременно начали подходить к Дому Союзов. В 9 часов была подана команда «Смирно!», заиграла музыка и из Дома Союзов показалась процессия с гробом Ильича. За ней двигался съезд Советов и за ним — слушатели академии и военно-академических курсов… В 4 часа, в минуты, когда вносили тело Ильича в мавзолей, были даны артиллерийские залпы, играла музыка и заводские гудки гудели, словно напоминая об учении Ленина и призывая в будущем к исполнению его идей»[62].

…По праву старшекурсника и дважды краснознаменца Михаил Васильевич Калмыков также в числе первых встал в почетный караул у гроба Ильича, который, начиная с 23 января, постоянно несли слушатели Военной академии РККА и Высших военно-академических курсов.

С живым Лениным он виделся лишь однажды. То было 7 ноября 1921 года на собрании рабочих, работниц, красноармейцев и молодежи Хамовнического района столицы, посвященном празднованию 4-й годовщины Великого Октября. Виделся лично только раз, а говорил-то вождь всемирного пролетариата ранее с ним и его боевыми соратниками не единожды.

Это об их небывалом в истории партизанском рейде по глубоким вражеским тылам Владимир Ильич 19 сентября 1918 года слушал рассказ, а затем читал и подробнейшее письмо члена Уралобкома РКП(б) А. П. Спундэ. Помнил о нем и его бойцах и позже, в ноябре того же года, передавая через командарма Р. И. Берзина пожелания всяческих успехов в новых боях с врагами революции.

Он же, Владимир Ульянов-Ленин, горячо поздравлял краскома Калмыкова, как и всех геройских воинов 3-й и 2-й армий со взятием Перми и Кунгура, выражал ему и всему красному Восточному фронту общую радость, общий восторг Республики по поводу полного освобождения Урала и вступления в бескрайние просторы Сибири.

И в конце 1920 года Председатель Совета Народных Комиссаров, выступая с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов, не забыл особо подчеркнуть, что «одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем»[63], а спустя два дня, 24 декабря того же года, Владимир Ильич лично подпишет постановление Совета Труда и Обороны о выдаче ему, герою штурма Чонгара, и «всем военнослужащим, состоявшим налицо 20 ноября с. г. по спискам всех частей, штабов, управления и учреждений Южного фронта, — месячного оклада жалования»[64].

Об одном лишь не знал — не ведал Михаил Васильевич Калмыков в те скорбные дни января 1924 года, что минет только двенадцать лет и на его груди засияет третья награда Советского государства, высший орден Союза ССР — орден Ленина.

3.

Учебу в Военной академии РККА Калмыков начинал при Михаиле Николаевиче Тухачевском, а завершал ее уже при Михаиле Васильевиче Фрунзе. С назначением начальником главной кузницы высших командных кадров Красной Армии этого верного ленинца, самого выдающегося пролетарского полководца

и военного теоретика в жизни академии начался новый значительный этап. М. В. Фрунзе считал, что обучение слушателей должно быть неразрывно связано с боевой и политической подготовкой войск, со всей практикой социалистического строительства страны.

1 августа 1924 года на торжественном заседании Военной академии РККА, посвященном 4-му выпуску ее слушателей, Михаил Васильевич выступил с речью «Задачи академиков в армии».

> «…В момент великого борения в открытой схватке и во время подготовки к самому бою прежде всего нужно было думать не о том, чтобы всю массу трудовых низов поднять на должную высоту, но нужно было позаботиться в первую очередь о том, чтобы было кому вести эти многомиллионные массы в бой. Отсюда, — напутствовал Фрунзе новых «академиков», — для вас выплывает задача: помня всегда об этом, стараться вернуть стократно стране те затраты, которые сделаны на вашу подготовку, помнить о своей обязанности быть в любом уголке вашей работы центром тяжести, центром, организующим творческую деятельность, помнить о том, чтобы каждый из вас, где бы он ни работал, куда бы ни явился, давал бы толчок всей дальнейшей работе, сделался бы источником новых достижений, нового прогрессивного движения вперед»[65].

При выпуске из академии М. В. Калмыков был назначен начальником 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. Соединение это продолжало оставаться на линии огня, являясь главной общевойсковой единицей Туркестанского фронта, который образовался в августе 1919 года и все еще не был реорганизован в обычный военный округ.

Первым командующим Туркфронтом был М. В. Фрунзе. Из Средней Азии он и приехал в Харьков, чтобы принять руководство войсками воссозданного Южного фронта. Данных о том, был ли у Калмыкова специальный разговор с начальником академии о предстоящем назначении, не имеется, но есть все основания полагать, что бывший командующий войсками Украины и Крыма хорошо помнил бывшего комбрига 89-й Чонгарской, поскольку сам в порядке поощрения выдвигал его в начальники 42-й стрелковой дивизии. Конечно же, учитывал Фрунзе и немалый опыт своего выпускника в ведении партизанских боев на Урале, борьбы с бандами Махно на Украине, а также выучку действий в горных условиях, полученную перед академией в Терской группе

войск М. К. Левандовского.

Под начало к нему, Левандовскому, ставшему в апреле 1924 года командующим Туркестанским фронтом, и возвращался теперь Калмыков. Он ехал на третью свою войну. В южных областях Средней Азии не прекращались вооруженные выступления басмаческих банд. Базируясь в труднодоступных районах, они время от времени совершали налеты то на один, то на другой кишлак и зверствовали там похлеще махновцев. Басмачи отлично ориентировались в горах, имели на местах разветвленную агентуру, а главное — получали всемерную поддержку из-за границы от командной верхушки колониальных английских войск, щедро снабжавшей «слуг ислама» оружием, боеприпасами и разным снаряжением.

…В Коканд — один из центров Ферганской долины, в многочисленных кишлаках которой несли боевую службу части 2-й Туркестанской, М. В. Калмыков прибыл вместе с другим выпускником академии — М. Л. Полуновым, назначенным на должность начальника штаба той же дивизии, и оба сразу же были потрясены трагической вестью. В Восточной Бухаре, близ таджикского селения Куляб, при отражении очередного наскока шаек неуловимого Ибрагим-бека геройски погиб командир 6-й Алтайской кавалерийской бригады Н. Д. Томин.

Полностью пройти положенный срок обучения на Высших военно-академических курсах Николаю Дмитриевичу не довелось. В конце апреля он прямо с лекций был вызван в Реввоенсовет СССР, где и получил предписание не медля следовать на Туркестанский фронт для принятия там командования конниками бригады, действующей на одном из опаснейших участков.

В новых боях герой Урала, Сибири, Польского похода и штурма дальневосточной Волочаевки пробыл немногим более 3-х месяцев… Ночью 12 августа бригада вновь поднялась по тревоге. Томин поскакал с передовым эскадроном. Банда курбаши Алиназара раз уже кололась надвое, чтобы запутать следы главаря. Вскоре и та группа, за которой гнался комбриг, опять поделилась. Алиназар во весь опор мчался в сторону камышей, а они здесь, что джунгли, — в них легко укрыться и спастись бегством за афганскую границу.

— Вперед! — прокричал Томин, пригибаясь к луке седла. Через минуты две он первым врезался в гущу басмачей и, рубя шашкой налево, направо, пошел на сближение с главарем. Но… грянули почти одновременно два точных выстрела, и комбриг бессильно опустил голову на гриву скакуна.

Газета политуправления Туркфронта в некрологе, посвященном Н. Д. Томину, писала:

> «Через твой труп, через сотни, тысячи трупов, подобных тебе, человечество придет к новому коммунистическому обществу…»

Омраченный безвременной потерей старого боевого друга, Калмыков принимал одну за другой части 2-й Туркестанской дивизии. Их красноармейцы, командиры, политработники пребывали в тяжелейших условиях. Резкие перепады температур, крайняя разбросанность по мелким гарнизонам, перебои с материальным обеспечением, вечное недоедание и, конечно же, ведение постоянной борьбы с басмачеством подрывали и физические, и моральные силы людей.

Терялся поначалу новый комдив: с чего, с какого конца тут браться, как выправлять положение? И вновь вспоминался Фрунзе, вспоминалась его речь на проводах из академии:

> «Вы должны вернуться в атмосферу довольно-таки серенькую, в атмосферу обыденщины, обывательщины, с ее рутиной, с ее будничными крохоборскими интересами. И несомненно, что эта обстановка, эта атмосфера будет являться величайшим препятствием для достижения тех целей, о которых я сейчас вам говорю. Но плох будет тот из вас, кто впадет в уныние, кто впадет в состояние апатии. Настоящий вождь-революционер, вождь-организатор именно и будет испытан здесь, в этой практике, в этом опыте повседневной будничной работы. И только тот из вас может претендовать на роль настоящего красного генштабиста, настоящего организатора и вождя Красной Армии, который с этой обстановкой сумеет справиться, не даст ей подчинить себя и сумеет и себя продолжать учить и других вести за собой. Об этом последнем вы должны точно так же помнить постоянно»[66].

Фрунзе не сгущал красок. Страна и с образованием Союза Советских Социалистических Республик все еще находилась в страшной хозяйственной разрухе, ее здоровые силы травили нэпманы, спекулянты, уголовщина всех мастей. Средней Азии было и того хуже. Наплыв тысячных масс голодных людей из центральных губерний повсеместно множил безработицу да и хлебным краем в двадцать четвертом году она уже не была. В то лето ее просторы охватила небывало страшная засуха. Урожаи всех культур оказались до предела мизерными. Воспользовавшись новыми трудностями и нехватками, басмачи активизировали свою преступную деятельность, значительно расширили ее.

С октября РВС фронта возложил на 2-ю Туркестанскую стрелковую дивизию задачу борьбы с басмачеством не только в Ферганской долине и Ташкентском боевом районе, а и во всей Самаркандской области.

Комдив М. В. Калмыков и комиссар М. О. Корявов, учтя изменения обстановки, наряду с основным штабом в Коканде, образовали и полевой штадив в Самарканде, куда сразу же и выехал Михаил Васильевич. Там он принял в оперативное подчинение 3-й, 4-й Туркестанские полки, части национальной Красной Армии, а также батальон Средне-Азиатской школы комсостава и, продолжая оставаться командиром 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, приступил к одновременному исполнению обязанностей командующего войсками Самаркандской области.

Тогда же Калмыков, его заместители, работники штаба и политического отдела безоговорочно приняли новую политику борьбы с басмачеством, а приняв, начали строго требовать от командиров всех степеней, от каждого коммуниста повседневно разъяснять и углублять в сознании красноармейцев роль Красной Армии как защитницы интересов трудящихся Востока, учить их безупречному, подлинно братскому отношению к местному трудовому населению.

В те дни Михаил Васильевич действовал в тесном контакте с председателем Самаркандского облисполкома, членом коммунистической партии с 1918 года Урун-Ходжаевым. Дружба эта способствовала мобилизации сил всего областного совещания на борьбу с басмачеством, на привлечение многих и многих коммунистов Самарканда, а также окрестных кишлаков к работе по политическому воспитанию дехкан.

Оба руководителя своевременно заметили и должным образом оценили стихийно родившиеся в массах крестьянской бедноты демонстрации протеста против злодейских деяний басмачей. По данному поводу был издан совместный приказ-воззвание, в котором Калмыков и Урун-Ходжаев подчеркивали, что басмачи в своем большинстве — обманутые люди и что Советская власть при их честной сдаче обеспечивает им полную свободу и неприкосновенность. Однако не умаляли они и значения вооруженных мер воздействия против банд и шаек, не отрешившихся от бесчинств и кровавого разбоя, ставили задачи держать их под непрерывными ударами красноармейских и дехканских формирований, с тем, чтобы как можно скорее уничтожить эти группки врагов или вынудить их к добровольной сдаче.

Братскому сближению дехкан и красноармейцев, прибывших

из северных республик Союза в этот край для исполнения своего интернационального долга, как нельзя лучше помогало и то, что все они, следуя примеру командира, стремились к изучению их родного языка. Многие бойцы при встречах с местными крестьянами говорили только по-узбекски. И Михаил Васильевич преуспевал в этом. Еще в далекой Усолке и за время командования Богоявленским стрелковым полком он научился вполне свободно изъясняться по-башкирски, и теперь был рад тому, что говор его земляков оказался во многом схожим с узбекской речью.

Но борьба с басмачеством оставалась войной, острейшей, классовой. Были на ней тяжкие утраты, были дни светлых побед, были и всегда волнительные моменты представления храбрейших из храбрых к боевым революционным знакам отличия.

Одно из первых своих ходатайств на новом фронте боев к награждению орденом Красного Знамени командующий войсками Самаркандской области и командир 2-й Туркестанской дивизии послал на товарища Мурзу Ходжу Урун-Ходжаева — председателя облисполкома и особоуполномоченного Самаркандского обкома Коммунистической партии Узбекистана по борьбе с басмачеством.

В наградном листе, подписанном М. В. Калмыковым, говорилось, что тов. Урун-Ходжаев путем личной неустанной политработы по кишлакам и путем умелого руководства кишлачными советскими и партийными работниками перевел на нашу сторону джигитов шайки курбаши Сарык-бая, разложил банду Амин-бая, который был убит своими же джигитами, после чего последние сдались. В результате дальнейшей работы тов. Урун-Ходжаева предоставилась возможность, опять-таки при непосредственной поддержке самого населения, уничтожить вместе с главарем шайку Мурзы-Полвана.

Самоотверженная борьба местных коммунистов-агитаторов в сочетании с воинской доблестью личного состава красноармейских частей принесла в конце концов долгожданную победу. В июле 1925 года партийные и государственные руководители только что учрежденной Узбекской Советской Социалистической Республики торжественно поздравили всех их с полной ликвидацией басмачества в Самаркандской области.

А через месяц с небольшим, 31 августа того же года, М. В. Калмыков приказом по частям 2-й Туркестанской дивизии объявил:

> «в виду полной обеспеченности Ташкентской области от возникновения басмачества и ликвидации

басшаек в соседних областях, боерайон Ташкентской области ликвидировать»[67].

…Борьба с басмачеством близилась к завершению. Налаживалось хозяйство, улучшались бытовые условия, части и соединения Туркестанского фронта постепенно переходили к планомерной боевой и политической подготовке, в них создавались красные уголки и библиотеки, все шире разворачивали свою работу воинские школы по ликвидации неграмотности.

А 4 июня 1926 года не стало в Союзе ССР и последнего фронта гражданской войны — Туркестанский фронт был преобразован в Среднеазиатский военный округ. Первый командующий его войсками К. А. Авксентьевский в приказе, посвященном 9-й годовщине Великого Октября, писал:

> «Настоящий год ознаменован событием чрезвычайной важности — полной ликвидацией политического басмачества. Объединенными усилиями партийных и советских организаций, Красной Армии и ГПУ, при непосредственной активной поддержке дехканства басмачество, в продолжение 6-ти лет упорно боровшееся за закабаление трудового дехканства эмиро-байской властью, к настоящему дню разгромлено»[68].

В Средней Азии М. В. Калмыков вместе со всей Рабоче-Крестьянской Красной Армией, со всем советским трудовым народом пережил и новую невосполнимую для партии и страны утрату.

31 октября 1925 года от паралича сердца умер Михаил Васильевич Фрунзе.

> «Не выдержало его сердце, столько пережившее и бившееся такой пламенной, такой горячей любовью ко всем угнетенным, — обращался Центральный Комитет РКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим и крестьянам. — Умер большой революционер-коммунист. Умер наш славный боевой товарищ. Умер руководитель победоносных боев Красной Армии. Умер выдающийся ее строитель»[69].

Ветераны Туркестанского фронта, освобождавшие под водительством Фрунзе народы Бухары, Хорезма, Хивы от власти эмиров и баев, от порабощения их заморскими оккупантами, его боевые соратники по борьбе за власть Советов в Заволжье,

Башкирии, на Урале, Украине и в Крыму были потрясены кончиной сорокалетнего Председателя Реввоенсовета и Народного комиссара по военным и морским делам СССР.

> «Какая жестокая брешь в первой шеренге партии, — писала тогда «Правда Востока». — Какой страшный удар восьмой годовщине Октября».

И в Коканде, где по-прежнему дислоцировался основной штаб 2-й Туркестанской дивизии, в момент опускания тела умершего вождя Красной Армии в могилу на главной площади советской страны войска гарнизона замерли, затаили дыхание, слушая скорбно-торжественную симфонию орудийных залпов, протяжных стонов, фабричных, паровозных гудков и траурной музыки.

Комдив Калмыков в те минуты имел полное право твердо сказать, что исполнил наказ, данный М. В. Фрунзе выпускникам академии, сумел справиться с новой, крайне сложной боевой обстановкой, не дал ей подчинить себя, продолжал упорно учиться сам и вести за собой других.

Командир 13-го стрелкового корпуса, кавалер четырех орденов Красного Знамени И. И. Федько в очередной аттестации на комдива 2-й Туркестанской скажет, что его отличительными чертами являются

> «большая трудоспособность, живой интерес к военному делу, энергия, твердость и последовательность в решениях, чуткое отношение к нуждам своих подчиненных»[70].

В те же трудные годы и вверенная ему, Калмыкову, дивизия упрочила за собой высокое звание освободительницы народов Востока, сделала еще более крепкой смычку своих бойцов с широкими массами дехкан и способствовала всемерному обновлению Средней Азии, окончательному утверждению в ней Советской власти.

4.

В канун Первомая 1927 года в Коканд наконец-то приехала жена Калмыкова Зинаида Константиновна. В девичестве она, родившаяся на Одессщине, в семье крестьян-болгар, звалась Златой Карабаджак. Окончив гимназию в Кишиневе, училась на высших женских курсах в Киеве. Там еще в августе семнадцатого вступила в партию. Два года провела на фронтах гражданской.

Была чекисткой, затем комиссаром госпиталей Действующей армии.

В этом качестве и застал ее Михаил Васильевич при вступлении в командование 42-й стрелковой дивизией. Бои-походы близились к концу. Пора было подумать и об устройстве личной жизни. Калмыкову сразу же приглянулась красавица-болгарка — военком дивизионной медицины. И ей пришелся по душе степенный усач, смуглолицый, с головой, бритой под Котовского. На Северный Кавказ, в Терскую группу войск направились они уже супругами.

В Москве Зинаида Константиновна уволилась из рядов армии, но вскоре вновь сравнялась в своем положении с мужем — стала, как и он, слушательницей академии. Только не военной, а сельскохозяйственной.

В Тимирязевке курс обучения оказался более продолжительным, и свой академический диплом З. К. Калмыкова получила лишь в апреле двадцать седьмого. По приезде в Коканд сразу же начала трудиться агрономом в окружном земельном отделе. Да переменчива судьба военного человека. Только обосновался по-настоящему на жарком юге, — последовал перевод на крайний северо-запад, в Ленинградский военный округ на должность командира-комиссара 1-го стрелкового корпуса РККА.

Повышение было значительное и почетное. Корпус этот сформировался в июле 1922 года из дивизий, оказавшихся после гражданской войны на территории Петроградского военного округа. Первым его командиром-комиссаром стал В. К. Блюхер, добавивший после службы на Дальнем Востоке к своим прежним высоким титулам и имя героя штурма Волочаевки. С отъездом Блюхера в Китай главным военным советником при революционном правительстве Сунь Ятсена во главе корпуса находился другой видный участник гражданской войны — М. В. Сангурский.

Михаилу Васильевичу выпадало стать четвертым командиром-комиссаром корпуса, и ехал он сменять легендарного организатора и полководца Червобойного казачества Украины В. М. Примакова.

После приема в Ленинграде командующим войсками округа А. И. Корком и его заместителем Г. В. Зиновьевым оба выехали в Новгород, где к тому времени дислоцировался штаб корпуса. На совместный объезд всех частей у Виталия Марковича времени уже не хватало — Наркоминдел торопил его с занятием должности военного атташе советского посольства в Афганистане, и детально в курс всех дел нового командира-комиссара вводил

начальник политического отдела корпуса, член РСДРП(б) с 1903 года, один из создателей и руководителей Коммунистической партии Финляндии Э. А. Рахья.

Эйно Рахья близко знал Владимира Ильича Ленина. Вместе с другими товарищами по партии он был организатором конспиративной отправки Ильича из Разлива в Финляндию. Позднее сопровождал вождя грядущей пролетарской революции при его нелегальном возвращении в Петроград. Присутствовал на историческом заседании ЦК партии, принявшем решение о сроке проведения вооруженного восстания, а в ночь на 25-е октября 1917 года вместе с Лениным прибыли в штаб его большевистского руководства — Смольный.

С июля 1918 года Э. А. Рахья связал свою судьбу с Красной Армией, формировал 1-й стрелковый полк финских интернационалистов, был военным комиссаром 3-х Петроградских финских советских пехотных курсов комсостава. За бои с полчищами Юденича и против белофинских банд награжден орденом Красного Знамени, делегировался Компартией Финляндии на три первых конгресса Коминтерна, на которых вновь встречался с Владимиром Ильичем. Гражданскую войну Эйно Рахья закончил военкомом 55-й дивизии, а с февраля 1926 года возглавил политотдел 1-го стрелкового корпуса РККА.

Командный состав, политработников, полки и батальоны 16-й Краснознаменной стрелковой дивизии имени В. И. Киквидзе начпокор представил М. В. Калмыкову на военной игре, прошедшей очень поучительно. На разборе, а ранее при беседах с личным составом новый командир-комиссар убедился, что все киквидзевцы хорошо знают боевой путь и традиции своих прославленных однополчан, дорожат ими и стремятся приумножать их.

С двумя другими дивизиями корпуса — 20-й территориальной и 56-й кадровой, имеющей немалый боевой опыт, Михаил Васильевич знакомился на маневрах, которые проходили в местах былых ожесточенных боев защитников Красного Питера с войсками генерала Юденича. Эйно Рахья во время пауз в боевых действиях вспоминал ярчайшие эпизоды минувших сражений, геройские подвиги красноармейцев незабываемого 1919-го, что поднимало моральный дух участников учений, звало их к мужеству, умелому решению поставленных задач в трудных условиях болотисто-лесистой местности, почти беспрерывных дождей, холодной и ветреной погоды.

За этими и другими делами-заботами незаметно подошел октябрь. В частях корпуса, как и во всем округе, по всей стране

развернулась деятельная подготовка к дням торжественного празднования 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

15 октября 1927 года Ленинград встречал членов Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и Советского правительства, прибывавших на юбилейную сессию ЦИК СССР IV созыва. К приходу специального поезда из Москвы на главный перрон Октябрьского вокзала вышли секретарь Северо-Западного бюро ВКП(б) С. М. Киров, секретарь ЦИК СССР А. Е. Енукидзе, зампредседателя Реввоенсовета Союза ССР С. С. Каменев. Занял положенное место Сводный почетный караул, честь командовать которым была предоставлена комдиву 20-й 1-го стрелкового корпуса С. И. Урицкому. На правом фланге караула со знаменем крейсера революции «Аврора» выстроились военные моряки.

Ровно в 10.40 грянул «Интернационал». Под звуки пролетарского гимна гостевой поезд втянул свои вагоны под гигантские своды вокзала. Первыми на перрон ступили Председатели ЦИК СССР — М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Г. М. Мусабеков, Ф. У. Ходжаев, А. Г. Червяков. За ними следовали — председатель РВС и нарком по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилов, председатель ВСНХ Союза В. В. Куйбышев, нарком просвещения А. В. Луначарский и другие.

М. И. Калинин и К. Е. Ворошилов приняли рапорты командующего войсками ЛенВО, командующего Балтфлотом и начальника Сводного почетного караула…

Среди встречающих находились М. В. Калмыков и Э. А. Рахья. Имели они приглашения и на юбилейную сессию ЦИК СССР, которая открывалась вечером того же дня в бывшем Таврическом дворце. По выходе из вокзала оба попали в ликующую атмосферу большого празднества. На площади Восстания между высокими флагштоками с многочисленными кумачовыми полотнищами чернел заключенный в клетку из стальных прутьев памятник Александру III, который народ давно окрестил «Пугалом». С трудом пробившись к нему, Калмыков и Эйно Рахья прочли только-только появившееся на цоколе едкое четверостишье Демьяна Бедного:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей самодержавье.

В алых стягах был и весь проспект имени 25-го Октября.

Неожиданно в небе над ним, сверкая на солнце белым металлом крыльев, на небольшой высоте пронеслись самолетные звенья… Город этот помнился Калмыкову по апрельским дням семнадцатого года. Тогда его улицы были так же, как и сейчас, многолюдны, но светились они иными транспарантами и лозунгами, призывавшими к борьбе против империалистической войны, против антинародной политики Временного правительства. У Рахьи же были другие воспоминания — ему посчастливилось быть в Питере и в дни самого Октябрьского вооруженного восстания, на которое большевики подняли передовых рабочих, революционных солдат и матросов…

— А не проехаться ли нам, товарищ комкор, — предложил Эйно Абрамович, — сразу к Зимнему и Смольному. Денек-то словно по заказу кинематографистов выдался, тех, кто завершает ныне съемки фильма «Октябрь». Не возражаете?

Не ошибся начпокор, и Михаил Васильевич как бы наяву, в натуре просмотрел исторические события десятилетней давности — и штурм Зимнего, и сцены перед Смольным, в дни, потрясшие мир.

А 15 мая следующего, 1928 года в Ленинград прибыл новый командующий войсками округа М. Н. Тухачевский, показавший себя с первых дней служения большевистской партии и трудовому народу решительным поборником самых передовых и инициативных действий. Таким он запомнился и тем, кто знал его по руководству Военной академией РККА. Уже на первой встрече с руководящим составом округа Михаил Николаевич поставил широкие, идущие далеко вперед задачи не только по обучению войск, но и подготовке гражданского населения к испытаниям грядущей войны. Тогда же командующий дал указания о разработке крупной программы по проверке готовности войск и промышленных районов Ленинграда к отражению возможного воздушного нападения.

И в начале июня в округе и городе прошли первые в стране двусторонние учения, имевшие целью повысить эффективность аэростатного заграждения, боеготовность зенитно-артиллерийских и авиационных подразделений, устойчивость связи военно-воздушных сил с наземными частями и руководством, а также дать практические навыки труженикам крупнейших ленинградских предприятий по защите себя и своих заводов от внезапных ударов с воздуха.

На разборе М. Н. Тухачевский признал серьезность подготовки и проведения учений. Фундамент есть, говорил он, наши заводы уже не являются беззащитными. Однако оборона каждого предприятия должна искать свои пути как в специально-

техническом, так и в военном отношении. Быстрое развитие новейших средств нападения требует от противовоздушной обороны постоянного совершенствования и творческой работы. В заключение командующий указал на необходимость укрепления связей гражданских ПВО и ПВХО со всеми родами войск округа, особо заострил вопрос на способах борьбы тех и других с низколетящими целями и налетами авиации в ночное время.

Инспектируя дивизии и полки корпуса, организуя военные игры, участвуя в маневрах округа, проводимых лично М. Н. Тухачевским, комкор-комиссар 1-го стрелкового учился сам и учил других подходить, как и командующий, к любому делу с высокой партийной ответственностью и требовательностью, всегда гореть негасимым огнем инициативы, стремлением принести как можно больше пользы армии и народу.

> «Там, где нет указаний сверху, — подчеркивал Михаил Николаевич после октябрьских учений двадцать восьмого года, — действуй самостоятельно. Иногда это может разойтись с желанием высшего боевого управления. Но боевой опыт учит нас, что активные войска, нарушающие иногда предположения высшего командования, дают большие результаты, чем пассивные войска…
>
> Недостаточная напористость, самодеятельность, мобильность, — продолжал командующий, — это краеугольный минус, самое опасное наше место… У нас не то, чтобы нежелание так действовать, а просто неприученность. Так что нам нужно поставить себе задачи приучить наши части к самодеятельности»[71].

На себе самом М. В. Калмыков ощущал и умение Михаила Николаевича быстро, точно схватывать все качества подчиненных и давать им принципиальную оценку. Это ведь благодаря строгому, но справедливому подходу к нему командующего войсками ЛенВО, он получил счастливую возможность и во второй раз побывать на учебе в Москве.

> «Участие М. В. Калмыкова в военных играх и полковых поездках подтверждает умение организовать общевойсковой бой и влиять на его развитие. Однако ощущается необходимость дальнейшего усовершенствования и развития как в области оперативно-тактической (преимущественно в оперативной), так и в общем военном кругозоре», —

писал М. Н. Тухачевский в аттестации, данной в феврале 1929 года, и делал вывод о целесообразности командировать комкора-комиссара 1-го стрелкового на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава[72].

Эти курсы были организованы еще в июне 1925 года по распоряжению М. В. Фрунзе, и главная задача их состояла в усовершенствовании и обогащении новыми знаниями тех командиров, которые ранее уже окончили Военную академию РККА или учились на Высших военно-академических курсах.

В том же 1929 году М. В. Калмыков окончил КУВНАС с отличием и по указанию наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова в числе группы других военачальников был направлен в трехмесячную заграничную командировку для изучения экономического и военного состояния Германии как одного из вероятных противников молодого рабоче-крестьянского государства.

По возвращении в Советский Союз Михаил Васильевич в прежней должности пробыл недолго. 25 мая 1930 года был подписан приказ по войскам Ленинградского военного округа, посвященный персонально ему:

> «Командир и военный комиссар 1-го стрелкового корпуса Калмыков Михаил Васильевич получил новое назначение в Главное управление РККА на должность начальника Командного управления.
>
> Тов. Калмыков, командуя в течение двух лет 1-м стрелковым корпусом, приложил весь свой богатый служебный и боевой опыт для постановки на должную высоту тактической, стрелковой и мобилизационной подготовки частей корпуса… Все это создало тов. Калмыкову заслуженный авторитет как у подчиненных, так и у вышестоящих начальников.
>
> РВС округа, расставаясь с тов. Калмыковым, от лица службы объявляет ему благодарность и пожелания с той же неутомимой энергией продолжать работать в новой должности»[73].

Сдав корпус, простившись с товарищами, М. В. Калмыков выехал с женой, дочерью и сыном, родившимся уже в ЛенВО, из Новгорода в Москву.

К столичной службе в Главном управлении РККА Михаил Васильевич приступил накануне открытия XVI съезда ВКП(б), а в дни его работы получил и право присутствовать на одном из его заседаний.

То было 26 июня 1930 года. Председательствующий

М. И. Калинин предоставил слово делегату съезда товарищу Блюхеру.

Блюхер доложил съезду, что за последние годы Красная Армия выросла политически и значительно пополнилась новой техникой. Говоря о боевых действиях вверенной ему армии против китайских милитаристов и их белогвардейских прихвостней-недобитков, Василий Константинович заявил, что воины-дальневосточники дрались в этих боях «с такой колоссальной преданностью диктатуре рабочего класса, советской власти и нашей партии, с какой могли драться только лучшие отряды рабочей гвардии в 1918—1919 гг.»

— Позвольте заверить вас, — сказал в заключение первый кавалер первых боевых советских орденов Красного Знамени и Красной Звезды, — что, если в будущем повторится новая попытка помешать нашему социалистическому строительству, попытка напасть на наши границы, Красная Армия сможет с еще большей решимостью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью умереть за дело пролетариата, защитить наши границы[74].

Закончив речь, В. К. Блюхер передал Боевое Знамя ОКДВА председателю ЦИК Союза ССР. Михаил Иванович Калинин бережно принял стяг героев-дальневосточников и приник губами к его темному бархату…

Вечером того же дня долго толковали меж собой давние друзья-соратники. Вспоминали бои с дутовцами, беспримерный партизанский рейд по горам и лесам Башкирии, великий поход от берегов Вятки до Байкала и, конечно же, штурмы бетонных твердынь Перекопа и Чонгара. А потом Блюхер принялся страстно агитировать Калмыкова, чтобы опять им быть вместе, служить, защищая далекую землю «нашенскую».

Все тогда и решилось. Михаил Васильевич не только разумом — сердцем понял, что на Дальнем Востоке произошли пока лишь первые серьезные столкновения с агрессивными силами мирового империализма, что именно там и впредь будет по-настоящему испытываться боевая способность Отчизны к приближающейся новой войне.

И вот начальник Командного управления приглашен к начальнику Главного управления РККА.

— Как бы смотрите на то, если будете направлены на должность командира-комиссара 19-го Приморского стрелкового корпуса? — спросили его.

— Я привык точно выполнять боевые приказы, — не колеблясь ответил Калмыков.

5.

В начале декабря тридцатого года Михаил Васильевич снова уложил чемоданы, поднял на ноги семью и прокачался с нею в поезде почти десять суток, следуя к берегам Тихого океана, в боевой Дальневосточный регион.

19-й стрелковый корпус имел славные традиции. Его части в 1922-ом освобождали Приморье от остатков белогвардейщины и японских оккупантов, а год назад, являясь главной ударной силой Сводной Приморской труппы А. Я. Лапина (четвертого начдива 30-й), корпус наголову разбил и белокитайцев в Восточной Маньчжурии. Помнил Калмыков, что его предшественник — Григорий Давидович Хаханьян на фронтах гражданской был награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием, что весной — летом 1919 года он командовал бригадой в 26-й стрелковой дивизии, которая освобождала города и селения северной части Башкирии, а затем Златоуст и Челябинск.

Штаб корпуса располагался в Никольск-Уссурийске. Его части были разбросаны в радиусе ста и более километров. Невзирая на это, Калмыков в самый короткий срок объехал каждую дивизию, каждый полк. Повсеместно были проведены инструктивные совещания, беседы с широким кругом командного состава. Особое внимание новый командир-комиссар корпуса обращал на необходимость неуклонно повышать боевую готовность, укреплять дисциплину, основанную на высокой социалистической сознательности.

В первых числах августа 1931 года в штаб Приморского корпуса прибыли народный комиссар Обороны К. Е. Ворошилов и командарм Особой В. К. Блюхер. На груди у Василия Константиновича теперь выше ряда орденов Красного Знамени пламенели и два новых — орден Ленина за № 78 и орден Красной Звезды за № 1. Эти высокие награды командующему ОКДВА прикрепил лично Климент Ефремович Ворошилов на торжественном пленуме Хабаровского городского Совета, посвященном второй годовщине Особой Дальневосточной армии.

Высоких гостей встречали комкор-комиссар 19-го Приморского М. В. Калмыков, комдив 1-й Тихоокеанской А. И. Черепанов, их заместители и Почетный караул, составленный из взводов пехотинцев, моряков и пограничников. Затем К. Е. Ворошилов и В. К. Блюхер посетили близлежащие части корпуса, а одному из полков 1-й Тихоокеанской дивизии сыграли тревогу.

«…Мы вышли на тактические учения. Они проходили в трудной обстановке, — вспоминал уже в семидесятые годы дважды Герой Советского Союза маршал Н. И. Крылов, командовавший в ту пору этой частью. — К. Е. Ворошилов все время был среди нас, интересовался бытом, учебой, помогал решать тактические задачи. Под его руководством полк совершил трудный 110-километровый марш. С поставленной наркомом задачей полк… справился успешно.

Подводя итоги маневрам, нарком высоко оценил наши действия. Обращаясь к бойцам и командирам, он сказал:

— Ваши люди — это ведь все будущие командиры и комиссары…

Эти слова блестяще подтвердились. Многие воспитанники дивизии, в том числе тт. Морозов, Маслов, Кирюхин, Савинов, стали генералами. В наших частях выросли бригадный комиссар Абашин, полковые комиссары Ерохин и Плотников. Командирами полков стали тт. Бураковский, Шахназаров, Кощеев, Кормаев… политработниками стали тт. Кочетков, Стражников, Рябов, Герасимов, Петяхин и многие другие, начинавшие службу рядовыми красноармейцами и курсантами.

Предвоенные годы службы на Дальнем Востоке (после войны я вновь служил в тех краях) памятны для меня тем, что редкий день проходил без тревог. Повышенная боевая готовность, подобная той, к которой привыкли пограничники, постепенно становилась в приамурских гарнизонах, как и в Приморье, обычным состоянием»[75].

Образцово поставив боевую и политическую подготовку личного состава корпуса, М. В. Калмыков закрепил за ним добрую славу одного из лучших в Особой армии, которая в те годы становилась подлинной кузницей военных кадров всех степеней для всех вооруженных сил страны.

«Должности командира-комиссара корпуса вполне соответствует, — писал в очередной аттестации на Михаила Васильевича первый заместитель командующего ОКДВА М. В. Сангурский, — и достоин выдвижения на должность помощника командующего округом (армией)»[76].

И такое назначение состоялось. Калмыковы переехали в Хабаровск. Впервые Михаилу Васильевичу тогда довелось служить с давним своим командиром в стенах одного штаба и наравне с ним делить всю меру ответственности за судьбы огромного войскового организма ОКДВА, превосходящего по своей численности, по насыщенности вооружением и боевой техникой, по размерам вверенной под его охрану и защиту территории любой из западных военных округов.

В отгремевших боях и походах В. К. Блюхер, как истинно пролетарский полководец, познал истоки классовых битв и законы революционных войн, научился мастерству их ведения всеми формами и методами. Новые большие задачи встали перед ним в пору мирного строительства и укрепления боевой мощи Красной Армии.

Партия и правительство обязали его сделать Особую Дальневосточную самым боеспособным и передовым оперативным объединением РККА. И Блюхер, глубоко осмыслив прогрессивные явления в военной науке, вызванные колоссальным насыщением вооруженных сил техническими средствами борьбы, с присущими ему энергией и деловитостью создал в ОКДВА современные сухопутные войска, могучий военно-морской флот и первоклассные военно-воздушные силы.

По своему опыту Калмыков знал, насколько поучительны проводимые командующим в любых масштабах военные игры, учения, маневры, какое внимание в ходе их уделяет он политико-моральному состоянию личного состава, как умело воспитывает в красноармейцах, командирах, политработниках чувство общего их превосходства над вооруженными силами Японии и в то же время не терпит даже малейших шапкозакидательских настроений.

Все так, но, говоря по-честному, Михаил Васильевич не совсем был доволен очередным своим выдвижением — хоть и помощник, заместитель командующего, да… по материальному обеспечению.

— Не ожидал, Василий Константинович, — прямо заявил он по прибытии к новому месту службы. — Ведь я уже более двадцати лет в боевом строю и вдруг — в обоз, в хозяйственники?!

— Нет и нет, дорогой Михаил Васильевич, — возразил командарм. — Ныне хозяйственные дела — первейшие заботы всей партии, всего народа, а следовательно, и всех вооруженных защитников страны, особенно нас, воинов-дальневосточников. Мы с тобой призваны не только охранять Дальний Восток, но и менять его лицо, превращать из края каторги и несчастья людей в

край могучей индустрии, развитого сельского хозяйства, высокой социалистической культуры. Защита и созидание — такова сегодня наша генеральная двуединая задача и в числе первых на ее штурм идти тебе, как ты шел когда-то на штурм Чонгара…

Дальнейший разговор Василий Константинович, вел больше не с позиций командующего ОКДВА, а с высот бюро Далькрайкома ВКП(б), президиума Дальневосточного крайисполкома и ЦИК Союза ССР, членами которых он уже давно состоял. Блюхер подчеркнул, что проблемой номер один в ДВК остается нехватка рабочих рук, главным образом в сельском хозяйстве. Земли же вокруг уймища, земли плодороднейшей. Но сами себя снабдить хлебом, овощами, мясом, фуражом ни край, ни его армия пока не в состоянии. Все приходится везти из центральных районов страны, забивая железные дороги излишними перевозками, увеличивая стоимость всей этой продукции.

Выход в данное время один — брать все продовольственное снабжение и населения, и войск под полный контроль РВС армии. В Политбюро ЦК, в Совнарком и Реввоенсовет Союза уже направлены предложения о создании в составе ОКДВА первого в Союзе и РККА Особого стрелкового колхозного корпуса, который наряду с боевой службой и учебой будет заниматься и трудом в сельском хозяйстве, снабжая армию и край основными продуктами питания, а вместе с тем способствуя оседанию в ДВК многих увольняемых в запас красноармейцев и младших командиров с семьями, что крайне важно для дальнейшего развития всей экономики края, для создания столь остро нужных ОКДВА собственных мобилизационных ресурсов.

— Официальное постановление о создании ОСКК ждем в самом скором времени, — сообщил Блюхер в конце первой беседы. — Но Особой боевой и хозяйственной единице и командир нужен особый. По-настоящему боевой, по-настоящему хозяйственный да плюс к тому с подлинно крестьянской жилкой в душе… Решали, гадали мы и… остановили свой выбор на тебе, Васильич. Представление в РВС Союза уже послано.

— Да какой же крестьянин — стеклодув я отродясь! — воскликнул, защищаясь, Калмыков.

— Не говори, — улыбнулся Василий Константинович. — Еще в Башкирии, на примере твоего завода я убедился в том, что рабочие глубинки там в с землей-матушкой крепко-накрепко связаны… Так что считай вопрос решенным. В моих помощниках-замах недолго походишь, так сказать, для стажировки, а затем сам будешь решать все свои большие и новые дела.

17 марта 1932 года с одобрения ЦК ВКП(б) Совет Народных

Комиссаров СССР принял постановление о сформировании в составе ОКДВА Особого стрелкового колхозного корпуса (ОСКК) с тем,

> «…чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развивать экономику Дальнего Востока»[77].

В постановлении СНК СССР была определена структура Особого колхозного — управление, три стрелковые и одна кавалерийская дивизии общей численностью до 60 тысяч человек. Приказом РВС Союза ССР от 19 марта 1932 года командиром-комиссаром нового соединения специального назначения был утвержден Калмыков Михаил Васильевич.

Той же весной наркомат Обороны СССР объявил досрочный призыв 25 тысяч молодых людей для направления всех их в ОСКК, чтобы начать в нем строительные работы и освоение первых посевных площадей. Красноармейцы и младшие командиры Колхозного корпуса, изъявившие к концу второго года службы желание после увольнения в запас остаться в колхозах края, получали право вызова в ДВК своих семей.

К лету ОСКК располагал уже всем необходимым для успешного решения поставленных перед ним задач. Тогда же в центральных областях Российской Федерации и на Украине развернулось широкое движение за принятие шефства над частями нового корпуса.

Как-то при встрече с командиром-комиссаром Особого Колхозного Блюхер вспомнил о том потоке писем, которые шли к нему в дни боевых действий на КВЖД:

— Было тогда письмецо и от твоих земляков, Михаил Васильевич, из Башкирии. «Уважаемый нами, старыми партизанами села Красный Зилим, товарищ Блюхер! — начиналось оно. — Просто, по-мужицки решили тебе написать. Узнав, что китайские налеты продолжаются и ты там стоишь на рубеже, мы не можем сидеть дома…» Рвались тогда в ОДВА и мои волжане, рвались украинцы, с которыми был под Каховкой и на Перекопе. Отвечал им коротко: «Не беспокойтесь, сил у нас хватает, Особая и так не подведет». Да, для боев нам помощи не требовалось. А теперь же, при решении и крестьянских дел, она бы не помешала…

И пошли из Особого Колхозного письма в самые разные места Европейской части Союза. Ответы на них были самые добрые. В

июле тридцать второго Средне-Волжский крайисполком взял шефство над 1-й стрелковой колхозной, ЦИК Украины — над 2-й, исполком Центрально-Черноземной области — над 3-й дивизиями корпуса. Появились свои верные шефы у полков, даже у батальонов. Их делегации приезжали на Дальний Восток, заключали с колхозными соединениями, частями, подразделениями договоры на социалистическое соревнование и, конечно же, помогали своим подопечным всем, чем могли.

На 1933 год корпусу было уже отведено 100 тысяч гектаров посевной площади. Урожайность на ней предполагалось повысить на 10 процентов по сравнению со средней на Дальнем Востоке. Корпус обязывался довести поголовье крупного рогатого скота до 7.100, свиней — до 18.500, птицы — до 14.000. Успешное выполнение производственного годового плана позволяло полностью обеспечить части ОКДВА продовольствием и фуражом, а также максимально удовлетворить потребность в сырье промышленных предприятий края, расположенных в зоне хозяйств корпуса.

Энергично руководя боевой и трудовой деятельностью личного состава, командир-комиссар корпуса постоянно заботился и о политическом воспитании подчиненных, о действенности социалистического соревнования между ними. Заместитель начальника политуправления ОКДВА после посещения 3-й стрелковой колхозной дивизии отмечал:

> «Я беседовал с красноармейцами в лагерях, в поле, на стройках и не слышал нытья и особых жалоб на трудности. На стройке, на пахоте — везде они стараются добросовестно выполнять свои задачи»[78].

Неутомимый, жизнедеятельный, Михаил Васильевич не давал покоя и работникам управления корпуса. Под его руководством были разработаны инструкции по моральному и материальному стимулированию труда командиров и красноармейцев, обобщен опыт ударников социалистического соревнования, передовых частей и подразделений.

Трудовыми заботами Колхозного корпуса жила и начальник краевого управления госинспекции Наркомзема СССР З. К. Калмыкова, сотрудницы контрольно-семенных станций, отдававшие многие часы своего свободного времени обеспечению его хозяйств высокосортными семенными фондами.

К середине 1933 года ОСКК превратился в мощную экономическую силу края, стал активным участником социалистического преобразования народного хозяйства Дальнего Востока.

В сентябре следующего года состоялось досрочное увольнение красноармейцев двух опытных рот, к месту службы которых приехали семьи, и первые два хозяйства корпуса, названные именами С. М. Кирова и М. В. Калмыкова, перешли в систему колхозов края.

Весной 1935-го в ОКДВА торжественно отмечалась 3-я годовщина организации Особого стрелкового колхозного корпуса.

> «Поздравляю бойцов, командиров, политработников и агрономический состав с трехлетним существованием колхозных частей, — писал в праздничном приказе командарм Блюхер. — Любимое детище Клима Ворошилова, ваш корпус за эти годы вырос в мощную боевую и производственную единицу. В эти годы вы были не только верными стражами границ, но и по-большевистски работали над укреплением экономической мощи нашего края…
>
> Корпус должен и может выполнить требования Наркома Обороны: «боевая подготовка не должна уступать передовым, неколхозным частям Армии, а сельскохозяйственная деятельность должна служить школой для колхозов и совхозов края».
>
> Да здравствуют командиры, политработники, агрономический состав и чудесные бойцы Колхозного корпуса!»[79]

И Особый достойно ответил на призывные слова командарма. К концу тридцать пятого года все хозяйства корпуса стали рентабельными, полностью обеспечили армию продовольствием, фуражом, семенами и сдали государству сотни тысяч центнеров сельхозпродукции. Только 3-я колхозная дивизия отправила в те дни на приемные пункты Приамурья 160.500 центнеров зерна, 28.788 центнеров картофеля и овощей.

Наряду с ударным трудом на полях и фермах воины Особого Колхозного упорно повышали уровень своей боевой и политической подготовки, крепили дисциплину, мало в чем уступая строевым частям ОКДВА.

С большим подъемом личный состав ОСКК готовился к посевной кампании тридцать шестого года…

И неожиданно вся отлаженная сельскохозяйственная трудовая деятельность воинов-колхозников была прекращена. Последовал приказ о расформировании Особого стрелкового Колхозного корпуса и превращении его частей и соединений в обычные линейные полки и дивизии ОКДВА. Эти меры были вызваны резким ухудшением международного положения, все

более усиливающимися провокационными действиями японской военщины на наших дальневосточных рубежах.

За честное и самоотверженное выполнение поставленных задач высшее командование объявило всему личному составу корпуса благодарность. Многие воины-колхозники были отмечены ценными подарками, а большая группа особо отличившихся лиц красноармейского, начальствующего, политического и агрономического состава былого ОСКК постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 августа 1936 года удостоилась высоких правительственных наград.

После этого и засиял на груди комкора М. В. Калмыкова орден Ленина, полученный им за особо выдающиеся заслуги в социалистическом строительстве и обороне страны.

В конце 1936 года Михаил Васильевич Калмыков, как член ЦИК СССР, участвовал в работе VIII Чрезвычайного съезда Советов, принявшего новую Конституцию СССР, которая отразила факт победы социализма в многонациональном Советском государстве.

В середине 1937 года М. В. и З. К. Калмыковы были делегатами XII краевой партийной конференции, на которой член партии большевиков с июля 1917 года, командир-комиссар 20-го стрелкового корпуса и начальник гарнизона города Хабаровска комкор Калмыков Михаил Васильевич вновь был избран членом пленума крайкома ВКП(б).

…А чистое советское небо уже хмурили тучи недалекой войны. И первые ее грозы прогремели на Дальнем Востоке.

Летом 1938 года японские агрессоры вероломно вторглись в пределы СССР близ озера Хасан и были наголову разбиты частями ОКДВА, преобразованной в Краснознаменный Дальневосточный фронт.

Да не отрезвели сообщники гитлеровского фашизма по борьбе за мировое господство. В мае следующего года маньяки страны восходящего солнца бросили свои отборные полчища на дружественную нам Монгольскую Народную Республику.

На выручку братьям по оружию пришли советские воины-забайкальцы и дальневосточники, и в районе реки Халхин-Гол распоясавшиеся захватчики понесли очередное сокрушительное поражение.

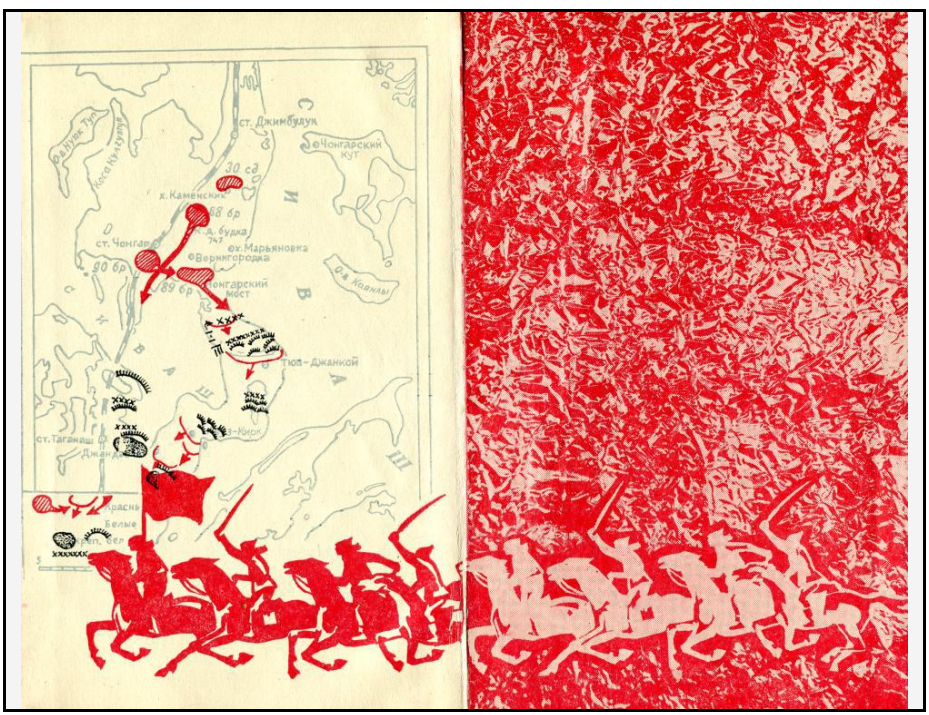
Но ни в этих боях, ни в последующих гигантских сражениях Великой Отечественной войны славному герою гражданской войны, видному военному деятелю мирных лет строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии участвовать уже не довелось. Жизнь Михаила Васильевича Калмыкова трагически оборвалась 27 декабря 1937 года, в возрасте сорока девяти лет.

Он, как и многие верные большевики-ленинцы того времени, стал жертвой необоснованных репрессий, произвола и беззакония, порожденных культом личности И. В. Сталина.

Прошли годы. После XX съезда КПСС доброе имя комкора М. В. Калмыкова вместе с именами тысяч других несгибаемых борцов за идеалы Великой пролетарской революции было возвращено народу.

О Михаиле Васильевиче Калмыкове — дважды краснознаменце гражданской войны, об одном из первых кавалеров ордена Ленина — ярко повествуют экспозиции и страстно рассказывают экскурсоводы исторических музеев, воинских и школьных комнат боевой славы. Его ратные подвиги и самоотверженное служение социалистическому Отечеству зовут к таким же достойным свершениям новые и новые поколения советских людей.

Герои не умирают. Герои живут вечно.



notes

Примечания

1

Мальчик — ученик стеклодува, подавал крючки, набирал из ванны стекло и выполнял другие подсобные работы. Начинщик и гамай — подмастерья. Первый набирал стекло на трубку, выдувал трубкой небольшую баночку и передавал ее второму. Тот выдувал уже полную банку стекла. В руках мастера она превращалась в огромный цилиндр весом в пуд с четвертью в так называемую халяву, которую разрезали и разворачивали в лист. На этом и завершался процесс. Температура жидкого стекла достигала тысячи с лишним градусов. Работали в одежде, насквозь пропитанной потом.

2

Вперед, 1918, 28(15) апр.

3

Ленин В. И. Биограф. хроника. Т. 5. С. 505.

4

ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 29, л. 150.

5

ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 241, л. 62.

6

Весной 1918 года П. И. Зудов был переведен на работу в Уфу, где занял пост помощника начальника губернского штаба боевых организаций народного вооружения.

7

1-й Уральский стрелковый полк был сформирован в Екатеринбурге в феврале — марте 1918 года. Это была первая на Урале регулярная часть Красной Армии. В мае того же года полк в полном составе вошел в отряд В. К. Блюхера и выступил на фронт под Оренбург, где командование им принял И. С. Павлищев. После избрания Блюхера главкомом Павлищев одновременно исполнял обязанности командира полка и всего Уральского отряда.

8

ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 17—18.

9

После боев на Извоз-горе на сторону противника перешла группа командиров Верхнеуральского отряда, в основном бывшие офицеры — Енборисов, Пичугин и другие. Увлечь за собой они сумели немногих. Абсолютное большинство красных партизан-казаков осталось верным знамени революции.

10

ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 94.

11

Там же, ф. 176, оп. 4, д. 41, л. 73.

Исторический архив, 1958, № 1. С. 87—88.

13

Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 6. С. 136.

На Южном Урале. М.: Воениздат, 1958. С. 113.

15

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 82, л. 3 об.

Чуйков В. И. «Герои живут в веках». — Правда, 1980, 30 нояб.

17

ЦГАСА, ф. 170, оп. 1, д. 1, л. 3.

Блюхер В. К. Статьи и речи. М.: Воениздат, 1963. С. 43.

19

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 32.

Тридцатая. Издание политотдела дивизии, 1933. С. 61.

21

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 1, д. 218, л. 11.

22

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 1, д. 218, л. 8.

23

Там же, л. 16.

24

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 1, д. 218, л. 19.

25

Красноармеец, 1918, 10 нояб.

26

Там же, 21 нояб.

27

Красноармеец, 1918, 27 нояб.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 202.

29

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 81.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 203.

31

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 113, л. 77.

32

Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 6. С. 346.

33

ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 31, л. 168.

ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 92, л. 76.

35

ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 92, л. 76.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 3.

37

Красный стрелок, 1919, 9 авг.

38

Е. Н. Сергеев вступил в командование 30-й дивизией в июле 1919 года после того, как Н. Д. Каширин был назначен на должность коменданта Оренбургского укрепленного района.

39

Военно-исторический журнал, № 10, 1970. С. 50.

40

Начальник 30-й стрелковой дивизии Е. Н. Сергеев после взятия Барабинска получил назначение на пост командующего армией и отбыл на Западный фронт.

41

Боевые подвиги частей Красной Армии 1918—1922 гг. М., 1957.

42

ЦГАСА, ф. 182, оп. 3, ед. хр. 202, л. 13.

В октябре 1957 года на этом месте был воздвигнут обелиск, на постаменте которого высечены слова: «Вечная слава борцам за власть Советов. Здесь 2 ноября 1920 года похоронены воины 270-го Белорецкого полка 30-й Иркутской дивизии имени ВЦИКа. Сохраним навечно память о погибших героях седого Урала, таежной Сибири и Башкирии».

В те же дни село Елизаветовка было переименовано в село Белорецкое.

ЦГАСА, д. 305, л. 361.

45

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 3, ед. хр. 47, л. 75.

46

А. К. Сивков — начальник артиллерии 30-й стрелковой дивизии, впоследствии генерал Красной Армии, погиб в конце 1943 года.

Красный архив, 1935, № 6. С. 58.

Там же.

49

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 3, ед. хр. 47, л. 453.

Там же, л. 458.

51

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 405, л. 152.

52

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 405, л. 141—142.

53

Борьба за Советскую власть в Крыму. Симферополь, 1961. С. 305.

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 3, ед. хр. 47, л. 474.

История гражданской войны в СССР. Т. 5. С. 208.

ЦГАСА, ф. 141, д. 206, л. 37.

История гражданской войны в СССР. Т. 5. С. 210—211.

Тридцатая, с. 56.

Архив авторов.

Железные комбриги. Сб. Уфа, 1978. С. 320.

61

Там же.

Кочегин П. Томин. Челябинск, 1967. С. 109—171.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 130.

История гражданской войны в СССР. Т. 5. С. 211.

Фрунзе М. В. Избр. произв. М.: Воениздат, 1984. С. 171.

Фрунзе М. В. Избр. произв. С. 171.

ЦГАСА, ф. 1111, оп. 3, д. 315, л. 12.

Правда Востока, 1926, 7 нояб.

69

Правда, 1925, 1 нояб.

Архив МО СССР, л. д. 113576, л. 31.

71

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 1, д. 197, л. 82.

Архив МО СССР, л. д. 113576, л. 35.

73

Архив МО СССР, л. д. 113576, л. 47.

Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 103—106.

Созвездие полководцев. Сб. Хабаровск, 1972. С. 176.

Там же. С. 297.

77

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 5266, л. 86.

ЦГАСА, ф. 33879, оп. 2, д. 33, л. 90.

79

ЦГАСА, ф. 33879, оп. 2, д. 140, л. 31.